

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**



**МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ:  
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**

Научная серия:  
*Международная миграция населения:  
Россия и современный мир*

**Выпуск 18**

**МОСКВА  
ТЕИС  
2006**

УДК 325  
ББК 60.7  
М43

*Серия «Международная миграция населения:  
Россия и современный мир»*

Выпуск 18

Редакционная коллегия:

**В.А. Ионцев** (главный редактор),  
**И.В. Ивахнюк** (ответственный секретарь), **Г.Е. Ананьева**,  
**А.Н. Каменский**, **Е.С. Красинец**, **А.Г. Магомедова**, **И.А. Малаха**,  
**В.Н. Петров**, **Л.Л. Рыбаковский**, **Г.В. Кумсков** (Кыргызстан)

**Международная миграция: экономика и политика:**  
**М43** Сборник статей/ Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: ТЕИС, 2006. –  
130 с. (Научная серия: Международная миграция населения:  
Россия и современный мир; Вып. 18).  
ISBN 978–5-7218-0923-1

Восемнадцатый выпуск серии содержит доклады российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным вопросам международной миграции в контексте её взаимосвязи с экономическими процессами и политическими проблемами.

Публикуемые в сборнике материалы могут не отображать точку зрения редколлегии. Авторы несут ответственность за их достоверность. Материалы серии имеют как научный, так и учебный характер и, соответственно, могут быть использованы в учебном процессе.

С электронной версией настоящего и предыдущих выпусков серии можно ознакомиться на сайте кафедры народонаселения экономического факультета МГУ ([www.demostudy.ru](http://www.demostudy.ru)).

УДК 325  
ББК 60.7

Компьютерный набор, обработка текста и подготовка макета:  
*И.А. Алешковский*

Напечатано с готового оригинал-макета  
Издательство ООО «ТЕИС»

Лицензия ИД № 04386 от 26.03.2001 г.

Подписано в печать 15.12.2006 г. Формат 60x88/8

Печать офсетная. Печ. л. 13,0. Тираж 300 экз.

115407, Москва, Судостроительная ул., 59

ISBN 978–5-7218-0923-1

© В.А. Ионцев и др., 2006

## СОДЕРЖАНИЕ <sup>1</sup>

<b>Предисловие</b> .....	<b>4</b>
<i>Цунео Акаха</i> Трансграничная миграция в Северо-восточной Азии: фактор региональной интеграции или новый источник напряженности? .....	<b>7</b>
<i>Иван Алешковский, Владимир Ионцев</i> Нелегальная иммиграция в общественно-политическом дискурсе .....	<b>28</b>
<i>Владимир Мукомель</i> Трудовые мигранты в России: экономические аспекты .....	<b>51</b>
<i>Елена Садовская</i> Международная трудовая миграция и денежные переводы в республиках Центральной Азии: стратегия выживания или стратегия развития? .....	<b>68</b>
<i>Рональд Скелдон</i> Миграция и бедность .....	<b>85</b>
<i>Александр Чернов</i> Миграция населения и сырьевая безработица .....	<b>102</b>
<i>Марк Тольц</i> После исхода: постсоветские евреи в современном мире .....	<b>110</b>
<b>Сведения об авторах</b> .....	<b>122</b>
<b>Информация о серии</b> .....	<b>123</b>

---

<sup>1</sup> Статьи настоящего сборника расположены в алфавитном порядке в соответствии с английской транслитерацией фамилий авторов.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

Общепризнано, что международная миграция тесно переплетается со многими факторами развития государств, регионов и мира в целом. На стремлении понять эти взаимосвязи и соответственно выстраивать на этом понимании как национальную миграционную политику, так и межгосударственное сотрудничество в миграционной сфере с целью получения наибольшего позитивного эффекта для экономического, политического, демографического развития сфокусировано внимание государств, которые активно вовлечены в миграционные потоки.

В 2006 году поиск наиболее оптимальных форм управления миграцией для обеспечения интересов всех затронутых ею стран, обществ и индивидуумов стал предметом исследования и обсуждения на самом высоком уровне: вопросы международной миграции и развития вошли в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН 14–15 сентября 2006 года. Этот диалог высокого уровня дал импульс формированию новых подходов к оценке потенциальных возможностей миграции для достижения целей экономического, социального, демографического, культурного, наконец, индивидуального развития.

Настоящий выпуск серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» включает статьи, в которых исследуются сложные и неоднозначные взаимосвязи между миграционными проблемами, с одной стороны, и экономическими и политическими процессами, с другой. Международная миграция населения — это во многом экономический процесс, в том смысле, что мигрантами чаще всего руководит экономическая мотивация, и они становятся участниками рынка труда принимающих стран. Активные миграционные потоки между странами стимулируют развитие торгово-экономических отношений между ними, способствуют интеграционным процессам, усиливают взаимный интерес.

Однако, если миграция принимает стихийный характер, неуправляемый характер, приобретает нелегальные и незаконные формы, она может иметь негативные последствия и стать причиной возникновения напряженности в межгосударственных отношениях.

Однако правильное понимание любых закономерностей невозможно без соответствующей теоретической базы. В этом смысле особый интерес представляет теоретическое эссе *Рональда Скелдона* (Великобритания), анализирующее противоречивую природу взаимосвязей между миграцией и бедностью и предлагающее ряд гипотез, объясняющих эти взаимосвязи. Признавая, что миграция может быть как следствием, так и причиной бедности, автор в то же время убежденно доказывает, что «мобильность населения усиливает экономический рост и улучшает положение большинства, хотя и не всего населения». Отсюда и вывод для тех, кто

принимают решения в области миграционной политики: «политика, которая поддерживает большую мобильность населения, и есть политика, нацеленная на улучшение благосостояния людей». При этом профессор Скелдон принципиально различает миграцию как средство выживания и как способ улучшения экономического положения.

Этим же вопросом задается *Елена Садовская* (Казахстан): является ли международная трудовая миграция стратегией выживания или стратегией экономического развития для государств Центральной Азии? «Миградоллары» уже превратились в серьезный фактор снижения бедности и повышения стабильности в странах исхода в регионе. Для того, чтобы они стали «работать» на развитие стран происхождения мигрантов в регионе, требуется комплекс законодательных мер и практических механизмов, направленных на поощрение использования денежных переводов мигрантов в целях развития.

Статья *Владимира Мукомеля* (Россия) представляет собой взгляд на трудовую миграцию с точки зрения принимающей страны – России. Центральный вопрос статьи: как сделать так, чтобы привлечение иностранной рабочей силы из государств бывшего СССР не стало особой формой «неоколониализма», ассоциируемой с эксплуатацией, бесправием, несоблюдением прав человека, а служило экономическим и политическим интересам как России, так и других пост-советских государств?

*Александр Чернов* (Россия) предлагает иначе взглянуть на особенности участия России в современных миграционных процессах. На примере Мурманской области он показывает, как радикальные рыночные реформы в сырьевых отраслях—добывающей промышленности и рыболовстве—повлияли на миграционные процессы в тех регионах, население которых во многом и складывалось благодаря миграционному «освоению».

Статья *Ивана Алешковского* и *Владимира Ионцева*, посвященная современным особенностям нелегальной иммиграции, затрагивает вопросы ее взаимосвязи с экономическим развитием страны, поскольку авторы считают нелегальную иммиграцию сугубо экономическим явлением, которое выражается, прежде всего, в нелегальном трудоустройстве в стране иммиграции, а также вопросы политики, что особенно наглядно стало наблюдаться в мире после событий 11 сентября 2001 года в США.

Регион Северо–Восточной Азии, где межгосударственные миграции, с одной стороны, сдерживаются миграционной политикой государств региона и, в известной степени, политическими противоречиями между нами, а с другой стороны, стимулируются экономическими факторами, дает наглядный пример того, как миграционный фактор может влиять на межгосударственные отношения. *Цунео Акаха* (США) скрупулезно анализирует миграционные потоки в регионе, в том числе миграцию китайцев на российский Дальний Восток, в контексте безопасности, национальной и культурной идентификации, а также неизбежного

углубления взаимозависимости экономик стран региона. Контролируемая и управляемая, международная миграция может и должна стать фактором укрепления региональной интеграции в Северо-восточной Азии, как и в любом другом регионе мира. Этот вывод особенно актуально звучит для государств постсоветского пространства.

Статья *Марка Тольца* (Израиль) привлекает внимание к тому, сколь непростой задачей является определение точных данных по миграции тех или иных этнических групп. На примере анализа расселения в мире евреев, эмигрировавших из государств бывшего СССР, Марк Тольц дает прекрасный пример того, что только скрупулезное знание истории и структуры этноса может стать надежной опорой достоверных статистических оценок. В противном случае несовершенство миграционной статистики может дать повод для разноречивых толкований и даже стать инструментом политических интриг.

Русскоязычный вариант сборника представляет собой полный текст всех включенных в него статей. В англоязычном варианте читатель найдет полный текст только тех статей, которые были предоставлены авторами на английском языке. Содержание остальных работ представлено краткими аннотациями.

\*\*\*

Редакционная коллегия выражает благодарность руководству экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которое приняло решение о частичном финансировании научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» в рамках издания периодической литературы на экономическом факультете. Данный выпуск вышел в свете этого решения при полной финансовой поддержке экономического факультета.

*Редакционная коллегия*

**ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ  
АЗИИ:  
ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ  
ИЛИ НОВЫЙ ИСТОЧНИК НАПРЯЖЕННОСТИ?<sup>1</sup>**

**Введение**

Несмотря на то, что регион Северо-восточной Азии отстает от глобальных миграционных тенденций, передвижение людей через государственные границы и здесь быстро становится важным элементом международных отношений. Страны Северо-восточной Азии (Китай, Северная Корея [КНДР], Южная Корея [РОК], Монголия, Россия и Япония) являются местом проживания 1627 млн. человек; в 2000 году это составляло более четверти всего населения Земли. Общая численность мигрантов в странах региона составляет 19029 тыс. человек, или 11,7% мирового числа мигрантов – приблизительно 175 млн. человек (цит. по Ван Арсдол и др., 2003, с. 7). Эти данные указывают на потенциал возможного значительного увеличения международной миграции в регионе. Приблизительно 318 млн. человек, или одна двадцатая мирового населения, проживает на территории более узко обозначенного региона Северо-Восточной Азии: Китайские провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь, Дальний Восток России, Япония, Северная и Южная Кореи, а также Монголия.

Возрастающие трансграничные миграционные потоки, по всей видимости, будут оказывать большое влияние на формирование региона в будущем, что до сих пор было осложнено империалистической агрессией, идеологическими конфликтами и националистическим соперничеством. С другой стороны, при отсутствии правильного управления, международные миграционные потоки могут также стать источником новых противоречий в международных отношениях в регионе. В данной статье рассматривается характер возрастающих трансграничных миграционных потоков в Северо-восточной Азии (узко обозначенного региона, далее упоминаемого как «Северо-восточная Азия» или «регион») и анализируется их влияние на углубление процесса региональной интеграции в этой части мира.

Эмпирический материал, использованный в данном анализе, получен при осуществлении международного исследовательского проекта «Трансграничные миграционные потоки в Северо-восточной Азии: подход

---

<sup>1</sup> Статья была написана на английском языке, а переведена на русский язык аспирантом Центра по Северо-восточным исследованиям Оксаной Чикиной, за что автор выражает ей свою глубокую признательность. Автор также благодарит профессора Монтерейского Института международных исследований Анну Васильеву и аспиранта Центра по северо-восточным исследованиям Брайана Этткина за их вклад в редактирование перевода статьи. Ответственность за содержание и перевод стати в полной мере несёт её автор.

с точки зрения безопасности людей»<sup>2</sup>. Проект включает в себя примеры китайской миграции на Дальний Восток России, переселения северных корейцев на северо-восток Китая, вопросов китайской, корейской и русской миграции в Японии, проблем иммиграции и эмиграции в Южной Корее и Монголии. Исследования по странам были проведены коллегами из России, Китая, Южной Кореи, Монголии, Японии и Соединенных Штатов<sup>3</sup>.

Прежде чем перейти к конкретным примерам по странам, необходимо коротко обозначить параметры последующего анализа. Во-первых, «миграция» в данной статье используется для обозначения исключительно добровольного переселения и не включает в себя вынужденную миграцию. Во-вторых, анализ ограничен рассмотрением добровольного передвижения граждан стран Северо-восточной Азии из мест их рождения на территорию другой страны региона. В отдельных случаях «миграция» определяется более широко и включает в себя не только людей, долгосрочно или постоянно проживающих за границей или планирующих это сделать, но и лиц, кратковременно посещающих соседние государства в деловых, туристических и других целях. Включение кратковременных посетителей объясняется тем, что они также оказывают значительное влияние как на сообщества принимающей стороны, так и на двусторонние отношения между их родиной и посещаемой страной.

### **Численность мигрантов и миграционные потоки в Северо-восточной Азии**

Совокупная доля мигрантов в Северо-восточной Азии по отношению к их общемировой численности непропорционально мала (United Nations 2002; по ссылке Van Arsdol, Jr. et al 2003, с. 7). Учитывая, что на территории региона проживает 28% мирового населения и только 11,7% мигрантов, международная миграция в этой части мира будет неотвратимо расти. Если исключить Россию, число мигрантов в Северо-восточной Азии составляет только 3,4% от общемирового числа. Число мигрантов в России, составляющее по оценкам 13259 тыс., является самым большим среди всех стран региона. Оно составляет 68% от общей численности мигрантов всех стран Северо-восточной Азии и около 9% населения России. За Россией следуют Гонконг (2701 тыс.), Япония (1620 тыс.), Южная Корея (597 тыс.),

---

<sup>2</sup> Данное исследование финансировано при поддержке Центра по исследованию Восточной Азии при Монтерейском Институте международных исследований, Программы Мира и Государственного Управления при Университете ООН, а также отдельных грантов от Университета ООН, Фонда Фримана и Института Мира США. Авторы берут на себя ответственность за анализ и мнения, представленные в данной статье.

<sup>3</sup> Информация по отдельным страновым исследованиям доступна на веб-сайте Центра по исследованию Восточной Азии при Монтерейском Институте международных исследований, Монтерей, Калифорния: <http://www.miis.edu/rcenters-ceas-pub.html>.



Китай (513 тыс.), Северная Корея (37 тыс.), Макао (16 тыс.) и Монголия (8 тыс.).

Мигранты составляют 66% населения Макао, 39% в Гонконге, по 1% на них приходится в КНДР и Японии, и меньше 1% в остальных странах Северо-восточной Азии (United Nations 2002; по ссылке Van Arsdol, Jr. et al 2003, p. 7–8).

Миграционная политика стран Северо-восточной Азии движима одновременно спросом на рабочую силу и опасениями привлечения мигрантов из-за мнимой угрозы их культурной однородности. Современная миграционная политика в странах региона допускает временную миграцию низко и очень высоко квалифицированной рабочей силы и жестко ограничивает поселение на постоянное место жительства. Миграционное давление в регионе возрастает одновременно с ужесточением мер по ограничению миграции в странах за пределами региона (Arsdol, Jr. et al 2003, p. 8).

Однако еще в 2000 году страны Северо-восточной Азии, за исключением России, оценивали уровни миграции как удовлетворительные и не планировали изменять государственные меры по контролю миграции или не вмешиваться в данный процесс. Россия заявляла, что уровень иммиграции слишком низок и объявила о политике привлечения иммигрантов. Все страны Северо-Восточной Азии рассматривали уровни эмиграции для своих территорий как удовлетворительные и планировали либо сохранять соответствующие меры по контролю эмиграции, либо не вмешиваться (Arsdol, Jr. et al 2003, p. 9). Таким образом, сочетание высокого миграционного потенциала и относительно жесткого режима иммиграции и эмиграции в странах Северо-восточной Азии указывают на возможный рост нелегальной иммиграции в регионе, включая торговлю людьми.

На фоне процессов старения населения, высокого уровня жизни, а также растущей нехватки рабочей силы в отдельных районах Японии, Южной Кореи и Тайваня и благожелательного отношения России к миграции, эти страны стали привлекательными странами назначения для международных трудовых мигрантов. Япония привлекает как низко, так и высоко квалифицированных рабочих из соседних стран, хотя в настоящий момент ее правительство официально не одобряет миграцию низко квалифицированных кадров. Вместо этого для решения проблем нехватки рабочей силы в промышленности используется программа переподготовки кадров, официально санкционированная правительством Японии. Южная Корея также сохраняет сравнительно жесткую миграционную политику, сталкиваясь при этом с проблемами нарушения визового режима иностранными гражданами и нелегальной миграцией рабочей силы. Тайвань стал популярным местом назначения для рабочих из материкового Китая, однако, в связи с растущим уровнем безработицы в Тайване, Тайбэй

ввел жесткие меры контроля импорта рабочей силы на остров. Большинство мигрантов в Россию являются выходцами из бывших советских республик. Тем не менее, их количество не в состоянии компенсировать темпы снижения численности населения<sup>4</sup>. В этой связи ожидается, что число мигрантов из Китая в Россию будет возрастать. Ожидается также увеличение китайской миграции на территорию Японии, Южной Кореи и Тайваня.

В добавление к сказанному следует отметить, что существуют также краткосрочные потоки людей, пересекающих государственные границы в иных, чем поиски рабочего места, целях. Предполагается, что эти потоки также будут увеличиваться в будущем, так как растущий доход населения все чаще расходуется на поездки и мелкие торговцы настойчиво ищут рыночные ниши в соседних странах. Кратковременные поездки нередко оборачиваются переселениями на постоянное место жительства (Artsdol, Jr. et al 2003, p. 19).

Демографические тенденции и экономические изменения в регионе таковы, что международная миграция в скором времени станет важной частью обстановки в регионе. Сохранение баланса между необходимостью импорта рабочей силы и необходимостью сохранять социальную целостность будет оставаться важной, но при этом все более сложной задачей, стоящей перед странами Северо-восточной Азии.

### **Китайская миграция на Дальний Восток России**

Население Китая составляет почти 80% от общего числа людей, проживающих в Северо-восточной Азии, включая Россию. Более высокая плотность китайского населения вдоль границ малонаселенных районов Монголии и России увеличивает демографическое давление Китая (Artsdol, Jr. et al 2003, p. 2). Таким образом, общая демографическая динамика в Китае и, в особенности, в северо-восточных провинциях страны, несут в себе далеко идущие последствия для соседних стран.

Китайская миграция привлекает внимание политиков и общественности на Дальнем Востоке России с начала 1990-х годов. Этот вопрос продолжает оставаться предметом жарких дискуссий в России. Опасения местного населения по поводу потери контроля над растущим количеством китайских мигрантов на территории страны многократно обсуждались российскими аналитиками (См. Ларин, 1998, 2001; Витковская и Зайончковская, 1999; Гельбрас, 2001; Мотрич, 2001; Алексеев, 2000). Это явление также рассматривалось американскими учеными, которые анализировали местные страхи, вызванные зарождающейся китайской миграцией, с позиции территориальной и экономической безопасности Дальнего Востока России, безопасности китайских мигрантов, манипуляции региональными политиками местными страхами, и различными

---

<sup>4</sup> Из интервью Цунео Акаха с Жанной Зайончковской, Монтерей, январь 2004.

политическими приоритетами Москвы и региона (например, см. Алексеев, 2001, Wishnick, 2001).

Реакция местного населения Приморского Края, сопряженная с политическим подтекстом, побудила Москву ввести жесткий визовый режим для граждан Китая (и Монголии). 9 декабря 1993 года правительствами России и Китая было подписано соглашение, обязывающее всех китайских граждан, посещающих территорию России, иметь въездные визы. Это привело к значительному снижению числа приезжих из Китая на территорию Дальнего Востока России, и вместе с этим, к резкому уменьшению объемов торговли между двумя странами (см. Lee and Tkalev, 2001, p. 50, цит. из Zheng, 2003, p. 5). После этого китайская миграция постепенно возросла и в данное время представляется подвластной контролю<sup>5</sup>. Местные страхи также были связаны с нелегальной деятельностью некоторых китайских граждан на Дальнем Востоке, включая членов организованной преступности<sup>6</sup>.

Численность китайских мигрантов на Дальнем Востоке России продолжает оставаться предметом большого числа спекуляций. По некоторым весьма преувеличенным оценкам, она составляет около одного миллиона человек. Однако, согласно более реальным оценкам, это число составляет около 200-300 тысяч. В 1989 году на территории Дальнего Востока России было зарегистрировано только 1742 китайских мигрантов. Однако это число возросло до 15 тысяч в 1990 г. и до 100 тысяч в 1993 г. (Рыбаковский и др., 1994: с. 15 и 19; Федотов и Селиванов, 1997: с. 5). К 2001 году, число зарегистрированных китайских граждан увеличилось до 237 тысяч (Всеобщая неудача, 2001).

Основными движущими факторами миграции населения на северо-востоке Китая являются отсутствие экономических возможностей у местных жителей, рост численности населения и растущая безработица, вызванная закрытием государственных предприятий (ГП). Увеличивается также число китайских туристов, посещающих Дальний Восток России, включая тех, кто посещает казино, запрещенные в их родных городах. В число притягивающих факторов входят либерализация торговли и экономики после Советского периода; упадок ассортимента и объемов товаров народного потребления местного производства; нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве и строительстве. Чувство уязвимости с российской стороны усугубляется стремительным снижением численности населения на Дальнем Востоке России: с 7,9 млн. в конце 1980-х гг., до менее 6,7 млн. на сегодняшний день (Minakir and Freeze, 1994; Госкомстат, 2002). С 2000 по 2010 годы ожидается снижение численности населения Дальнего Востока России на 6,1%, и рост этого показателя на более чем

---

<sup>5</sup> Интервью Цунео Акаха с сотрудниками Миграционного Агентства во Владивостоке, март 2003 года.

<sup>6</sup> Там же.

10% в соседних китайских провинциях (Демографический ежегодник России, 2000: с. 24; Прогноз численности населения Российской Федерации до 2015 года, 1998: с. 7; State Statistics Committee of the People's Republic of China, 1997). В свете этих прогнозов китайская миграция на Дальний Восток России останется важным вопросом как для региона и Москвы, так и для двусторонних отношений.

В отчете, представленном Президенту Путину в сентябре 2001 года, говорится: «Россия располагает минимальным запасом времени на предотвращение демографической катастрофы». В этом документе подспудно говорится о возможном посягательстве Китая на приграничные территории России, а также отмечается: «...Большие участки слабо заселены. При этом Россия граничит с Китаем с его многочисленным и быстро растущим населением с острой нехваткой территории» (Концепция демографической политики России на период до 2015 года, цит. из Jane's Information Group, 2001).

Тем не менее, по мнению официальных лиц из миграционной службы во Владивостоке<sup>7</sup>, миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в общем и целом находится под контролем. При этом угроза китайской экспансии на российский Дальний Восток скорее является отражением настроений уязвимости, присутствующих среди политиков и журналистов в связи с экономическими трудностями, нежели реальной ситуации в отношениях между Китаем и Россией. Однако беспокойство России по поводу национальной безопасности серьезно возрастет, если уменьшение численности населения на Дальнем Востоке России будет продолжаться и в будущем, а китайскому миграционному давлению на северо-востоке удастся преодолеть механизмы контроля границы, действующие в настоящий момент. Тем не менее, пока подобная возможность чрезвычайно мала, особенно в свете серьезных обязательств, как Москвы, так и Пекина по продолжению стратегического партнерства.

### **Северные корейцы в Китае**

Вопрос о мигрантах из Северной Кореи в Китае окружен большим количеством международных противоречий, несмотря на то, что довольно мало известно об их точном числе, причинах, по которым они покидают свою страну, о том, как они живут в Китае, и что ожидает их и членов их семей. «Анализ фактов и трезвые исследования были заменены необоснованными спекуляциями...» — так оценивает ситуацию Х. Смит, и далее добавляет: «Политика основных стран, включая Соединенные Штаты, основана на слухах, преувеличениях, и сильно искаженной идеологической повестке» (Smith, 2003, с. 112). Отмечая, например, что в августе 2001 года

---

<sup>7</sup> Интервью Цунео Акаха с официальными лицами миграционного агентства во Владивостоке, март 2003. Мнения чиновников были подтверждены Виктором Лариным, директором Института Истории, Археологии и Этнографии Народов Дальнего Востока, который так же был интервьюирован Цунео Акаха в марте 2003 года.

Комитет по международным отношениям Палаты Представителей утвердил резолюцию, в которой приводились оценки от 100 до 300 тысяч северных корейцев, проживающих на территории Китая «без разрешения правительства Китая», профессор Смит называет подобные оценки необоснованными (Smith, 2003: с. 114). Более близкими к реальности, считает этот автор, являются оценки Комитета по проблемам беженцев США — 50 тысяч человек на конец 2000 года (Комитет по проблемам беженцев США; цит. из Smith, 2003, с. 114)<sup>8</sup>. К осени 2002 года число северных корейцев, нелегально проживающих в Янбьяне, снизилось приблизительно до 10-20 тысяч.

Легальный статус граждан Северной Кореи в Китае и сопутствующие обязательства со стороны правительства Китая и международного сообщества являются важными вопросами, имеющими непосредственное отношение к безопасности мигрантов. Как отмечает Смит, севернокорейские мигранты в Китае по-разному назывались — беженцами, лицами, ищущими политического убежища, экономическими мигрантами, перебежчиками и беглецами (Smith, 2003, с. 116). Большинство северных корейцев в Китае являются экономическими мигрантами, бегущими от крайней бедности в своей стране. Однако некоторые граждане Северной Кореи могут считаться беженцами согласно Конвенции ООН 1951 г., дающей право на получение статуса беженцев, т.к. перед ними стоит вполне реальная угроза наказания по возвращению в КНДР, включая лишение свободы, пытки, в наиболее тяжелых случаях — смерть в результате казни или как последствие плохого обращения в тюрьме (Smith, 2003, с. 117). Отдельные граждане Северной Кореи ищут политического убежища непосредственно через правительство Китая, в то время как другие требуют убежища, врываясь в иностранные посольства и консульства в Китае (Smith, 2003, с. 117). Китайское правительство отказывается признать подобных лиц беженцами, но позволяет при этом многим из них покинуть страну через Филиппины для постоянного проживания в Южной Корее.

Тяжелое положение неизвестного числа северных корейцев в Китае, включая лиц, опасющихся политического преследования в случае вынужденного возвращения в Северную Корею, и тех, кому удалось обрести безопасность в третьих странах, мобилизовало группы активистов по защите прав человека как в Северо-восточной Азии, так и других странах. Это также поставило перед странами, имеющими к этому непосредственное отношение, несколько сложных политических вопросов. Тем не менее, благодаря дипломатическим маневрам со стороны этих стран, подобные вопросы не переросли в острые проблемы национальной безопасности.

---

<sup>8</sup> Смит отмечает подобные цифры в оценках факультета здравоохранения Университета Джона Хопкинса (Smith, 2003, с. 115).

Возможность огромного потока беженцев из Северной Кореи в случае падения режима Пхеньяна или вооруженного конфликта и политического хаоса в стране является вопросом, который невозможно не учитывать. Подобная ситуация может привести не только к бесчисленным человеческим потерям, но и стать серьезной угрозой миру и стабильности для всего региона. Это не будет просто вопросом миграционных потоков, обозначенных в данном исследовании.

### **Китайцы, корейцы и русские в Японии**

За последние 10 лет иностранные мигранты в Японии и японские граждане, путешествующие за границей, внесли гуманитарный аспект в процесс интернационализации страны. Число японских граждан, путешествующих за границей, намного превосходит число иностранцев, въезжающих на территорию страны. В 2002 году, например, 16522804 японца выехало за пределы страны, в то время как въехало в Японию лишь 5771975 иностранных граждан. Соотношение составляет примерно 3,5 : 1. Тем не менее, число иностранцев, приезжающих в Японию, значительно возросло: в 1989 году по данным Иммиграционной Ассоциации Японии (Japan Immigration Association 2003, с. 6) страну Восходящего Солнца посетило 2985764 человек.

Растущее число иностранцев в стране ставит серьезные вопросы о самой сущности японцев как однородной нации. Страна находится на пике дебатов о том, насколько широко она может распахнуть двери для иностранцев, ищущих новых возможностей в Японии. Одни говорят о том, что практически нулевой процент прироста населения в Японии, ее быстро стареющее население и последующая нехватка рабочей силы значительно замедлят экономический рост страны в будущем. Именно поэтому она должна больше открыть свой рабочий рынок для иностранных рабочих, включая также лиц с низкой квалификацией, которым в настоящее время не разрешается работать в Японии. Другие же призывают страну продолжать рестриктивную иммиграционную политику для поддержания ее предполагаемой этнической однородности и лелеемого социального устройства, несмотря на риск потери страной ее выдающегося положения на мировой экономической арене (Sakanaka, 2001, с. 3–21). Результат дискуссии в стране далеко не определен (Papademetriou and Hamilton, 2000, с. 46–51).

На настоящий момент официальная политика Японии направлена на контроль импорта рабочей силы, в то время как серьезная нехватка рабочей силы вынуждает японские компании, да и само правительство, нарушать принципы, на которых эта политика была основана (Cornelius, 1994, с. 387).

Среди наиболее установившихся иностранных сообществ в Японии – этнические корейцы и китайцы, прибывшие в страну во время империалистического периода Японии вплоть до Второй Мировой Войны. В 2001 году в стране находились 632405 зарегистрированных граждан

Северной и Южной Кореи. Это число составляло 35,6% всех иностранцев, зарегистрированных в Японии. Вторыми по численности были китайцы. В Японии было зарегистрировано 381225 граждан Тайваня и КНР, что составляло 21,4% от общего числа иностранных подданных.

В числе других иностранных этнических групп, находящихся на территории страны в настоящее время, существуют и «новоприбывшие». Эти категории включают бразильцев и перуанцев, большинство из которых имеют японское происхождение. В 2001 году в Японии было зарегистрировано 265962 гражданина Бразилии и 50052 гражданина Перу. Русские также считаются «новоприбывшими», но в 2001 году в Японии было зарегистрировано только 5.329 человек, что составляло лишь 0,3% от общего числа иностранцев (Judicial System Department, 2002).

Размер корейского этнического сообщества в Японии оставался относительно стабильным на протяжении последних десяти лет. Однако из-за возрастания численности других иностранцев доля этнических корейцев в общем числе иностранцев значительно уменьшилась (с 51,7% всех зарегистрированных иностранцев в стране в 1993 году до 35,6% в 2001 году). Причинами медленного, но в то же время стабильного снижения численности корейцев стали как возрастная структура сообщества, так и ассимиляция (Mervio, 2003, с. 1). Мервио отмечает: «Политика Японии в отношении корейских сообществ имела все время две довольно противоречивые цели: содействовать процессу ассимиляции и сохранить контроль» (Mervio, 2003, с. 1). Несмотря на ожидания того, что увеличивающаяся иммиграция и растущее осознание многонациональности современного японского общества будут способствовать улучшению положения корейцев в Японии (Kimu, 1999, с. 7–62, цит. по Mervio, 2003, с. 3), Мервио отмечает, что в реальности продолжают использоваться дискриминационные политические меры. Существует и достаточно сильная политическая оппозиция в отношении реформ, касающихся статуса и положения иностранцев в Японии (Mervio, 2003, с. 3). Тем не менее, остается верным и то, что новые иммигранты и туристы из Южной Кореи, превосходящие по численности все другие национальности, прибывающие в Японию, вносят существенный вклад в процесс дальнейшей диверсификации этнического состава населения Японии.

Исследование китайского сообщества в префектуре Ниигата в Японии, проведенное Дза, показывает, что администрация провинции активно налаживает связи с партнерами в северо-восточном Китае. Целью подобных усилий часто является укрепление международного экономического сотрудничества, способного принести пользу местному бизнесу (Zha, 2002, с. 92-113; Zha, 2003, с. 42–62). Самыми символическими среди подобных начинаний являются программы между городами-побратимами. Исторические связи с Манчжурией также являются одним из основных факторов, способствующих возрастанию интереса жителей Ниигаты к отношениям с северо-восточным Китаем, в особенности с провинцией

Хэйлундзян. Исследование также показывает, что много молодых китайцев приезжает в Японию для обучения или получения индустриально-технической подготовки в префектуре. Им часто предоставляются стипендии и другая финансовая поддержка из общественных и частных источников префектуры. Так, например, в 2001 году 516 китайских граждан обучались в университетах и технических школах префектуры Ниигата, а 609 китайцев проходили стажировки. Ниигата также использует официальную помощь развитию (ОПР), предоставляемую Китаю, в качестве инструмента для установления более тесных отношений со страной-соседом. Другим элементом, связывающим Китай с префектурой Ниигата, является довольно большое число китайцев, состоящих в браке с гражданами Японии. Из 3120 китайских граждан, зарегистрированных в 2001 году на территории префектуры, 588 состояли в браке с японцами.

Исследование Дза также говорит о некоторых потенциально серьезных проблемах. Многие китайские стажеры не получают того уровня индустриальной подготовки, в ожидании которого они приезжают в Японию. Существуют доказательства того, что многие из китайских стажеров, набранных агентствами по трудоустройству в Китае и отправленные в Японию, подвергаются эксплуатации. Они направляются японскими агентствами в компании, предоставляющие «стажировки». При этом компании не подписывают никаких легальных соглашений непосредственно с иностранными стажерами. Система «стажировок» зачастую является номинальной и используется предприятиями японского бизнеса для привлечения дешевой рабочей силы. Она часто нарушается некоторыми китайскими гражданами, прибывающими в Японию под видом стажеров, но покидающими места стажировок в поисках более высокооплачиваемой работы. Точно также, многие из китайских граждан, числящихся в японских университетах и технических школах, работают нелегально для того, чтобы себя содержать. Многие из таких студентов со временем исчезают из списков своих учебных заведений. Подобные проблемы сгущают краски и так довольно негативного имиджа, составленного японским обществом в отношении китайских мигрантов в Японии. Нередкие репортажи средств массовой информации о преступлениях, совершенных или якобы совершенных китайцами в Японии, оказывают воздействие на формирование негативных стереотипов о китайских гражданах (например, Rosman, 2001, с. 97-125, цит. по Zha, 2003, с. 59).

Русская община в современной Японии—довольно новое явление. Она немногочисленна. В 2002 году новоприбывшие русские были девятнадцатыми в списке всех национальностей, а число российских граждан, зарегистрированных в стране — 6026 человек — стояло на 20-м месте среди граждан всех других стран. Тем не менее, число русских, живущих в Японии или посещающих страну, продолжает расти. В 1995 г. на территорию Японии въехало 24232 русских гражданина, а к 2002 году,



это число возросло до 36693 (Japan Immigration Association, 2003, с. 14; Judicial System Department, 2003, с. 5). Эти цифры не включают значительно большего количества россиян, посещающих японские портовые города по специальному разрешению. Так, например, город Вакканай, находящийся на северном конце острова Хоккайдо, ежегодно посещают более 50 тыс. русских, приезжающих с Сахалина и посещающих рестораны и магазины города в то время, пока их корабли находятся в порту. Население города Вакканай намного меньше, чем общее число россиян, посещающих город.

Примеры Хоккайдо и Ниигаты — двух популярных мест проживания русских в Японии, указывают на то, что растущее число приезжающих оказывает заметное воздействие на членов некоторых сообществ принимающей стороны в отношении их взглядов на Россию и россиян (Акаха and Vassilieva, 2003). В некоторых районах, спрос на расширение связей между Россией и Японией со стороны местных жителей способствовал значительному смягчению государственного контроля дружеских визитов между гражданами России и Японии. На Хоккайдо вопрос о Северных Территориях (Южных Курилах) был критическим элементом в усилиях, направленных на изменение сущности русско-японских отношений. Эти усилия привели к установлению режима безвизовых взаимных визитов между русскими жителями спорных территорий и бывшими японскими поселенцами.

Установление специальных соглашений, по которым японцам разрешается ловить рыбу в водах России, включая участки вокруг спорных территорий, является другим примером местных усилий по установлению контактов с Россией. В обоих случаях было необходимо получение разрешения от местных властей (Акаха, 2003).

Реакция местных жителей на присутствие русских не была однозначной. С одной стороны, люди, по своей природе более расположенные к международному культурному обмену и обмену опытом, обычно ищут возможности встреч с русскими. В результате у них складывается более дифференцированное и сбалансированное представление о россиянах. С другой стороны, люди (и эта категория включает много молодежи) с ограниченным или отсутствующим интересом к России и отсутствием контактов с россиянами, скорее всего не изменят своего отношения к России. Даже наоборот, поскольку они изначально имеют склонность к негативному отношению к России и русским, их негативные взгляды неизбежно укрепляются каждый раз, когда их вниманию представляются репортажи средств массовой информации о нелегальной деятельности или культурно оскорбительному поведению некоторых русских в Японии.

Каковы впечатления русских, живущих в Японии? Исследования указывают на то, что их опыт не однозначен. Некоторые русские резиденты расстроены поверхностными контактами с местными жителями, они чувствуют культурную и социальную дистанцию. Вообразимая или

реальная, эта дистанция, скорее всего, останется, если местные японские жители не начнут воспринимать русских как настоящих соседей. С другой стороны, большинство русских резидентов на Хоккайдо и в Ниигате продолжают испытывать восхищение и питать интерес к японскому обществу и культуре, находя возможность жить в Японии духовно обогащающей и оправдывающей себя жизнью.

### **Вопросы миграционной политики в Южной Корее**

Число южных корейцев, проживающих за границей, резко увеличилось до более 6 млн. с 700 тыс. в 1971 году. На сегодняшний день, хотя они проживают в 151 стране, 88% южных корейцев живут в Азии, в основном Китае и Японии (Lee, 2003, с. 3–4). С увеличением числа корейцев, проживающих за пределами страны, возросло и давление на правительство Южной Кореи предпринимать более активные усилия по укреплению статуса корейских диаспор как в странах их проживания, так и в Корее. В ответ, в 1997 году был создан Фонд Зарубежных Корейцев (ФЗК) — некоммерческая общественная корпорация, связанная с Министерством иностранных дел и торговли. Правительство так же учредило Корейский Институт Образования, целью которого является укрепление статуса корейского языка и культурного образования за границей (Lee, 2003, с. 7).

Задача по установлению равновесия между этнической солидарностью и их близостью к исторической родине среди корейцев, проживающих за ее пределами с одной стороны, и приведение корейского законодательства и политики в соответствие с мировыми стандартами, с другой, не является легкой. В ноябре 2001 года Конституционный Суд страны установил, что определение статуса корейцев, являющихся гражданами других стран, в Законе «О корейцах, проживающих за границей», нарушает принципы равенства. Предлагаемая поправка к закону будет включать определение статуса этнических корейцев, проживающих в Китае и России, способствуя, таким образом, укреплению прав и экономической деятельности этих лиц. Тем не менее, предоставление специальных привилегий этническим корейцам, проживающим за границей в форме специального закона, шло бы вразрез с самой сущностью международного законодательства. Как, например, Международный пакт о гражданских и политических правах, запрещающий все формы дискриминации на этнической, религиозной, или расовой почве. Более того, включение этнических корейцев, проживающих на территории Китая в данное определение, могло перерасти в дипломатическую проблему с Китаем (Lee, 2003, с. 9–11).

Присутствие иностранных граждан на территории Южной Кореи также ставит перед корейским обществом и правительством сложные вопросы. До начала 1990-х годов, правительство поддерживало строгий контроль над иммиграцией. С тех пор, однако, высокие темпы экономического роста, растущие стандарты уровня жизни, и нехватка рабочей силы, вынудили правительство ослабить иммиграционный контроль. В результате число

иностранных граждан в Южной Корее стало неуклонно возрастать. По оценкам, в конце 2002 года в стране проживало 629006 иностранцев. Рост числа иностранного населения в стране обострил проблему нелегальных иностранцев; в конце 2002 года число нелегальных мигрантов в стране оценивалось в 289239 человек. Как легальные, так и нелегальные рабочие подвергаются дискриминации, нарушению прав человека, и неуважительному обращению (Lee, 2003, с. 12-13). В 2002 году Корейское правительство ввело двухмесячный период регистрации для нелегальных рабочих, находящихся на территории страны, число которых составляло по оценкам 265848 человек. Однако, только время покажет, насколько эта мера окажется эффективной для уменьшения числа нелегалов в Корее (Lee, 2003, с. 15–16).

Ли отмечает, что сеть 6 миллионной корейской диаспоры могла бы внести позитивный вклад в укрепление политических и дипломатических интересов Южной Кореи на международной арене, если правительство прекратит относиться к ним как к «бывшим корейским гражданам» и начнет называть их «постоянными корейцами», при этом уважая их права и потребности (Lee, 2003, с. 21). Ли также заключает, что правительству Южной Кореи следует обратить внимание на тот факт, что строгий контроль, который оно поддерживает над иммиграцией в страну, увеличивает число нелегальных и незаконных иностранных граждан в стране. Разумным, по мнению Ли, было бы включение незаконных мигрантов в общее число мигрантов и выработка единой политики в отношении них (Lee, 2003, с. 21).

### **Миграционные вопросы в Монголии**

Влияние России в Монголии значительно снизилось за последние годы, при этом укрепились экономические связи Монголии с Китаем. Это увеличило опасение Монголии по поводу чрезмерного влияния Китая в стране (Batbayar, 2003). Соотношение огромного населения Китая (1,3 миллиарда) к небольшому населению Монголии (2,5 миллиона) не может не вызывать опасений в данном контексте. Население только соседнего автономного округа Внутренней Монголии составляет 20 миллионов. Плотность населения Китая в 127 раз больше этого же показателя в Монголии. Монголия и Китай «открывают свои экономики для свободной торговли, но ценой при этом становится угроза потери культурной целостности и экономической независимости Монголии» (Nelles, 2001: с. 67–68, цит. по Batbayar, 2003, с. 1).

В декабре 2000 года Парламент Монголии внес поправку в Закон 1993 года «О легальном статусе иностранных граждан», согласно которой иностранные граждане обязаны зарегистрироваться на территории Монголии в течение 7 дней со дня прибытия в страну. Несмотря на то, что Парламент согласился освободить туристов от этого требования, сам законодательный акт очень четко отразил решимость монгольских

законодателей ограничить иностранную иммиграцию<sup>9</sup>. В мае 2003 года на территории Монголии было зарегистрировано 3232 постоянно проживающих иностранных гражданина и иммигранта. Иммигранты включают 1315 (56,1%) китайцев, 977 (46,6%) русских, и 53 (2,3%) граждан из других стран. Приток иммигрантов составляет примерно 30 человек в год. Например, в 2001 и 2002 годах было принято по 30 иммигрантов (Batbayar, 2003: с. 3).

Большинство иностранных туристов приезжает в Монголию из России и Китая. Только в 2002 году 92657 и 71368 человек посетили Монголию из Китая и России соответственно (Batbayar, 2003: с. 5). Нарушение установленного визой срока пребывания является основной проблемой китайских и российских туристов. Монголия также предоставляет китайцам и русским множество возможностей дешевого проживания и прибыльной торговли, служа при этом точкой транзита в более развитые страны. Подделка проездных документов для транзита в третьи страны является серьезной проблемой, наряду с нелегальным провозом наркотиков. В 2000 году монгольская полиция задержала около 50 иностранных граждан, включая 23 китайца и 21 гражданина России (Batbayar, 2003, с. 6).

Китай, благодаря своим подавляющим по всем показателям масштабам — населению, протяженности границы с Монголией, — является основным источником уязвимости Монголии и поводом для беспокойства о национальной безопасности<sup>10</sup>. Растущее экономическое присутствие Китая в стране, в большинстве своем поддерживаемое маленькой, но при этом активной сетью деловых интересов, несет в себе как возможности для местного населения, так и сложные задачи для законодателей в Улан-Баторе, хорошо понимающих уязвимость положения Монголии по сравнению с гигантским соседом. Однако, как отмечает Батбайяр, до сих пор Монголии удалось довольно успешно контролировать рост числа иностранцев в стране, включая китайцев. Поэтому китайская миграция на сегодняшний день остается потенциальным, а не реальным вопросом национальной безопасности.

### **Последствия для региональной интеграции**

Каковыми будут последствия растущих объемов международной миграции для процесса региональной интеграции в Северо-Восточной Азии? Эти последствия, скорее всего, будут различными для разных аспектов региональной интеграции, а именно: экономического, политического, институционального, социального и культурного, а также

---

<sup>9</sup> Согласно этой поправке была также создана и специальная государственная служба по делам иностранных граждан и иммигрантов (Batbayar, 2003, с. 3).

<sup>10</sup> Например, аналитик из Канады подтверждает, что Монголии довольно сложно оградить себя от источников китайского влияния, начиная с импортированных товаров и продуктов питания, до экономических инвестиций, межрасовых браков, нелегальной иммиграции и колонизации (Nelles, 2001, с. 67-68, цит. по Batbayar, 2003: с. 3).

аспекта безопасности<sup>11</sup>. Передвижение людей через государственные границы намного отстает по своим темпам от транснационального передвижения информации, капитала, технологии, товаров и услуг. Это происходит потому, что передвижение людей связано со сложной задачей преодоления культурных и социальных различий, посредничеством и переговорами по поводу политического доверия между различными этническими и национальными группами. Увеличивающийся поток трансграничной миграции, следовательно, свидетельствует об углублении процесса интеграции между экономиками стран Северо–Восточной Азии.

Сможет ли международная миграция стать посредником региональной интеграции, а не только последствием ее углубления? Совершенно очевидно, что экономическая интеграция будет продолжаться, а в результате возрастет и миграция. Тем не менее, как отмечалось выше, перемещение людей различных национальностей и этнических групп приводит к возникновению различных трений в обществе, а также ставит сложные задачи перед властями в странах Северо-восточной Азии. До сих пор лидеры стран региона не проявляли совместных усилий, направленных на сотрудничество в управлении миграционными процессами в Северо-восточной Азии. Не было также пока и серьезного обсуждения вопросов создания региональных институциональных механизмов для многосторонней координации миграции и миграционной политики. Абсолютно все меры миграционной политики до сих пор осуществляются на национальном (а значит, одностороннем) уровне.

Тем не менее, нет сомнений в том, что пересекающие государственные границы люди в Северо–Восточной Азии, создают новые социальные сети как внутри отдельных стран, так и между ними. Более того, растущие объемы миграции являются как признаком, так и следствием углубления региональной интеграции. В этом контексте ожидается, что особенно важная роль принадлежит трудовой миграция рабочих. Впрочем эта роль не всегда позитивна.

Япония и Южная Корея — две страны, представляющие собой наибольшую притягательность для трудовых мигрантов, испытывают растущее давление либерализовать свою иммиграционную политику.

---

<sup>11</sup> Розман (Rozman, 2005) предлагает пять аспектов «региональной интеграции»: (1) ускоренное увеличение экономических отношений, поддерживаемое общей стратегией экономической интеграции (экономическая интеграция); (2) развитие политических отношений через сотрудничество на высшем уровне и институты, созданные для разработки совместных действий (институциональная интеграция); (3) социальная интеграция через миграцию рабочей силы и корпоративные сети или совместные планы решения различных вопросов и проблем (социальная интеграция); (4) коллективное осознание местной культурной общности, которому способствует общая в свете глобализации культура (формирование культурной общности); (5) увеличивающиеся обоюдные интересы в вопросах безопасности для уменьшения противоречий и укрепления стабильности (интеграция по вопросам безопасности).

Международное сообщество осознает необходимость обеспечить занятостью мигрантов из таких стран с избытком рабочей силы, как Китай и некоторые другие страны Юго-восточной Азии. Многие неправительственные организации и бизнесмены в Японии и Южной Корее также выступают в поддержку более либеральных иммиграционных мер для восполнения нехватки рабочей силы в этих странах. Тем не менее, жесткая политика обеих стран продолжает вынуждать иностранных мигрантов работать нелегально. Многие из нелегальных иммигрантов становятся объектами дискриминации и эксплуатации. Некоторые из них также заманиваются в криминальные сети как местной, так и заграничной организованной преступности. Ежедневные сообщения средств массовой информации о нелегальном труде, эксплуатируемых рабочих и преступлениях, совершенных иностранцами, угрожают чувству безопасности и культурной восприимчивости общественности. В результате возникает давление по принятию более жестких мер для нелегальных рабочих, и правительствами Токио и Сеула выделяется больше средств на поиски и депортацию нелегальных иммигрантов. С другой стороны, некоторые общественные группы в обеих странах выступают за более либеральные миграционные меры и защиту прав человека как легальных, так и не легальных мигрантов. Несмотря на социальное и культурное сопротивление, ожидается, что интеграционные силы трудовой и других видов миграции будут продолжать расти.

Вносит ли трансграничная миграция вклад в развитие осознания региональной культурной общности среди жителей Северо-восточной Азии? Примеры, рассмотренные выше, указывают на то, что этническая, культурная, и национальная сущности отдельных групп остаются довольно сильными и, более того, они укрепляются в результате увеличения потоков иностранных мигрантов и туристов в местные сообщества. Нет никакого доказательства того, что современная трансграничная миграция наносит ущерб культурной целостности мигрантов на почве их этнической или национальной принадлежности<sup>12</sup>.

---

<sup>12</sup> Данное наблюдение исключает такие долгосрочно проживающие меньшинства региона, как корейцы и китайцы в Японии, корейцы на Дальнем Востоке России и Китае, и русские в Монголии. Сила национальной самоидентификации этих сообществ различна. В случае корейских меньшинств в Японии, как отмечает Мервио, более молодое поколение быстро утрачивает свое культурное наследие вместе со способностью говорить на родном языке. Среди этнических корейцев на Дальнем Востоке России существует не одно, а несколько национальных сущностей. Они включают в себя так называемых «советских корейцев» - потомков корейцев, насильственно переселенных в Центральную Азию во время царства террора Сталина; потомков корейцев с Сахалина, вытесненных японцами на остров с контролируемого ими Корейского полуострова и оставшихся там после поражения Японии во Второй мировой войне; рабочих-контрактников из Северной Кореи, работающих в лесозаготовительной промышленности и на строительстве; граждан Китая корейского происхождения, курсирующих между Россией и Китаем, некоторые из которых осели на

Каково влияние международной миграции на вопросы безопасности государств и народов Северо-восточной Азии? Увеличивающиеся трансграничные потоки мигрантов обострили некоторые вопросы безопасности людей, например, права иностранных рабочих в Японии и Южной Корее; права человека, экономическое выживание и политическую судьбу северных корейцев в Китае; а также экономическое и социальное благополучие корейцев за рубежом. Тем не менее, данные вопросы пока не угрожали интересам национальной безопасности рассматриваемых нами стран. Они также не сближают страны в вопросах международного сотрудничества. Китайская миграция на Дальний Восток России привела к политически мотивированной реакции местных властей, однако более строгий контроль, введенный с 1994 года, ослабил двусторонние политические трения. Тем не менее, средства массовой информации продолжают отражать беспокойства местных жителей. Единственный миграционный поток, который может нести в себе угрозу национальной безопасности стран Северо-восточной Азии, — это потенциальный поток беженцев из Северной Кореи в случае падения режима Пхеньяна или вооруженного конфликта в стране.

На фоне глобализации трансграничные миграционные потоки будут неуклонно расти как в рассматриваемой, так и других частях мира. В Северо-восточной Азии экономическая взаимозависимость стран углубляется за счет рыночных сил. Дополнительные связи между экономиками региона будут укрепляться с ростом рыночных экономик Китая, России и Монголии. Социальная интеграция будет продолжаться через взаимодействие отдельных людей, предприятий и других групп и организаций, деятельность которых проникает через государственные границы. Культурная интеграция может усиливаться благодаря контактам жителей, бизнеса и институтов гражданского общества. Региону также необходима интеграция в таких нетрадиционных областях безопасности, как проблемы охраны окружающей среды, рациональное использование ресурсов, контроль над нелегальным провозом наркотиков, оружия и людей, сдерживание эпидемии ВИЧ/СПИДа и атипичной пневмонии, анти-терроризма, и управления трансграничными миграционными потоками.

Реалии трансграничной миграции постоянно меняются, однако, они все еще отстают от необходимости региональной интеграции в Северо-восточной Азии. Остается надеяться, что политические и экономические лидеры стран региона осознают не только потенциальные экономические выгоды, приносимые международной миграцией, но и интеграционную силу, которую несут в себе передвижения людей для региона в целом. Будущее покажет, воспользуются ли лидеры стран региона этой

---

Дальнем Востоке России; а также южных корейцев, проводящих в дальневосточных городах мероприятия культуры и бизнеса.

возможностью для укрепления мира и стабильности, или подвергнутся искушению использовать эти вопросы в узких политических интересах.

### Литература

1. Алексеев, М. (2000) Угрожает ли китайская миграция Китаю? Территориальная безопасность и международные отношения в Приморском регионе. *Мировая экономика и международные отношения*, No. 12.
2. Витковская, Г. и Зайончковская, Ж. (1999) Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: Надежды и реальности. Витковская В.Г. и Тренин Д., ред., *Перспективы Дальневосточного Региона: Транснациональные Взаимоотношения*. Москва: Гендальф для Московского центра Карнеги.
3. «Всеобщая неудача» *Известия*. 16 февраля, 2001.
4. Гельбрас, Виля (2001) *Китайская реальность России*, М., изд-во Муравей.
5. Госкомстат, (2002) *Перепись населения России*, <http://www.gks.ru/perepis/itog.htm>
6. Госкомстат (2000) *Демографический ежегодник России*. М.
7. Ларин, Виктор (1998) *Китай и Дальний Восток России и первой половине 1990-х: проблемы региональных отношений*. Владивосток: Дальнаука.
8. Ларин, Виктор (2001) *Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам*. *Диаспоры* 2(3): 76-112.
9. Мотрич, Екатерина (2001) *Демографический потенциал и китайское присутствие на Дальнем Востоке России*. *Проблемы Дальнего Востока*, No. 6.
10. *Прогноз численности населения России до 2015*. Москва, 1998.
11. Рыбаковский, Л.Л., Захарова, О.Д., и Миндагулов, В.В. (1994) *Нелегальная миграция в приграничных территориях Дальнего Востока: предыстория, настоящее время, и последствия*, Москва, Институт социально-политических исследований РАН.
12. Федотов, И.И., Селиванов, Л. (1997) *Фантом «демографического империализма» // Миграция*, Март.
13. Akaha, Tsuneo (2003) *Despite the Russian-Japanese Territorial Dispute: Hokkaido's Courting of the Russian Far East*. *Pacific Focus* 18 (1): 89-122.
14. Akaha, Tsuneo (ed.) (2003) *Human Flows across National Borders in Northeast Asia*, Seminar Proceedings, United Nations University, Tokyo, Japan, November 20-21, 2002. Monterey: Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies.
15. Akaha, Tsuneo and Vassilieva, Anna (2003) *The Russian Presence in Japan: Case Studies in Hokkaido and Niigata*. Paper presented at the conference on "Globalization, Migration, and Human Security: Challenges in Northeast Asia." United Nations University, Tokyo, October 6.
16. Alexseev, Mikhail (2001) *Chinese Migration in the Russian Far East: Security Threats and Incentives for Cooperation in Primorskii Krai*. In Judith Thornton



- and Charles Ziegler, eds., *The Russian Far East: A Region at Risk?* Seattle: University of Washington Press.
17. Cornelius, Wayne A. (1994) *Japan: The Illusion of Immigration Control*. In Wayne A. Cornelius, Philip L. Martin, and James F. Hollifield, eds., *Controlling Immigration: A Global Perspective*. Stanford: Stanford University Press.
  18. Gelbras, Vilya (2003) *Chinese Migration to the Russian Far East: A View from Moscow* // In Tsuneo Akaha, ed., *Human Flows across National Borders in Northeast Asia*, Seminar Proceedings, United Nations University, Tokyo, Japan, November 20-21, 2002. Monterey: Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies.
  19. International Organization for Migration (2003) *World Migration 2003: Managing Migration - Challenges and Responses for People on the Move*, Geneva: International Organization for Migration.
  20. Jane's Information Group (2001) *Foreign Report*. September 6.
  21. Japan Immigration Association (2003) *Statistics on Immigration Control 2002*. Tokyo: Japan Immigration Association.
  22. Japan Immigration Association. (2000) *Statistics on Immigration Control 1999*. Tokyo: Japan Immigration Association.
  23. Judicial System Department, Minister's Secretariat, Ministry of Justice. (2003) *Annual Report of Statistics on Legal Migrants, 2003*. Tokyo: Kokuritsu Insatsukyoku, Tokyo.
  24. Judicial System Department, Minister's Secretariat, Ministry of Justice (2002) *Annual Report of Statistics on Legal Migrants, 2002*. Tokyo: Ministry of Justice.
  25. Karlusov, Vyacheslav (2001) *Chinese Presence in the Russian Far East: An Economist's Perspective*. Paper presented at the international seminar, «Human Flows across National Borders in Northeast Asia». Organized by the Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies, Monterey, California, November 2-3.
  26. Kimu, Teyon (1999) *Aidentiti-Poritikkusu o Koete. Zainichichosenjin no Esunishiti (Beyond identity politics: the ethnicity of Korean residents of Japan)*. Kyoto: Sekaishissha.
  27. Lee, Shin-wha (2003) *The Realities of South Korea's Migration Policies*. Paper presented at the conference on «Globalization, Migration, and Human Security: Challenges in Northeast Asia». United Nations University, Tokyo, October 6.
  28. Li, Xuejun; and Tkalev, A. (eds.) (2001) *Ezhong guanxi: shiji zhijiao de qiusuo (Sino-Russian Relationship: A Search at the Turn of the Century)*. Beijing: China's Nationality Press.
  29. Mervio, Mika (2003) *Koreans in Japan: A Research Update*. Paper presented at the international seminar on «Cross-border Human Flows in Northeast Asia: A Human Security Perspective». United Nations University, Tokyo, October 7.
  30. Minakir, Pavel A.; and Freeze, Gregory (eds.) (1994) *The Russian Far East: An Economic Handbook*. Armonk, New York: M. E. Sharpe
  31. Motrich, Ekaterina (2001) *Reaction of the Population of the Russian Far East to the Presence of Chinese People*. Paper presented at the international seminar,

- «Human Flows across National Borders in Northeast Asia». Organized by the Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies. Monterey, California, November 2-3.
32. Nelles, Wayne (2001) Reconciling Human and National Security in Mongolia: A Canadian Perspective. *Regional Security Issues and Mongolia*, No. 10.
  33. Papademetriou, Demetrios G. and Hamilton, Kimberly A. (2000) *Reinventing Japan: Immigration's Role in Shaping Japan's Future*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
  34. Rozman, Gilbert (2005) Introduction // In Charles Armstrong, Samuel Kim, and Gilbert Rozman, eds., *Korea at the Center: The Growing Quest for Regionalism in Northeast Asia*. Armonk: M.E. Sharpe.
  35. Rozman, Gilbert (2001) Japan's Images of China in the 1990s: Are They Ready for China's «Smile Diplomacy» or Bush's «Strong Diplomacy?» *Japanese Journal of Political Science* 2(1): 97-125.
  36. Sakanaka, Hidenori (2001) *Nihon no Gaikokujin Seisaku no Koso* (A plan for Japanese policy toward foreigners). Tokyo: Nihon Kajo Shuppan.
  37. Smith, Hazel (2003) North Koreans in China: Defining the Problems and Offering Some Solutions. Pp. 112-131 in Tsuneo Akaha, ed., *Human Flows across National Borders in Northeast Asia*, Seminar Proceedings, United Nations University, Tokyo, Japan, November 20-21, 2002. Monterey: Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies.
  38. State Statistics Committee of the People's Republic of China, 1997.
  39. Text: Resolution Urges China to Halt North Korean Repatriations. <<http://usinfo.state.gov/regional/ea/uschina/nkrefuge.htm>>.
  40. United Nations (2002) *International Migration Report 2002*. New York: United Nations.
  41. U.S. Committee for Refugees, "Country Report: North Korea," reproduced on <[http://www.refugees.org/world/countryrpt/easia\\_pacific/2001/north\\_korea.htm](http://www.refugees.org/world/countryrpt/easia_pacific/2001/north_korea.htm)>
  42. Arsdol Van, Jr., Maurice D.; Lum, Stephen; Etkin, Brian; and Guarin, Glenn. (2003) *Population Dynamics and Migration Patterns in Northeast Asia*. Paper prepared for presentation at the international conference on «Globalization, Migration, and Human Security: Challenges in Northeast Asia». United Nations University, Tokyo, October 6.
  43. Wishnick, Elizabeth (2003) *Chinese Migrants to the Russian Far East: A Human Security Dilemma*. Pp. 150-160 in Tsuneo Akaha, ed., *Human Flows across National Borders in Northeast Asia*, Seminar Proceedings, United Nations University, Tokyo, Japan, November 20-21, 2002. Monterey: Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies.
  44. Wishnick, Elizabeth (2001) *Migration Issues and Russia's Economic Integration in Asia*. Paper presented at the international seminar, «Human Flows across National Borders in Northeast Asia». Organized by the Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies, Monterey, California, November 2-3, 2001.
  45. Zha, Daojiong (2002) *Chinese Migrant Workers in Japan: Policies, Institutions, and Civil Society*. Pp. 91-113 in Tsuneo Akaha, ed., *Human Flows across*

- National Borders in Northeast Asia,” Seminar Proceedings, Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies, Monterey, California, November 2-3, 2001. Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies, Monterey, California, January 20.
46. Zha, Daojiong (2003) Chinese Migrants in Niigata: A Research Update. Pp. 42-62 in Tsuneo Akaha, ed., Human Flows across National Borders in Northeast Asia, Seminar Proceedings, United Nations University, Tokyo, Japan, November 20-21, 2002. Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies, Monterey, California.
47. Zheng, Yu. (2003) Sino-Russian Relations: The Issue of Chinese Emigration. Paper presented at the international seminar on «Cross-border Human Flows in Northeast Asia: A Human Security Perspective». United Nations University, Tokyo, October 7.

## **НЕЛЕГАЛЬНАЯ ИММИГРАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Одной из наиболее характерных современных тенденций развития международной миграции является *неуклонный рост масштабов нелегальной иммиграции*. Как было отмечено еще на 59-й сессии Международной организации труда (МОТ) в 1974 г., «несмотря на усилия, прилагаемые главными странами, использующими иностранную рабочую силу, число стихийных мигрантов остается весьма значительным, а если подойти к этому вопросу в плане всего мира, то эта миграция, скорее, является правилом, а не исключением».

Несмотря на активизацию миграционной политики и принятие специальных законов, направленных на борьбу с нелегальной иммиграцией, за прошедшие более 30 лет масштабы нелегальной иммиграции в мире не только не уменьшились, а наоборот, значительно возросли. Последнее во многом связано с тем, что строгий контроль за иммиграцией при увеличивающемся разрыве в экономическом развитии между странами и существующей потребности в дешевой рабочей силе повышают, с одной стороны, стимулы к нелегальному въезду для работников, а с другой стороны, к использованию нелегальной рабочей силы для работодателей. В результате в странах с либеральной иммиграционной политикой, где остаются легальные возможности иммиграции (в том числе Австралия, Канада, США), нелегальная иммиграция является альтернативой для тех, кто не удовлетворяет критериям отбора, кто не готов к длительному ожиданию разрешения на въезд или для кого нелегальная иммиграция менее затратна; тогда как в странах с рестрикционной иммиграционной политикой, в которых возможности легального въезда или пребывания значительно ограничены (страны ЕС и др.), нелегальная иммиграция для большинства потенциальных мигрантов является практически единственным способом улучшить свое материальное положение. Все вышесказанное ведет к тому, что для многих стран нелегальная иммиграция стала характерным явлением современной действительности.

Оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции практически невозможно. Различные косвенные методы позволяют дать лишь приблизительные оценки, которые могут значительно расходиться. Так, по оценкам экспертов ООН, ежегодно от 2 до 4,5 млн. человек пересекают межгосударственные границы нелегально, помимо этого ряды нелегальных иммигрантов пополняют лица, въехавшие в страну на законном основании, но затем оставшиеся в ней, нарушив условия пребывания. По разным оценкам, в настоящее время от 10 до 15% всех международных мигрантов (т.е. от 20 до 35 млн. человек) находятся в странах пребывания с нарушением закона, в том числе в США нелегальных иммигрантов насчитывается от 10 до 15 млн. чел., в странах Западной Европы от 5,6 до

8,4 млн. чел., в России от 3,5 до 5 млн. чел., в Японии от 300 тыс. до 1 млн. чел., на Ближнем Востоке от 1 до 3 млн. чел., в Южной Америке от 1,5 до 6 млн. чел. Важно отметить, что нелегальная иммиграция затрагивает не только развитые страны. От нелегальной иммиграции не застраховано ни одно государство мира, уровень жизни в котором выше, чем у ближайших соседей. Так, например, крупнейший в мире «поставщик» нелегальных иммигрантов Мексика сама является страной въезда для примерно одного миллиона нелегальных иммигрантов из латиноамериканских стран, численность нелегальных иммигрантов в Аргентине насчитывает около 800 тыс. человек (Migration in an interconnected world, 2005, p. 32–34; MOT, 2004, С. 11–12; Papademetriou, 2005).

Необходимо отметить, что на протяжении длительного периода к мигрантам, в том числе и к нелегальным, население и общество проявляли терпимость. Однако, обострение социально-экономических проблем в странах, принимающих мигрантов, изменение геополитической ситуации в мире и другие факторы обусловили изменение отношения к мигрантам как государственных органов, так и общественного мнения. И особенно остро эти изменения коснулись нелегальных иммигрантов.

В последнюю треть XX века и в начале XXI века проблемы нелегальной иммиграции становятся не просто злободневными, но и прямо связываются с ухудшением условий жизни коренного населения, ростом преступности, международного терроризма и другими негативными явлениями. Это стало особенно заметным после трагедии 11 сентября 2001 г. в США, когда основной темой стала проблема национальной безопасности и противодействие международному терроризму. Не случайно в последние годы нелегальная иммиграция привлекает наибольшее внимание со стороны руководителей развитых стран, международных организаций (ООН, МОМ, Европейский Союз, Совет Европы и др.), различных политических деятелей и ученых.

### **Методологические вопросы анализа нелегальной иммиграции**

Прежде чем рассмотреть современные тенденции и особенности нелегальной иммиграции, необходимо определиться с тем, кого вообще можно считать нелегальным иммигрантом.

Ответ на этот вопрос предлагают ведущие отечественные и зарубежные ученые, при этом в их статьях можно найти не только различное обозначение нелегальной иммиграции, но и разное понимание самой сути этого явления. Применительно к нелегальной иммиграции используются такие термины, как «недокументированная» (“undocumented”, “paperless”), «незаконная», «нелегальная» (“illegal”), «неразрешенная» (“unauthorized”), «неупорядоченная» (“with an irregular status”), «подпольная» (“clandestine”), «полулегальная» (“quasi-legal”) и др. При этом одни ученые рассматривают эти термины как синонимы, тогда как другие считают эти понятия принципиально разными (Ghosh, 1998; Okolski, 2000;

Таринос, 2000; Красинец, Кубишин, Тюрюканова, 2000; Воробьева, 2001; Витковская, 2002; Ионцев, 2002; Migration in an interconnected world, 2005; Papademetriou, 2005).

Марек Окольский на примере Польши выделяет десять типов нелегальной миграции и отдельно обращает внимание на так называемую неполную миграцию (*incomplete migration*), непосредственно связанную с транзитной миграцией, ставшей важной составной частью нелегальной миграции. В 1990-е годы транзит через страны Восточной Европы, Россию, Беларусь и др. с целью нелегального устройства в странах Западной Европы приобретает значительный размах. Вместе с тем подчеркнем, что использование транзитной визы для нелегального трудоустройства вовсе не означает, что все транзитники являются нелегалами, хотя этот канал все более и более ими активно используется, как и канал, связанный с туристической миграцией (туристическая виза все чаще используется для легального пересечения границы с целью последующего нелегального трудоустройства в государстве въезда). Во многом с этими каналами связано появление в 1990-е гг. таких противоправных видов деятельности, причисляемых к нелегальной миграции, как вывоз и продажа мигрантов (*smuggling of migrants*). Речь, прежде всего, идет о проституции и незаконном (а часто и насильственном) вовлечении в нее женщин, и незаконном провозе мигрантов (*trafficking in migrants*). Эти явления с 1993 г. привлекают особое внимание МОМ, ООН и других международных организаций и часто отождествляются экспертами этих организаций, хотя, по мнению отдельных ученых, на самом деле речь идет о разных понятиях<sup>1</sup>.

В России дискуссия о понятии «нелегальный мигрант» приобретает в 1990-е гг. не только научный, но и острый политический и общественный резонанс. Этот резонанс обусловлен появлением так называемого ближнего зарубежья и особым отношением к бывшим советским гражданам, сотни тысяч которых устремились в Россию после распада СССР, и статус части которых до сих пор не установлен, несмотря на то, что в России многие из них находятся уже более десяти лет.

Можно ли считать «нелегалами» всех бывших советских граждан, их детей и внуков, когда они въехали в Россию на постоянное жительство, легально работают и учатся, а часть даже получает пенсию? На наш взгляд, таковыми можно назвать только тех коренных граждан бывших союзных республик, ныне суверенных государств, которые въезжают в настоящее время в Россию с целью временного нелегального трудоустройства.

Согласно Конвенции № 143, принятой на конференции МОТ 1975 года, «к нелегальным миграциям относятся те, в которых мигранты находятся во время периода путешествия, по прибытии или в течение проживания или

---

<sup>1</sup> См. специальный выпуск журнала *International Migration* (Vol 38(3), №1, 2000) посвященный анализу незаконного провоза мигрантов (“*Perspectives on Trafficking of Migrants*”).

работы в условиях, нарушающих действующие международные соглашения или национальные законы и другие нормативные акты. Таким образом, нелегальность может быть связана с различными аспектами: въездом, пребыванием в принимающей стране или же способом занятости (Tarinis, 2000, p. 14).

В Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 1994 г.) указывается, что «незарегистрированные или нелегальные мигранты — это лица, которые не удовлетворяют установленным принимающей стороной требованиям в отношении въезда, пребывания или экономической деятельности» (Программа действий ..., 1994, С. 70).

В докладе Международной организации труда (МОТ) «За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике» указывается: «Людей, которые въезжают в страну или работают в стране без соответствующего разрешения властей, именуют по-разному: незаконными, подпольными, нелегальными мигрантами или лицами с неурегулированным статусом. В свое время «нелегальные мигранты» составляли отдельную остаточную категорию, однако, слово «нелегальный» имеет нормативный подтекст и подразумевает их преступный характер. Поэтому на Международной конференции по народонаселению и развитию в 1994 году было предложено использовать термин «лица без документов». Его, однако, нельзя считать полным, поскольку он не охватывает мигрантов, въезжающих в принимающую страну на законном основании с туристическими документами, которые затем нарушают условия въезда и устраиваются на работу. Мигранты, пересекающие границы с помощью специальных проводников, могут иметь поддельные документы, в связи с чем на Международном симпозиуме по миграции в Бангкоке, который состоялся в апреле 1999 года, было рекомендовано использовать термин «лица с неурегулированным статусом». Неурегулированное положение в области миграции может быть связано с различными моментами, такими как отъезд, транзит, въезд и возвращение, причем нарушения законности могут совершаться как в отношении мигрантов, так и самими мигрантами» (МОТ, 2004, С. 11).

В Миграционном словаре, подготовленном Международной организацией по миграции, приводится следующее определение: «*нелегальная миграция* — перемещения, которые имеют место вне рамок законов стран выбытия, транзита или прибытия мигрантов. Четкое и универсальное определение нелегальной миграции отсутствует. С точки зрения принимающей страны, к ней относят перемещения, связанные с нелегальным въездом, пребыванием или работой в стране, подразумевая, что мигрант не имеет необходимых в соответствии с миграционным законодательством документов для законного въезда, проживания или работы в данной стране. С точки зрения страны эмиграции, нелегальность проявляется, например, в том случае, когда индивид пересекает

международную границу без действительного паспорта или выездного документа или же не выполняет административные требования, необходимые для выезда из страны. Вместе с тем существует тенденция ограничивать использование термина «нелегальная миграция» случаями контрабанды (smuggling of migrants) и незаконного провоза мигрантов (trafficking in migrants)» (Glossary on Migration, 2004, p. 34–35).

В отчете Глобальной комиссии по международной миграции (Global Commission on International Migration) отмечается, что «термин нелегальная миграция обычно используется для характеристики различных форм перемещений индивидов, связанных с нарушением правил въезда или пребывания страны, гражданами которой они не являются. Она включает в себя индивидов, которые въезжают или находятся в стране без разрешения, которые были перевезены через государственные границы контрабандно или незаконно; лиц, ищущих убежища, которым было отказано в предоставлении убежища и которые скрылись от депортации; лица, которые въехали по поддельным документам или получили вид на жительство с помощью фиктивного брака. Все эти различные формы нелегальной миграции часто объединяются под альтернативными заголовками «неразрешенная», «недокументированная», «незаконная» и др. Комиссия осведомлена о спорах, окружающих сравнимость этих терминов, и согласна с утверждением, что к человеку неприменимо определение «незаконный» или «нелегальный». В связи с этим в рамках настоящего доклада используется термин «мигранты с неурегулированным статусом» (“migrants with irregular status”)» (Migration in an interconnected world, 2005, p. 32).

Обобщая вышесказанное, **нелегальная (незаконная) миграция** представляет собой территориальные (пространственные) перемещения людей через административные границы, сопровождаемые нарушением правил выезда страны выбытия, правил въезда и / или пребывания в стране прибытия или же правил транзита через третью страну.

Нелегальная миграция может иметь место и в рамках одной страны, если в ней действует запрет на несанкционированные властями внутренние перемещения (например, в России во время крепостного права, в современном Китае и др.).

**Нелегальные мигранты** — это мигранты, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территорию данного государства.

Нелегальная миграция разделяется на два основных вида — **нелегальная эмиграция** и **нелегальная иммиграция**. Помимо этого в последние годы особую роль приобретают нелегальные формы транзитной миграции, связанные, прежде всего, с контрабандой мигрантов (smuggling of migrants) и торговлей людьми (trafficking in migrants).

Обратим внимание на отличие между двумя основными видами нелегальной миграции.



**Нелегальная эмиграция**, как правило, имеет безвозвратный характер и зачастую при успешном въезде в другую страну принимает форму вынужденной миграции, поскольку нелегальные эмигранты чаще всего обращаются с просьбой о предоставлении им статуса беженцев. В случае отказа в предоставлении данного статуса многие из этой группы мигрантов обычно переходят в группу нелегальных иммигрантов, а иногда могут быть депортированы обратно в свои страны, что может грозить им (как, скажем, в случае с Китаем) даже смертной казнью.

**Нелегальная иммиграция** имеет, как правило, возвратный характер и связана, прежде всего, с нелегальным трудоустройством<sup>2</sup>. В этом случае пересекать государственную границу страны назначения мигранты могут и легально (в качестве туристов, бизнес-мигрантов, по приглашениям родственников, друзей и т.п.), и нелегально (используя слабо контролируемые пограничные участки), и незаконно (при помощи поддельных документов, зачастую используя транзитные визы), но во всех случаях с последующим нелегальным (неформальным) трудоустройством.

**Нелегальная занятость** мигрантов рассматривается как их трудовая деятельность, юридически не оформленная в соответствии с действующими в стране прибытия правилами использования труда иностранных работников. Таким образом, принципиальными характеристиками нелегальной иммиграции являются: 1) *нелегальное трудоустройство* — это главная цель подавляющего числа нелегальных иммигрантов, независимо от того, как осуществляется сам факт пересечения границы; 2) *временность трудоустройства* — большинство нелегальных мигрантов стремится возвратиться к себе на родину.

Можно выделить три основные формы нелегальной иммиграции (подробнее, см., Okolski, 2000; Tapinos, 2000; Papademetriou, 2005, схема 1):

1. **нелегальный въезд**, являющийся основной формой нелегальной иммиграции (например, в США к этой группе относится, по оценкам, около 66% всех нелегальных иммигрантов). К этой форме относятся перемещения, сказанные с нелегальным пересечением государственной границы страны назначения, т.е. минуя пункты пропуска на границах. Большая часть данных перемещений происходит через сухопутные границы (например, из Мексики в США, в основном, в районе реки Рио-Гранде; из Польши в Германию через Одер и Нейсе; из Афганистана в Таджикистан через горные перевалы, а затем в Россию); в ряде случаев нарушаются также морские границы (например, из Кубы в США, из стран Африки на Канарские острова, Испанию и Италию). При этом на границах принимающих стран сложились многочисленные налаженные каналы незаконной переправки мигрантов.

---

<sup>2</sup> Среди нелегальных иммигрантов можно встретить и лиц, ищущих убежище, и террористов, и других злоумышленников, вместе с тем, по своей сути, нелегальная иммиграция имеет ярко выраженный трудовой характер.

Необходимо проводить различие между *самостоятельным* и *осуществленным с чьей-либо помощью* нелегальным перемещением людей через государственную границу. В первом случае нелегальный иммигрант планирует и осуществляет переход самостоятельно, тогда как во втором случае нелегальный въезд организуется другими индивидами или организациями. В настоящее время все возрастающие масштабы принимает именно организованная форма нелегальных перемещений. Так, по оценкам экспертов МОТ, почти половина мигрантов, которые тайком проникают на территорию других стран, получают такую возможность в результате их незаконного ввоза или тогда, когда они становятся объектами торговли людьми. При этом контрабанда и нелегальный ввоз людей все в большей степени берется под контроль крупными транснациональными преступными синдикатами. Только в США, по данным бывшей Службы натурализации и иммиграции, в этом «бизнесе» в конце 1990-х годов было задействовано около 10 тысяч человек. По данным Европола, доход мафиозных синдикатов от нелегальной иммиграции сопоставим с доходами от наркобизнеса.

Обратим внимание на принципиальные различия между двумя формами организованной формы нелегальных перемещений: *контрабандой людей, или незаконным провозом мигрантов* (*smuggling of migrants*), и *торговлей людьми* (*trafficking in migrants*). В соответствии с положениями Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН 2000 года против транснациональной организованной преступности, **контрабанда (незаконный ввоз мигрантов)** означает «обеспечение с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного въезда в какое-либо государство любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории»; **торговля людьми** означает «вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей с помощью незаконных методов, таких как угроза силой, похищение, мошенничество или принуждение, в незаконных целях, таких как принудительный труд, подневольное состояние, рабство или сексуальная эксплуатация» (МОТ, 2004, С. 12–13). Таким образом, в первом случае речь идет о добровольной форме перемещений (стороны, обеспечивающие незаконный ввоз, оказывают услуги своим клиентам, выступая в качестве «агентов бюро путешествий», действующих вне правовых рамок), тогда как во втором — о принудительном перемещении и торговле «живым товаром». Согласно международным правилам, мигранты, ставшие жертвами торговли людьми, не должны подлежать уголовному преследованию.

2. **незаконный въезд.** К этой форме относятся мигранты, которые прибывают в страну назначения легально, однако используют для въезда поддельные документы (поддельные или чужие удостоверения личности, поддельные или измененные визы, фиктивные приглашения и др.) или документы,

полученные путем предоставления неверных данных, коррупции, принуждения или каким-либо иным незаконным способом. В эту форму также включаются поддельные удостоверения беженцев или фиктивные документы, необходимые для подачи заявления о предоставлении убежища.

Как отмечает зам. госсекретаря США Дж. Майерс, «миллионы нелегальных иностранцев используют полученные мошенническим путем или поддельные документы для незаконного трудоустройства в США. В то же время некоторые из этих фиктивных документов помогли многочисленным преступникам скрыться от правоохранительных органов, и существует явная угроза, исходящая от террористов, которые внедряются в наше общество и избегают обнаружения». При этом высокая прибыль от этих преступлений соблазняет профессионалов, таких как адвокаты, руководители компаний, консультанты по вопросам иммиграции и нотариусы. Исследования показывают, что при выдаче виз в США некоторых категорий процент мошенничества достигает 33%. Только в 2005 году в США 36% всех депортированных (более 75,5 тысяч человек) составили иммигранты, выдворенные в связи с выявлением поддельных разрешений на проживание или работу (см., подробнее, Wasem, 2007, p. 2).

Сложность предотвращения данной формы нелегальной иммиграции заключается, прежде всего, в сложности оперативного распознавания и проверки подлинности документов, не создавая значительных задержек в прохождении пограничного контроля. К способам борьбы с этой формой относятся: сбор дополнительных биометрических сведений об иностранцах (отпечатки пальцев и т.п.) в консульских отделах за рубежом; введение новых более защищенных удостоверений личности и виз; обязанность работодателей проверять законность пребывания и наличие разрешения на работу у мигранта (см., подробнее, Wasem, 2007, p. 10–12).

3. **легальный въезд и нарушение условий пребывания.** Эта форма включает мигрантов, которые въезжают в страну на законных основаниях (например, по туристическим визам или частным приглашениям), однако, затем нарушают условия пребывания в ней. Последнее может быть связано как с несоблюдением правил пребывания во время их законного пребывания в стране (например, незаконное трудоустройство студентов или туристов, а также смена места работы трудовыми мигрантами вопреки условиям заключенного контракта), так и с нарушением сроков пребывания, определяемых визой или другими документами (в т.ч. иностранные студенты, не пожелавшие после завершения учебы вернуться на родину; транзитные мигранты с просроченными визами; мигранты, работающие по межгосударственным соглашениям и контрактам, срок действия которых уже истек). Так, например, в 2001 году в Республике Корея насчитывалось около 255 тысяч человек, оставшихся в стране

после истечения допустимого срока пребывания, а в Японии — 224 тысяч человек (МОТ, 2004, С. 12).

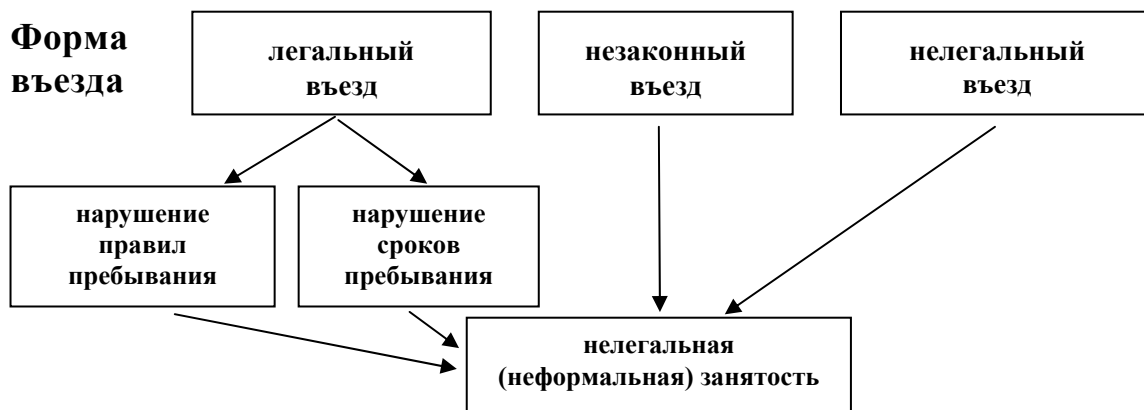


Схема 1. Структура нелегальной иммиграции

### Экономико-политические аспекты нелегальной иммиграции

Рост нелегальной иммиграции объясняется различными факторами, среди которых главенствующее место занимают *экономические*. Не случайно среди нелегальных иммигрантов преобладают те, кто стремится за границей найти или работу как таковую, или значительно более высокие заработки, чем у себя на родине.

Рассматривая экономические факторы, следует проанализировать выгоды от нелегальной иммиграции четырех основных участников процесса:

- *собственно самого мигранта*, решившего избрать нелегальный способ перемещения и трудоустройства;
- *работодателя*, идущего на найм нелегальной рабочей силы;
- *государства, отправляющего мигрантов*;
- *государства, принимающего мигрантов*, призванного противостоять нелегальной иммиграции.

*С точки зрения нелегального иммигранта*, причины проникновения и нелегального трудоустройства на иностранном рынке труда связаны, прежде всего, со следующими факторами:

- большие возможности занятости и уровень оплаты труда в принимающей стране по сравнению со страной эмиграции;
- невозможность получить официальное разрешение на въезд или работу в желаемой стране назначения;
- возможность не тратить время, силы и денежные средства на регистрацию и получение официального разрешения на работу;
- возможность получать необлагаемый налогами доход.

Стремлению мигрантов не быть официально зарегистрированными часто способствует преимущественно сезонный характер их занятости в неформальном секторе (строительство, сельское хозяйство и др.).

*С точки зрения работодателя*, привлекательность использования нелегальных иммигрантов обуславливается следующими причинами:

- возможностью существенной экономии на фонде заработной платы и социальных отчислениях;
- бесправным положением нелегального работника, что «развязывает руки» работодателю, который диктует свои условия найма, заработную плату, график работы и т.д.;
- необходимостью заполнения рабочих мест, непривлекательных для местного населения, опасных для жизни или вредных для здоровья;
- диспропорцией предложения и спроса на труд на региональных и отраслевых рынках;
- необходимостью более гибкого использования рабочей силы;
- негибкой системой разрешительной регистрации и лицензирования иностранных работников.

Таким образом, трудящиеся-мигранты, работающие нелегально, представляют для предпринимателей самую дешевую и бесправную рабочую силу, что является значительным стимулом к найму таких рабочих, несмотря на существующие и постоянно усиливающиеся штрафы и санкции (вплоть до тюремного заключения) в отношении работодателей, практикующих нелегальный найм иностранцев. Об этом, например, прямо говорится в одном из докладов Совета по проблемам народонаселения США, где подчеркивается, что «предприниматели получают большие выгоды от использования нелегальных иммигрантов, которые работают и живут в ужасных условиях, а получают за свой труд по самым низким расценкам». Последнее во многом объясняет то, почему в США корпоративный бизнес активно добивается иммиграционных послаблений, вплоть до полного открытия границ. Так, правительству США было известно, что до 80% работников, убравших урожай лука в штате Джорджия, являлись нелегальными иммигрантами. Служба иммиграции и натурализации (СИН) пыталась выполнить свой долг, однако этому воспрепятствовали законодательные органы штата, заставившие СИН отступить. Работодатели в сельском хозяйстве, строительстве и низкооплачиваемом секторе услуг по-прежнему утверждают, что у них должна быть возможность нанимать на работу иностранцев, даже если они находятся на нелегальном положении (Бьюкенен, 2004; Иммиграционная политика, 2002, С. 203). По оценкам экспертов, на правительства развитых государств все возрастающее давление будут оказывать предприниматели, нуждающиеся в притоке новых рабочих рук ради сохранения конкурентоспособных позиций этих стран на мировых рынках; в противном случае в условиях все большей глобализации развитым странам с их стареющим населением и малочисленной молодежью будет трудно соперничать с развивающимися странами на мировом рынке.

Нелегальные иммигранты приносят выгоду и *принимающему государству в целом*, поскольку представляют собой «чистых налогоплательщиков» (Линдерт, 1992), выплачивающих в большинстве случаев различные налоги (не столько прямые, сколько косвенные), но очень

редко получающих какие-либо социальные пособия и льготы. Так, исследования, проведенные в США, показали, что «в общем и целом нелегальные иммигранты не являются бременем для казны» и положительно влияют на экономику принимающих стран (Tapinos, 2000, p. 30).

Нелегальную миграцию могут прямо или косвенно поощрять и *страны эмиграции*, поскольку, по крайней мере, в краткосрочном периоде она может оказывать положительное воздействие на их экономику. Нелегальная миграция способствует уменьшению демографического давления в отправляющих государствах и снижению уровня безработицы, поскольку поглощает значительное число молодых людей, вступающих на рынок труда. Так, по оценкам, трудовая миграция мексиканцев в США сокращает ежегодный прирост населения Мексики с 1,8% до 1,5% (МОТ, 2004, С. 19). Нелегальная иммиграция способствует также созданию значительных потоков денежных переводов в страны эмиграции. По оценкам Всемирного банка, в настоящее время потоки денежных переводов являются вторым после прямых иностранных инвестиций источником финансирования для развивающихся стран. Так, в 2004 году только официальные переводы мигрантов составили более 160 млрд. долл. При этом денежные переводы являются более надежным и стабильным источником валютных поступлений и в меньшей степени подвержены колебаниям экономических циклов.

Таким образом, выгоды от нелегальной иммиграции в той или иной степени ощущает каждый, кто является вовлеченным в этот процесс: и отправляющее государство, и нелегальный иммигрант, и нанимающий его работодатель, и принимающее государство. Проблема нелегальной иммиграции не будет и не может быть решена до тех пор, пока на рынках труда стран назначения продолжают существовать ниши для незаконного трудоустройства, сохраняется заинтересованность работодателей (и государства!) в существовании дешевой и бесправной иностранной рабочей силы, обеспечивающей снижение издержек производства, конкурентоспособность товаров, «экономия» на сфере социальной защиты. С другой стороны, экономическая ситуация в странах исхода нелегальных мигрантов остается постоянно действующим выталкивающим фактором.

Наряду с экономическими факторами нелегальной иммиграции необходимо отметить и *политический фактор*, который в последнее время все более способствует увеличению масштабов нелегальной миграции, «провоцируя» ее, — причем, со стороны как страны выезда, так и страны въезда. Так, по мнению руководства Китая, США, по существу, поощряют нелегальную миграцию, когда предоставляют большинству мигрантов-китайцев политическое убежище, хотя чаще всего речь идет не о политических, а об экономических причинах эмиграции. В свою очередь, нелегальную иммиграцию мексиканцев в США активно поддерживают власти Мексики, стремящиеся с ее помощью решать проблемы бедности. Будущих нарушителей границы снабжают необходимым запасом продовольствия, воды и медикаментов, им даются адреса социальных

служб в США, где принимают иммигрантов, не задавая лишних вопросов (Бьюкенен, 2004).

Особое значение в росте масштабов нелегальной иммиграции имеют *складывающиеся между странами въезда и выезда экономические и политические отношения*, наличие соглашений в области миграционного обмена, резкие различия в экономическом развитии, уровне жизни в целом и некоторые другие причины и явления. Например, если говорить о России и государствах ближнего зарубежья, то на увеличение масштабов нелегальной иммиграции оказывают влияние более прочное экономическое положение России, чем в других странах СНГ; «прозрачность» российских границ (вызванная отсутствием полноценной пограничной инфраструктуры и слабым контролем за отдельными участками российской границы, особенно на Центрально-Азиатском направлении); отсутствие сформировавшегося единого рынка труда стран СНГ; существование значительной доли неформального сектора экономики; общность языка и устоявшихся связей на постсоветском пространстве; незначительность экономических санкций, применяемых к работодателям за незаконное использование иностранной рабочей силы; непроработанность российского законодательства, касающегося въезда, пребывания и трудоустройства иностранцев на территории России.

Важным фактором роста нелегальной иммиграции в ряде стран выступает их *выгодное с точки зрения транзита географическое положение*. С таким фактором столкнулось большинство стран Южной и Восточной Европы. Так, правительство Мальты неоднократно заявляло о том, что неспособно в одиночку справиться с наплывом нелегальных иммигрантов из африканских стран, которые направляются транзитом через мальтийские воды в Италию, однако терпят бедствие и причаливают к мальтийским берегам. Только за 2006 год на лодках с африканского материка на мальтийские острова перебрались более 1,5 тыс. нелегальных иммигрантов. В результате центры содержания нелегальных иммигрантов на Мальте заполнены до предела. С 2006 года Комиссия ЕС объявила о начале совместного пограничного морского патрулирования в мальтийских водах под началом европейского пограничного агентства Frontex с целью заблаговременно останавливать лодки с африканскими нелегалами.

В сходной ситуации оказалась и Россия, включение которой в мировые миграционные потоки имело для нее самые разнообразные, подчас непредвиденные, последствия. Одно из таких последствий вытекает из ее особого геополитического положения и исключительной прибыльности переправки нелегалов для организаторов и посредников этого процесса. В результате Россия на рубеже 1980–1990-х годов стала страной, через которую проходят многочисленные явные и скрытые транзитные пути мигрантов из азиатских и африканских стран, стремящихся попасть в Европу. По статистике МВД в России в настоящее время «застряли» около 300 тыс. транзитных мигрантов из Афганистана,

Китая, Анголы, Пакистана, Индии, Шри-Ланки, Турции, Эфиопии. Следует признать, что, к сожалению, до настоящего времени российским официальным структурам не удалось наладить должного контроля за пребыванием транзитных мигрантов в стране. Въезжая по транзитной или туристической визе (или переправляясь через границу нелегально), они часто просто теряются на огромных просторах России. В то же время в России существует достаточно жесткий пограничный контроль при выезде в страны назначения. Пресекая незаконный выезд вследствие нарушения условий пребывания, оформления документов и т.п., российские пограничные службы фактически превращают территорию России в «отстойник» для нелегальных мигрантов.

Необходимо отметить, что во второй половине 1990-х годов наряду с увеличением масштабов нелегальной иммиграции в Россию, происходит заметное изменение ее структуры. В последние годы доминирующей становится нелегальная иммиграция отчетливо трудового характера, которая все больше и больше затрагивает рынок труда России и, в первую очередь, его отдельные регионы (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Дальний Восток и ряд др.). Главным образом это касается иммиграции из стран ближнего зарубежья.

Характерно, что преобладающее большинство незаконных мигрантов вполне легально прибывает в Российскую Федерацию на работу, учебу, по линии туризма и приглашениям частных лиц, однако впоследствии незаконно занимается трудовой деятельностью на российской территории. Подавляющая часть нелегальных иммигрантов прибывает в Россию из стран СНГ (прежде всего, Азербайджан, Украина, Таджикистан, Узбекистан). Из стран дальнего зарубежья нелегальные иммигранты прибывают, в первую очередь, из Афганистана, Вьетнама, Китая и др., используя часто нелегальные формы въезда.

Как показывают исследования, основными сферами занятости нелегальных иммигрантов в центральных регионах и крупных городских агломерациях России являются строительство и ремонтные работы, городской общественный транспорт, коммерческая деятельность и услуги. В городах это в основном — мелкая оптовая торговля, вещевые рынки, частный извоз, ремонт квартир, строительство дач, ресторанный сервис, некоторые другие виды услуг. В сельских регионах — сезонные строительные и сельскохозяйственные работы. Так, по оценкам экспертов, в строительных комплексах крупных российских городов, особенно в сезон активных работ, «нелегалы» составляют от 30% до 50% работников, занятых в отрасли (Красинец, Кубишин, Тюрюканова, 2002). Нелегалы тяготеют к занятости в рамках неформального сектора экономики, который, с одной стороны, не требует от них легализации их статуса, а с другой — предоставляет широкие возможности для быстрого достижения материального благополучия, так как позволяет уйти от уплаты налогов (отметим, что последнее практически невозможно в развитых странах).



Значительная по масштабам нелегальная иммиграция может повлечь за собой серьезные социальные и экономические издержки для национальной безопасности страны въезда и прибытия мигрантов. Перечислим основные возможные издержки и последствия нелегальной иммиграции:

- нелегальная иммиграция способствует развитию и поддержанию неформального сектора экономики, поскольку нелегальные мигранты создают необоснованные конкурентные преимущества компаниям, которые их нанимают на работу, по сравнению с теми, которые это не делают;
- создавая неконтролируемый рынок товаров и услуг, стимулируя развитие в нем теневых сегментов и искажая систему взаимоотношений между субъектами рынка и государством, нелегальная иммиграция тормозит создание и развитие эффективного цивилизованного рынка труда;
- нелегальная иммиграция может быть связана с контрабандными операциями, проституцией, распространением наркотиков и другими преступлениями;
- нелегальные иммигранты не платят налогов с получаемых ими доходов, а нанимающие их компании не делают социальных отчислений с теневого фонда оплаты труда, что означает упущенные фискальные выгоды. В ряде случаев нелегальная иммиграция даже ведет к увеличению налогового бремени на коренное население, поскольку бюджету приходится нести дополнительные расходы на социальное обеспечение иммигрантов, обучение их детей, на общественную безопасность, содержание новых тюрем и т.д.;
- на нелегальных иммигрантов не распространяется положение о минимальном размере труда; последнее может привести к снижению среднего уровня оплаты труда неквалифицированных работников;
- работодатели могут игнорировать требования об обеспечении охраны здоровья и соблюдении техники безопасности, что может привести к получению травм и угрозе жизни иммигрантов, преждевременным смертям;
- по прибытии нелегальные иммигранты не проходят медицинское обследование на предмет наличия заболеваний или вирусов; их возможности обращения в органы здравоохранения в стране пребывания также в значительной степени ограничены. В то же время они подвержены риску заболеваний в пути, особенно если перевозятся нелегально или принудительно, из-за антисанитарных условий проживания, тяжелых условий труда и чрезмерной трудовой эксплуатации. Последнее может повлечь за собой серьезные медицинские последствия, поскольку болезни могут распространиться среди населения принимающей страны;
- вынужденные жить на нелегальном положении при ограниченных возможностях легализации и постоянной угрозе депортации, нелегальные иммигранты в большей степени рискуют стать объектом преступлений;

- нелегальная иммиграция способствует криминализации обстановки и росту преступности;
- рост масштабов нелегальной иммиграции сопровождается образованием иноэтнических общин с большой этно-культурной и этно-конфессиональной дистанцией по отношению местному населению, которые зачастую не интегрируются в принимающее общество. Последнее, в свою очередь, может привести к обострению социальной и межэтнической напряженности, усилению экстремистских националистических политических течений;
- предвзятое отношение к нелегальным иммигрантам может привести к расколу в обществе, если такое восприятие распространится и на лиц, прибывших в страну;
- нелегальная иммиграция становится главным фактором, способствующим успеху ультраправых партий на выборах;
- нелегальная иммиграция способствует формированию обособленных зон компактного расселения мигрантов по этническому признаку (этнических анклавов), что затрудняет, а порой делает невозможной интеграцию мигрантов в общество;
- при неблагоприятном развитии (длительное «накопление» нелегальных иммигрантов) возникает угроза потери контроля над ситуацией в отдельных районах страны.

Такая комбинация факторов обуславливает нарастание проблем, связанных с нелегальной иммиграцией и нелегальной занятостью иностранной рабочей силы. Эта ситуация усугубляется повышением криминальной активности, облегчающей нелегальным иммигрантам возможность их трудоустройства в стране, что также связано со значительным увеличением масштабов нелегальной иммиграции.

### **Дискуссии о нелегальной иммиграции в СМИ**

Трагические события 11 сентября 2001 года в США, террористические акты, совершенные в последние годы в России, Испании, Великобритании, Израиле и других странах мира, привели к обострению мигрантофобии в европейских странах и США. Наблюдается значительный рост интереса общественности к проблемам нелегальной иммиграции. Сюжеты о незаконных иммигрантах не сходят с экранов телевизоров, регулярно освещаются на страницах печатных СМИ. При этом в принимающих обществах нарастают антииммигрантские настроения, широко распространяется критическое отношение ко всему, что связано с массовым притоком мигрантов, а в СМИ в последние годы резко изменилась тональность и проблематика публикаций по проблемам нелегальной иммиграции, практически не встречается нейтральных по форме представлений материалов, посвященных нелегальным иммигрантам, появилась тенденция к созданию негативного стереотипа иммигранта как террориста и врага.

Как отмечает в своем исследовании В. Мукомель, в большинстве современных публикаций в СМИ образ иммигранта формируется с помощью характеристик, вызывающих отрицательные эмоции: страх, отчуждение, неприятие или безразличие, что, не зависимо от исходной интенции автора, работает на создание образа «опасного чужого». Конечно, встречаются и сочувственные публикации, однако доминируют создающие негативный образ иммигранта (Мукомель, 2004).

Приведем лишь некоторые заголовки статей в российской и зарубежной прессе последних лет: «Иммигранты захлестнули Европу» (Известия, июнь 2000 года); «Хороший «нелегал» — большая редкость» (Время МН, июль 2000 года); «Глобальное зло требует глобального ответа» (Европа, 2001); «Нелегалы опасны» (Время МН, октябрь 2001 года); «Надлежащая граница?» (Time, октябрь 2001 г.); «Гостеприимная подстилка для террористов» (U.S.News & World Report, октябрь 2001 г.); «Терпя нетерпимость» (Newsweek, ноябрь 2001 г.); «Соседский вызов» (Newsweek, декабрь 2001 г.); «Что делать с нелегалами?» (Европа, 2002); «Миграция: зло или благо? Как превратить поток из разрушительного в созидательный?» (Российская Федерация сегодня, июль 2003 г.); «Нелегальный гость хуже нежданого» (Аргументы и факты, февраль 2005 г.); «Великая американская стена» (Итоги, декабрь 2005 года); «Погоня за миграцией» (Коммерсант Guide, май 2007 года).

Как показал проведенный нами контекст-анализ публикаций в центральных российских газетах и журналах, на протяжении 1996–2006 годов наблюдался устойчивый рост числа публикаций, в которых под тем или иным углом рассматривались проблемы нелегальной иммиграции. Всего за рассматриваемый период число публикаций по данной теме выросло в 26,1 раза, при этом наибольшие темпы роста были характерны для 2002 года (см. рис. 1).



**Рис. 1. Результаты контент-анализа публикаций  
в ведущих российских газетах и журналах в 1996–2006 годах<sup>3</sup>**

### **Нелегальная иммиграция и государственная миграционная политика**

В последние годы во многих странах происходит ужесточение иммиграционной политики. При этом в свете обострения проблемы международного терроризма в начале нынешнего тысячелетия приоритетное значение стало придаваться иммиграционному контролю, усилению фильтрации принимаемых мигрантов с учетом требований национальной безопасности и резкому ужесточению борьбы с нелегальной иммиграцией. Законы, прямо направленные на борьбу с нелегальной иммиграцией и нелегальной занятостью, в последние годы были приняты практически во всех развитых странах (в 1986, 1990 и 2007 гг. в США, в 1988–1990 гг. в Италии и Испании, в 1999 г. в Великобритании; в 2002 г. в Германии, России в 2006 г. и др.).

Накопленный опыт развитых стран показывает, что не существует универсальных способов противодействия нелегальной иммиграции, поэтому для борьбы с ней необходимо использовать самые разнообразные меры.

В целом, в рамках современной иммиграционной политики в зависимости от стадии миграционного процесса можно выделить три направления противодействия нелегальной иммиграции: (1) *предупреждение* (стадия принятия решения о нелегальном перемещении); (2) *предотвращение и пресечение* (стадия осуществления нелегального перемещения); (3) *выявление, наказание, депортация* (стадия закрепления нелегальных мигрантов в стране прибытия).

Рассмотрим основные группы мер в рамках каждого из трех указанных направлений:

(1) *предупреждение нелегальной иммиграции:*

- *усиления уровня защиты виз и других документов*, выдаваемых иммигрантам. Например, в США с 2001 года начато внедрение «лазерных» виз, включающих фотографию и отпечатки указательных пальцев, и биометрических виз, включающих электронный чип с данными владельца;
- *информационные кампании в средствах массовой информации в основных странах эмиграции*, разъясняющие условия легального въезда, пребывания и трудоустройства за рубежом. В результате этих кампаний потенциальные мигранты в странах их постоянного проживания могут и должны получать необходимую информацию о преимуществах использования законных путей иммиграции, транзита и занятости в принимающих странах. Так, согласно инициативе Еврокомиссии в странах, из которых можно ожидать

---

<sup>3</sup> Контент-анализ был проведен по публикациям в ведущих центральных газетах и журналах России за 1996–2006 годы, представленных в электронной библиотеке [www.integrum.ru](http://www.integrum.ru).

самый большой приток нелегальных мигрантов, создаются специальные информационные центры, задача которых — предоставлять жителям этих стран информацию о легальных возможностях получить сезонную работу в ЕС, а также информировать об опасности нелегальной миграции;

— *предварительный контроль в странах выезда*. Например, в США действует Предварительная информационная система о пассажирах (APIS), с помощью которой данные о пассажирах поступают в иммиграционную и таможенные службы США. Некоторые страны размещают представителей своих пограничных служб в основных пунктах выезда (аэропортах, морских портах и т.д.) иностранных государств;

– *применение санкций к перевозчикам*, т.е. транспортным компаниям, и другим посредникам (например, туристическим компаниям), которые организуют и осуществляют транспортировку нелегальных мигрантов по суше, воде или воздуху. В этом случае сами компании будут заинтересованы в предупреждении нелегальной миграции и выявлении потенциальных нелегальных иммигрантов;

– *ужесточение наказания организаторов нелегальной иммиграции и траффика мигрантов, пресечение деятельности преступных организаций*, занимающихся контрабандной переправкой мигрантов. Практически во всех развитых странах предусмотрена административная и уголовная ответственность за организацию контрабанды мигрантов, в ряде стран практикуется выдача специальных виз тем лицам, которые выступают свидетелями против участников таких преступных групп;

— *усиление международного сотрудничества стран назначения нелегальных мигрантов*, а также их взаимодействие со странами происхождения и транзита нелегальных мигрантов. В рамках этого направления, в частности, заключаются соглашения о реадмиссии нелегальных мигрантов.

## (2) *предотвращение и пресечение нелегальной иммиграции:*

– *физическое укрепление границ* (заградительные сооружения, системы электронного контроля и т.д.). Так, в настоящее время Израиль занимается сооружением стены безопасности из бетона и стали вдоль и внутри сектора Газа; правительство Саудовской Аравии недавно также заявило о своих планах начать работы по постройке заграждений вдоль своей границы с Ираком, которые будут препятствовать проникновению исламских боевиков на территорию страны. В 2006 году «Акт 2006 года о защитном заграждении» (Secure Fence Act 2006) был принят в США. Этот акт предусматривает строительство на границе с Мексикой укрепленного двухрядного заграждения общей протяженностью одна тысяча 125 километров. Помимо строительства заграждения предусматривается использование новейших технологий, камер, спутников и беспилотных летательных аппаратов для контролирования границы;

– усиление патрулирования и пограничного контроля. Так, Европейская комиссия считает, что эффективная охрана внешних границ ЕС — это ключевой элемент обеспечения безопасности, причем не только в плане борьбы с террором, но и для противодействия нелегальной иммиграции, торговле людьми и организованной преступности. Для обеспечения этой задачи действует Европейское агентство по защите границ Frontex;

– повышение квалификации работников пограничных служб и их технической оснащенности.

(3) выявление, наказание, депортация нелегальных иммигрантов:

— проведение регулярных проверок документов (виз, разрешений на работу и др.) у иностранных граждан, находящихся в стране. Такие проверки могут проводиться как работниками миграционных служб, так и сотрудниками социальных служб при предоставлении каких-либо общественных услуг и работодателями при найме на работу;

— усложнение процедуры предоставления статуса беженца, в первую очередь, лиц, ищущих убежища; предупреждение и выявление фиктивных браков, заключенных ради получения вида на жительство;

— усиление ответственности иностранных граждан за незаконное пребывание в стране. К числу мер ответственности относятся: административный штраф, задержание, заключение под стражу, депортация, запрет или ограничения на повторный въезд в страну;

— введение административной и уголовной ответственности предпринимателей за использование нелегальной рабочей силы. К числу таких мер относятся взимание просроченных налоговых платежей и социальных отчислений, отзыв лицензии на коммерческую деятельность, закрытие предприятия, оплата расходов на депортацию нелегальных иммигрантов, лишение свободы руководителей предприятия.

Подчеркнем, что борьба с нелегальной иммиграцией должна вестись такими способами, чтобы сохранялось доверие к системам предоставления убежища и существующим каналам легальной миграции. Правительства стран прибытия *должны соблюдать права нелегальных мигрантов*. К числу минимальных прав человека, которые должны соблюдаться в отношении нелегальных мигрантов, можно отнести<sup>4</sup>: *гражданские* (право на жизнь; право на эффективные средства правовой защиты; право на получение убежища; право на уважение частной и семейной жизни; право на сохранение конфиденциальности информации и др.); *политические* (право на свободу собраний, объединений и слова и др.); *социальные* (право вступать в брак; право на защиту от дискриминации; право на предоставление медицинской и социальной помощи; право на образование

---

<sup>4</sup> См., подробнее, резолюцию №1509 (2006) Парламентской ассамблеи Совета Европы ([http://www.coe.int/T/ru/Parliamentary\\_Assembly/%5BRussian\\_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJune2006%5D/Res1509\\_rus.doc.asp#TopOfPage](http://www.coe.int/T/ru/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJune2006%5D/Res1509_rus.doc.asp#TopOfPage)).

детей и др.); *экономические* (право на защиту своего имущества; право на справедливую заработную плату и др.).

Анализ принятых законов демонстрирует двойственность политики принимающих государств в рамках борьбы с нелегальной иммиграцией: с одной стороны, *политика в отношении вновь прибывающих мигрантов (в том числе легальных) становится все более рестриктивной*, с другой стороны, *проводится политика легализации тех, кто въехал в страну раньше и нелегально трудоустроился*. Так, с 1980 по 2005 годы в развитых странах было проведено более 25 миграционных амнистий, в ходе которых было амнистировано свыше 7 млн. нелегальных иммигрантов.

Необходимо отметить, что среди специалистов нет единого мнения в вопросе об эффективности миграционных амнистий. Сторонники этих программ указывают, что последние выступают альтернативой дорогостоящим процедурам депортации, способствуют повышению налоговых доходов государств, улучшению положения мигрантов и их интеграции в принимающее общество и др. Тогда как их противники подчеркивают, что такого рода кампаний лишь увеличивают масштабы нелегальной иммиграции, являясь стимулом для новых волн нелегалов (см., подробнее, OECD, 2000, р. 53–70). Таким образом, на наш взгляд, легализация нелегальных иммигрантов должна проводиться лишь в исключительных случаях, при этом миграционные амнистии должны быть тщательно организованы и проводиться лишь по конкретным основаниям.

В 2003–2005 годах под эгидой ООН действовала Глобальная комиссия по международной миграции (Global Commission on International Migration), задача которой заключалась в проведении всестороннего анализа современных тенденций в области международной миграции и разработке на этой основе рекомендаций по совершенствованию миграционной политики. В рамках деятельности комиссии одним из основных направлений исследований стал анализ взаимосвязи нелегальной миграции, национальной безопасности и прав человека. Согласно рекомендациям комиссии, каждое государство, располагая правом определять режим въезда и пребывания на своей территории, должно ощущать и ответственность за защиту прав мигрантов; борясь с нелегальной иммиграцией, государства должны активно взаимодействовать друг с другом, не ограничивая права мигрантов, в том числе право беженцев на предоставление убежища; правительства должны вести консультации по этому поводу с союзами работодателей, профсоюзами и институтами гражданского общества ([www.gcim.org](http://www.gcim.org)).

Что касается России, то до настоящего времени практически все внимание Федеральной миграционной службы (ФМС) России, которой поручено разрабатывать и осуществлять государственную миграционную политику, сосредоточено на предотвращении нелегальной иммиграции и борьбе с ней. К сожалению, следует признать, что в России до сих пор нет

стратегического видения миграции как положительного явления. Непонимание этой истины приводит к тому, что отношение руководителей ФМС к управлению миграционными процессами остается во многом полицейским, а сама миграция (как легальная, так и нелегальная) рассматривается, прежде всего, как угроза национальной безопасности России. Так, по словам директора ФМС К. Ромодановского, нелегальная трудовая миграция подрывает конкурентоспособность российского рынка труда, а ущерб от нелегальных мигрантов, находящихся в России, составляет более 200 млрд. рублей в год (Фаризова, Бутрин, 2006). Все перечисленное обуславливает тот факт, что на протяжении уже почти 10 лет Правительство России никак не может принять Концепцию миграционной политики, без которой трудно рассчитывать на положительное решение проблемы нелегальной иммиграции.

### **Вместо заключения**

Нелегальная иммиграция является одной из характерных черт современных миграционных процессов. Международный опыт борьбы с этой формой миграции показывает, что в условиях современного господства капитала полностью эта проблема не может быть решена, и независимо от того, какую иммиграционную политику будут проводить правительства принимающих стран, в них всегда будет находиться определенное число нелегальных иммигрантов. Вместе с тем масштабы нелегальной иммиграции могут быть значительно сокращены, если будет поощряться легальная трудовая миграция.

Вопросы управления нелегальной иммиграцией предполагают формирование целого комплекса правовых институтов и должны рассматриваться в более широком контексте общего иммиграционного законодательства. Оно должно включать в первую очередь четкую юридическую регламентацию критериев и процедур легального въезда в страну, учитывающую все разнообразие современных миграционных потоков.

Для эффективного противодействия нелегальной иммиграции в России необходимо, прежде всего, укрепить правовую базу легальной миграции, расширить возможности легального пребывания в стране, упростить процедуры получения разрешения на работу, в то же время ужесточить политику в отношении как нелегалов, так и работодателей, нарушающих законодательство. При расширении правовых гарантий часть иммигрантов, которые сегодня предпочитают нелегальные каналы въезда и проживания в стране, перейдут на законное положение. Стоит отметить, что последние российские законодательные инициативы в области миграции, вступившие в действие с января 2007 года, могут способствовать этому, однако, кардинально решить проблемы нелегальной иммиграции они не в состоянии до тех пор, пока государство и общество стратегически не осознают миграцию как сугубо положительное явление.



## Литература

1. Бьюкенен Дж. (2004) Смерть Запада. М.: АСТ, Terra Fantastica.
2. Вишневецкий А.Г. (2004) Альтернативы миграционной стратегии // Россия в глобальной политике, №6 (11).
3. Воробьева О.Д. (2001) Миграционная политика. Серия «Миграция населения». Приложение к журналу «Миграция в России». Выпуск 6. М. С. 13.
4. Ивахнюк И.В. (2005) Международная трудовая миграция. М.: ТЕИС.
5. Красинец Е.С., Кубишин Е.С., Тюрюканова Е.В. (2000) Нелегальная миграция в Россию. М.: Academia.
6. Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России (2002) / Под ред. Г.С. Витковской. М.: Гендальф.
7. Ионцев В.А. (1999) Международная миграция населения: теория и история изучения. М.
8. Линдерт П. (1992) Экономика мирохозяйственных связей. Глава 23: Международное перемещение трудовых ресурсов. М.: Прогресс.
9. Международная организация труда (2004) За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия 2004 г. Женева, МОТ.
10. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми (2004) / Сост. В. Овчинников. М.: ИНФРА-М.
11. Миграция и национальная безопасность: проблемы законодательного регулирования (2004) // Федерализм, №3.
12. Мукомель В.М. (2004) Российские дискурсы о миграции // Демоскоп Weekly, 22 ноября – 5 декабря.
13. Нелегальная иммиграция (2002). Выпуск 9. Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс.
14. «Ренессанс» экономической миграции на Западе (2002) // Вопросы экономики, №11.
15. Совет Европы (2006) Резолюция №1509 (2006) «О правах человека нелегальных мигрантов» ([http://www.coe.int/T/r/Parliamentary\\_Assembly/%5BRussian\\_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJune2006%5D/Res1509\\_rus.doc.asp#TopOfPage](http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJune2006%5D/Res1509_rus.doc.asp#TopOfPage)).
16. США начали иммиграционную реформу: Нелегально въехать в Америку станет легче, чем легально (2007) // РБК daily, 21 мая.
17. Фаризова С., Бутрин Д. (2006) МВД и ФМС предупреждают о вреде нелегальной миграции // Коммерсантъ, 16 марта, №45 (№3376).
18. Combating the Illegal Employment of Foreign Workers (2000). Paris: OECD.
19. Ghosh B. (1998) Haddled Masses and Uncertain Shores. Insights into Irregular Migration. Martinus Nijhoff, The Hague. Boston / London.
20. International Migration (2002). New York: United Nations.
21. Glossary on Migration (2004). International Migration Law. Geneve: International Organization for Migration.

22. ILO (2004) Towards a Fair Deal for Migrant Workers in the Global Economy. International Labour Conference, 92nd Session 2004, Report VI. ILO.
23. Migration in an interconnected world (2005): New directions for action. Report of the Global Commission on International Migration. GCIM ([www.gcim.org](http://www.gcim.org)).
24. Okolski M. (2000) Illegality of International Population Movements in Poland // International Migration. Vol. 38 (3). Special Issue. Pp. 57–90.
25. Papademetriou Demetrios G. (2005) The Global Struggle with Illegal Migration: No End in Sight. Migration Policy Institute. September.
26. Richards K. (2004) The Trafficking of Migrant Workers: What are the Links Between Labour Trafficking and Corruption // International Migration. Vol. 42 (5). Pp. 148–168.
27. Salt G. (2000) Trafficking and Human Smuggling: A European Perspective // International Migration. Vol. 38 (3). Special Issue. Pp. 32–56.
28. Tapinos G. (2000) Illegal migration: Economic and Political Issues // Combating the Illegal Employment of Foreign Workers. Paris: OECD. p. 13–43.
29. Wasem Ruth Ellen (2007) Immigration Fraud: Policies, Investigations, and Issues. May 17. CRS Report for Congress (<http://fpc.state.gov/documents/organization/85617.pdf>).
30. World migration (2003). Managing Migration: Challenges and Responses for People on the Move. Volume 2. IOM, Geneva.
31. UN (1994) International Conference on Population and Development (Cairo, 1994). Programme of Action.

## **ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Регулирование внешних трудовых миграций, в последние годы ставших неотъемлемой чертой российской действительности и предметом дискуссий, становится ведущим направлением миграционной политики. Парадоксальность ситуации, однако, в том, что взаимоисключающие предложения о подходах к регулированию трудовых миграций базируются не только на кардинально отличных концепциях, но и на оценках, разброс которых вызывает обоснованные сомнения в их достоверности и свидетельствует о слабой изученности происходящих процессов.

Разброс оценок даже общей численности внешних трудовых мигрантов, занятых в России, очень велик, оценки же численности незаконных трудовых мигрантов в России варьируются от 1,5 до 15 млн. человек. Не меньший разброс и оценок переводимых ими на родину трансфертов — до 12 млрд. долларов<sup>1</sup>.

Для того, чтобы регулировать внешние трудовые миграции, — что, безусловно, необходимо по ряду экономических, социальных причин (большинство временных трудовых мигрантов являются незаконными мигрантами<sup>2</sup>), — следует отдавать себе отчет не только в том, что мы знаем, но и в том, какими необходимыми представлениями не обладаем сегодня. Перечень вторых намного обширнее: необходимо знать не только валовые масштабы трудовых миграций, но и ареалы их формирования, территории вселения, сферы занятости, конкурентоспособность на разных рынках труда, социально-демографический, квалификационный и этнический состав трудовых мигрантов, мотивацию мигрантов, их адаптационные установки и взаимоотношения с принимающим населением, сетевые связи и коммуникации и другие.

Целый комплекс методических проблем возникает при сепарации трудовых мигрантов от иностранных резидентов, выделении среди незаконных мигрантов занятых и незанятых трудовой деятельностью, анализе их правового положения. Отсутствие законных оснований для пребывания, проживания и/или занятия трудовой деятельностью делают гипотетичной постановку вопроса о репрезентативности проводимых

---

<sup>1</sup>За отсутствием русскоязычного аналога, средства, заработанные или иным способом полученные в России лицами, не являющимися ее гражданами, пересылаемые в государства их происхождения (compensation of employees и remittances), обозначаются как трансферты.

<sup>2</sup>Под нелегальными (незаконными) мигрантами понимаются иммигранты, не имеющие законных оснований для въезда, пребывания или трудовой деятельности в России.

социологических обследований в России вследствие отсутствия представлений о генеральной совокупности данной категории мигрантов.

В настоящей статье, посвященной оценкам численности незаконных трудовых мигрантов и их трансфертам, акцент делается не столько на точности оценок, сколько на методических проблемах этих оценок. Лишь опираясь на транспарентные, лишенные неувязок методики, возможно приближение к более или менее достоверным, политически нейтральным оценкам.

### **Оценки численности и масштабов трансфертов незаконных мигрантов**

Подавляющая часть иностранных граждан, работающих в России, приезжают на заработки временно и не регистрируют пребывание либо проживание (либо не могут получить регистрацию), не имеют законных оснований работать. В первом полугодии 2006 г. на законных основаниях в России работало 358,9 тысяч трудовых мигрантов из стран СНГ, в первую очередь украинцев — 125,3 тысячи человек, узбеков — 64,2 тысячи и таджиков — 62,2 тысячи человек. Однако это вершина айсберга: официально занято не более 10–15% от общей численности трудовых мигрантов.

В принципе, интегральная оценка численности занятых в России нелегальных мигрантов может быть получена двумя путями. Первый— сведение оценок по разным регионам России. Ниже представлены имеющиеся оценки численности незаконных мигрантов по регионам, различающихся уровнем экономического развития и, соответственно, уровнем доходов.

*Таблица 1*  
*Оценка численности незаконных мигрантов*  
*по регионам России, различающимся*  
*уровнем экономического развития и доходов, 2004*

Тип регионов	Количество регионов данного типа	Численность незаконных мигрантов по данному типу регионов, млн. человек
«Лидеры»,	3	1,2
«Опережающие по доходу»	21	0,8-0,9
«Середина, ниже среднего»	43	1,2-1,7
«Аутсайдеры»	21	0,06-0,07
Итого	88	3,2- 3,9

Источник: Мукомель, 2005, с. 194

Итоговая оценка численности незаконных мигрантов лежит в пределах 3,2–3,9 млн. человек. Примерно треть из них концентрируется в столице и двух автономных округах (Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком), резко выделяющихся уровнем развития, четверть—в 21 субъекте Федерации, более развитых в экономическом отношении, 40–45%—в 43 субъектах Федерации со средним (или ниже среднего) уровнем экономического развития и доходов, около 2% незаконных мигрантов пребывают в 21 депрессивном регионе.

Недостаток такого подхода в том, что региональные оценки сделаны по разным методикам, с разной степенью достоверности. Другим серьезным методическим недостатком является игнорирование состава мигрантов, работающих в Российской Федерации. Дело в том, среди незаконных трудовых мигрантов выделяются три группы, существенно различающиеся сроками пребывания и занятости и, как следствие, семейным, возрастным составом, сферами занятости, ориентацией на адаптацию / интеграцию, сетевыми связями. Во-первых, это незаконно работающие иммигранты, практически постоянно проживающие в России. Многие из них проживают с семьями, не посещают страну своей гражданской принадлежности. Основную часть своего заработка они тратят в России, часть из них вообще не пересылают деньги на родину. Во-вторых, сезонные работники, работающие в течение 6–9 месяцев в России. (Это граждане Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Молдовы, занятые, преимущественно, на стройках). В-третьих, трудовые мигранты, работающие в России в течение короткого времени, спорадически, как правило, жители приграничных регионов, мелкие торговцы.

Альтернативная схема оценка потоков незаконных мигрантов из каждого государства–донора и в идеале выводится на основе параллельных исследований, как в государстве гражданства мигрантов, так и в России. (Более достоверны оценки, сделанные в государстве–доноре, где возможно проведение выборочных обследований семей мигрантов, анализ данных переписей населения, балансов трудовых ресурсов и т.д. Некоторые западные специалисты говорят о предпочтительности лонгитюдных исследований, хотя и там их проведение достаточно проблематично (Mushtaq Hussain, 2005, p.5).

К настоящему времени появилась возможность балансирования потоков трансфертов на основе исследований в России и других государствах СНГ. (Особенно впечатляют исследования, проведенные в Молдове, Таджикистане, Украине, Грузии, а также комплексное обследование ситуации в странах Центральной Азии, России, Афганистане и Пакистане, проведенное С. Олимовой и Е. Садовской). Ниже используются результаты одиннадцати исследований по государствам СНГ и нескольких исследований по России, ключевыми из которых были обследование МОМ в 2001-2002 гг. под руководством Г.С. Витковской, МОТ в 2003 г. под руководством Е. Тюрюкановой, обследования, проведенные автором.

В таблице 2 приведены оценки численности незаконных трудовых мигрантов из государств СНГ и ряда стран традиционного зарубежья, наиболее представленных на рынке труда России<sup>3</sup>.

В силу того, что исследования и оценки в государствах-донорах не разграничивают законных и незаконных трудовых мигрантов (отчасти это

---

<sup>3</sup> Без учета трудовых мигрантов из Белоруссии, пользующихся всеми правами российских граждан и Туркмении, по которой нет сколько-нибудь достоверных оценок.

справедливо и для некоторых исследований, проведенных в России), приведены оценки, включающие и тех трудовых мигрантов, которые имеют законные основания пребывания и занятия трудовой деятельностью в России.

Численность иностранных работников, работающих в России в течение года оценивалась в 2004 г. в 4,9 млн. человек. Эта численность трудовых мигрантов складывается из численности постоянно занятых (2,2 млн. человек), занятых в сезон (1,9 млн. человек) и работающих sporadически (0,8 млн. человек).

Численность постоянно присутствующих в течение года на рынке труда в России складывается из численности вышеназванных категорий мигрантов (постоянно занятых, сезонных и работающих sporadически), взвешенной по срокам пребывания и характеризует усредненную величину занятых постоянно в России в течение года. Это около 3,2 млн. человек.

**Таблица 2. Оценка численности трудовых мигрантов и их распределение по продолжительности работы в России, 2004**

Государство гражданства	Число работающих в России, тыс. чел.	Численность работающих постоянно, не менее 10 месяцев в год, тыс. чел.	Численность работающих в сезон, от 5 до 9 месяцев, тыс. чел.	Численность работающих от 1 до 4 месяцев, тыс. чел.	Среднее число работающих, тыс. человек	Среднее время пребывания в России, месяцы
Азербайджан	1000	890	90	20	947	11,4
Армения	280	73	179	28	166	7,1
Грузия	117	63	47	7	87	9,0
Казахстан	50	11	36	3	30	7,1
Киргизия	300	66	219	15	177	7,1
Молдова	154	74	71	9	110	8,6
Таджикистан	504	111	368	25	298	7,1
Узбекистан	390	86	285	20	231	7,1
Украина	1000	430	380	190	644	7,7
другие, всего	1055	350	263	442	600	6,8
в т.ч. китайцы	800	136	232	432	306	4,6
корейцы	55	44	8	3	48	10,6
вьетнамцы	100	80	15	5	88	10,6
афганцы	100	90	8	2	94	11,3
Итого	4850	2154	1948	749	3227	8,0

**Источник:** Мукомель, 2005, с. 196

Данные оценки включают и трудовых мигрантов из государств СНГ, имеющих законные основания для пребывания и трудовой деятельности на территории России. Предполагая, что последние (чуть более 200 тыс. человек в 2004 г.) примерно поровну делятся на работающих постоянно и работающих сезонно, получим, что в «горячий сезон» на рынке труда присутствуют до 4,6 млн. незаконных мигрантов, в «мертвый» сезон их

численность снижается до 2,0 млн. человек и 0,8 млн. человек заняты спорадически, что согласуется с оценками других специалистов<sup>4</sup>.

Приведенные оценки весьма приблизительны из-за того, что обследования в местах выхода и вселения в большинстве случаев трудно сравнимы, очень сложно оценить множество структурных факторов, влияющих на состав трудовых мигрантов. Ряд допущений, используемых при балансировании потоков, способны изменить интегральные оценки как в сторону их повышения, так и понижения. Однако приведенные выше оценки - скорее верхний предел численности незаконных трудовых мигрантов: исследования и оценки в государствах-донорах, как правило, включают всех, выехавших из страны. Среди них и выехавшие на постоянное местожительство, в дальнейшем получившие российское гражданство, и выехавшие с иными целями, отличными от трудовой деятельности, и члены семей трудовых мигрантов. Ввиду невозможности сепарации этих групп, вынужденное предположение, что все мигранты заняты трудовой деятельностью, завышает их численность.

### **Трансферты трудовых мигрантов**

В общественном мнении популярен лозунг: незаконные мигранты работают в теневой экономике, они не платят налогов, грабят население и бюджет территории, а все деньги отправляют на родину. В обследовании Аналитического центра Юрия Левады в июле 2005 г. 23% респондентов обосновали свое неприятие мигрантов тем, что «мигранты не платят налоги, а все деньги отправляют на родину»<sup>5</sup>.

Масштабы трансфертов трудовых мигрантов зависят от следующих факторов: численности занятых в России, продолжительности (среднего времени) их пребывания и трудовой деятельности в России, их среднего заработка, среднего ежемесячного размера переводов на родину.

В таблице 3 приведены оценки численности трудовых мигрантов и масштабов их трансфертов.

Выше приведенные результаты нуждаются в комментариях. *Средняя величина заработка* зависит от сфер занятости, качества рабочей силы, территорий преимущественной занятости и других факторов. Наименьшая—среди мигрантов из Центральной Азии, занятых на самых неквалифицированных работах. Заработок зависит и от времени проведения обследований. Возможны оценки данного показателя на основе выборочных обследований как в государстве резиденции, так и в России.

**Таблица 3. Оценка численности трудовых мигрантов в России и их денежных переводов на родину, 2004**

Государство гражданства	Численность работающих в	Среднее время	Среднегодое число	Средний размер	Размеры транс-
-------------------------	--------------------------	---------------	-------------------	----------------	----------------

<sup>4</sup> Например, по данным обследования МОМ, около 5 млн. человек, по оценкам ИСЭПН РАН — 3,5–4,5 млн. человек. (Проблемы незаконной миграции...2005, С.496, 166).

<sup>5</sup> Репрезентативный опрос по России, выборка — 2107 человек.

	России, тыс. человек, всего	пробывания в России, месяцы	работающих, тыс. человек	перевода, долл. в месяц	фертов, млн. долл.
Азербайджан	1000	11,4	947	133	1511
Армения	280	7,1	166	130	259
Грузия	117	9,0	87	112	118
Казахстан	50	7,1	30	100	35
Киргизия	300	7,1	177	100	213
Молдова	154	8,6	110	154	204
Таджикистан	504	7,1	298	51	182
Узбекистан	390	7,1	231	52	144
Украина	1000	7,7	644	130	1004
Другие, всего	1055	6,8	600	90	648
В т.ч. китайцы	800	4,6	306	90	330
корейцы	55	10,6	48	90	52
вьетнамцы	100	10,6	88	90	95
афганцы	100	11,3	94	90	102
Итого	4850	8,0	3227		3670

Источник: Мукомель, 2005, с. 199

*Средний ежемесячный размер переводов на родину.* Существенно зависит от контингента временных трудовых мигрантов: работающие на постоянной основе, тем более, если они живут в России с семьями, склонны больше тратить на текущее потребление в России, тогда как занятые сезонно и, тем более, спорадически, предпочитают тратить на себя как можно меньше, довольствуясь минимумом и отказывая себе во всем — жилище, питании, медицинском обслуживании и т.д. Доля средств, отсылаемых на родину двумя последними группами мигрантов, существенно выше, чем работающих в России постоянно.

Согласно исследованиям МОТ, средний размер перевода составляет менее 100 долларов в месяц (Принудительный труд..., 2004, с. 64). Согласно результатам исследования незаконной миграции в России в 2001–2002 гг. МОМ, средний размер трансфертов, посылаемых на родину, составил 80 долларов (Проблемы незаконной миграции..., 2005, с. 498). В то же время, аналогичные обследования в государствах-донорах, дают, как правило, более высокие оценки средств, пересылаемых на Родину<sup>6</sup>.

Определенная часть трудовых мигрантов, а также резидентов, вообще не пересылает деньги на родину. По обследованию МОТ, деньги посылают около половины мигрантов, по обследованию МОМ меньше — 35% (Принудительный труд..., 2004, с. 64; Проблемы незаконной миграции..., 2005, с. 84). Особенно это характерно для крупнейших городов, где велика доля проживающих и работающих постоянно: в Питере 86% трудовых мигрантов не посылают деньги на родину (Проблемы незаконной миграции..., 2005, с. 77). По данным исследований по Грузии — только

<sup>6</sup> Обследования Натии Челидзе, см.: Labor Migration from Georgia, 2003, с. 51.



23%<sup>7</sup>. Что согласуется с исследованиями по другим странам: нигерийцы, проживающие в Чикаго, посылают на родину 23% дохода (Mistiaen). При этом в зарубежных аналогах весьма высока доля постоянных резидентов.

Эти данные несколько отличаются от полученных по результатам исследований в других странах, где, как правило, около 60–80% мигрантов пересылают деньги<sup>8</sup>. По данным МВФ, 71% молдавских мигрантов посылает домой больше половины дохода (IMF Country Report 2005, p. 43).

В силу ряда методических особенностей российских исследований представляется, что доля мигрантов, не пересылающих средств на родину, серьезно завышена<sup>9</sup>. Согласно обследованию, проведенным в Москве, Астрахани и Самаре в 2005 г., 18 % респондентов не пересылают деньги<sup>10</sup>, обследованию 2006 г. — 15% (Самара)<sup>11</sup>.

Обратную зависимость между длительностью проживания/трудовой деятельности и размерами трансфертов отмечают и западные специалисты: среднегодовая сумма трансфертов из Северной Америки, где многие трудовые мигранты работают, фактически постоянно, составляет 735 долларов — меньше, чем из России (Round Table... 2004, p. 12).

Как показывают зарубежные обследования, чаще всего трансферты осуществляются ежемесячно. Согласно результатам масштабного исследования трансфертов филиппинских трудовых мигрантов (опрошено 1143 человека), 80% работников пересылают деньги раз в месяц, чаще всего — около 180 долларов (Enhancing the Efficiency... 2004, p. 7,8). Среди выходцев из Латинской Америки, находящихся в США, ежемесячно пересылают деньги 2/3, причем из относительно недавно прибывших — 3/4,

---

<sup>7</sup> По данным Натии Челидзе, средний заработок трудовых мигрантов из Грузии в России составил 492 доллара, из которых 22,7% (111,5 долларов) высылались в Грузию. (Обследование трудовой миграции проведено Н.Челидзе в городах Тбилиси, Рустави, Ткибули и Ахалкалаки во второй половине 2002 г. Было опрошено 630 членов семей трудовых мигрантов). См.: Labor Migration from Georgia, с. 50.

<sup>8</sup> Среди находящихся в США взрослых выходцев из Латинской Америки, 70% посылают деньги на родину, из них 60% — регулярно и 10% — спорадически. (Sending Money Home, 2003, p.19). Как показали исследования трансфертов филиппинских трудовых мигрантов, в среднем, приблизительно 60 % валового дохода респондентов идут на денежные переводы. При этом 8% мигрантов посылают менее 20% дохода, а 12% мигрантов высылают более 80% заработка (Enhancing the Efficiency... 2004, с.15). По данным МВФ, 81% молдавских мигрантов пересылает средства на родину, причем 71% отсылает свыше половины дохода. (IMF Country Report, 2005, с.43).

<sup>9</sup> Судя по всему, часть респондентов, прибегавших к неофициальным каналам переправки средств, а также самостоятельно вывозившие деньги и закупленные материальные ценности не воспринимали это как помощь родственникам на родине.

<sup>10</sup> Обследования Института социологии РАН под рук. автора по гранту РГНФ № 05-03-03083а «Анализ сетевых связей и адаптационных возможностей мигрантских этнических меньшинств» в Астрахани и Самаре (Астрахань-2005, Самара-2005, соответственно, 185 и 200 респондентов) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), 282 респондента (Москва-2005).

<sup>11</sup> 200 респондентов. Обследование проведено в рамках гранта РГНФ № 06-03-00282а.

большинство переводов — 200–300 долларов (Sending Money Home...2003, р. 20).

*Масштабы трансфертов* из России в конкретное государство определяются средним числом работающих в России и средним размером переводов. Контрольными параметрами могут служить оценки национальных компетентных органов и международных организаций, ведущих подобного рода мониторинговые исследования (Всемирный Банк, МОМ, МОТ и др.). Достоверность этих оценок существенно зависит от доли трансфертов, пересылаемых легальным путем — через международные платежные системы, почтой и т.д. В Таджикистане, например, основная часть трансфертов проходит через систему Вестерн Юнион, установившей льготные ставки для такого рода переводов, тогда как в Молдове, по данным репрезентативного обследования, менее половины переводов (около 44%) осуществляется легально<sup>12</sup>. Доля средств, проводимых в тени, зависящих от развитости банковской системы, еще больше была до последнего времени в трансфертах в Узбекистан, Киргизию, другие государства СНГ<sup>13</sup>.

С аналогичными проблемами сталкиваются и на Западе: даже в ЕС, по оценкам специалистов, только две трети трансфертов в третьи страны проходят через банки или внебанковские системы перевода средств (Mushtaq Hussain, 2005, р. 4). Полученная оценка величины трансфертов составляет порядка 3,7 млрд. долларов в год. С одной стороны, это завышенные данные: далеко не все мигранты пересылают деньги на родину. Если даже 20% мигрантов не пересылают средства, это снижают оценку величины трансфертов до 3,0 млрд. долларов. С другой стороны, ряд обследований, на базе которых приведены средние суммы трансфертов (табл. 2), проведены несколько лет назад, когда заработки мигрантов в России были заметно ниже.

Те мигранты, которые в силу квалификации, образования, сферы занятости не могут претендовать на российскую зарплату, компенсируют это с лихвой более интенсивным трудом. Средняя продолжительность рабочей недели мигрантов составляет, по данным Е. Тюрюкановой, 66 часов (Принудительный труд...2004, с. 59), по данным обследования Г. Витковской — 53 часа (Проблемы незаконной миграции... 2005, с. 122). Среди молдавских строителей в России 79% работали 12–13 часов и более в день (Мошняга, Руснак, 2005, с. 27). Особенно распространена такая практика среди мигрантов, прибывших на заработки на небольшой срок. Исключение

---

<sup>12</sup> Согласно исследованию «Трудовая миграция и денежные переводы в РМ» (2003–2004) МОТ/Фонда Сорос-Молдова/Альянса микрофинансирования, (Коваленко, 2004).

<sup>13</sup> По данным Московского офиса МОТ, полученных по официальным каналам из государств выхода мигрантов. Для справки: переводы физических лиц из Российской Федерации физическим лицам в странах СНГ через системы денежных переводов и Почту России в первом полугодии 2006 г. составили, 1,9 млрд. долларов, [http://www.cbr.ru/statistics/credit\\_statistics/print.asp?file=Remittances.htm](http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=Remittances.htm).

составляют трудовые мигранты из Средней Азии, занятые на самых тяжелых, неквалифицированных работах и нещадно эксплуатируемые; им даже за счет удлинения рабочей недели не удается выйти на средние заработки россиян. Если заработная плата азербайджанских нелегальных мигрантов составляла, по данным обследований 2005 г., 17388 рублей, то таджикских — 7361 рублей, легальных трудящихся-мигрантов — 17736 и 7000 рублей, соответственно<sup>14</sup>.

Даже в Москве, где заработки достаточно высоки, почти половина опрошенных азербайджанцев живут достаточно трудно: 5,7% считают, что «терпеть такое бедственное положение невозможно», 34,8% — «жить трудно, но можно терпеть»; 35,1% респондентов полагают, что могут «позволить кое-что из необходимых вещей, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения»; у 12,4% опрошенных «денег хватает только на еду», у 1,8% — «не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг» (Москва, 2005). В наихудшем положении таджикские мигранты: в Астрахани, например, у 30,9% опрошенных «денег хватает только на еду», у 7,2% — «не хватает даже на еду, приходится постоянно брать в долг» (Астрахань, 2005).

Если ориентироваться на среднюю заработную плату в России в 2004 году (6828 руб., 237 долларов), заработки трудовых мигрантов составили в 2004 году около 9 млрд. долларов. В этом случае их трансферты могут приближаться и к 4,0 млрд. долларов.

Примем как рабочую оценку трансфертов в 3,7 млрд. долларов. Очень важный аспект, выпадающий из дискуссий: мигранты пересылают на родину лишь часть заработанных средств. Остальные средства (4,5–5,0 млрд. долларов) идут на текущее потребление. То есть, они работают в экономике России, частично, через налоги с оборота и акцизы поступают и в бюджеты разного уровня. А это — в зависимости от формы оплаты труда и от того, в какой экономике заняты мигранты (официальной или теневой) — 1–2 млрд. долларов. С трудностями оценки трансфертов мигрантов сталкиваются все принимающие государства. Даже в ЕС, где имеется статистика и отлаженные методики, лишь в меньшинстве стран имеются возможности детализации трансфертов в третьи страны (Mushtaq Hussain, 2005, p. 3). По справедливому замечанию, «трансферты мигрантов в собственном смысле слова трудно измерить с достаточной точностью и обычно они образуют часть «ошибок и упущений». Из-за трудностей получения и трактовки этих данных многие страны стремятся включить в один пункт отчетности (обычно денежные переводы работников)

---

<sup>14</sup> В силу специфики распределения, существенно отличающегося не только от нормального, но и логнормального распределений (ответы группируются вокруг пограничных значений), уместно использование медианных значений. Медианные значения, соответственно, 10000, 6000, 13900 и 6250 рублей. Опрашивались азербайджанцы в Москве, Астрахани и Самаре (назвали размеры оплаты труда 376 респондентов), таджики — в Астрахани и Самаре (183 респондента).

трансферты, реализованные всеми типами мигрантов, независимо от продолжительности их пребывания в стране. Некоторые страны даже не проводят различия между денежными переводами работников и другими частными трансфертами» (Билсборроу и др., 1999, с. 316).

### **Незаконные мигранты: цена принудительного труда**

Важный аспект, выпадающий из дискуссий о незаконной миграции — тот факт, что труд подавляющего числа мигрантов носит принудительный характер. Определение принудительного труда МОТ содержит два важных элемента: работа или служба выполняются под угрозой наказания и выполняются не добровольно, причем наказание не обязательно проявляется в форме карательных санкций, но может также иметь форму утраты прав и привилегий. Эксперты МОТ особо отмечают: «Принудительный труд нельзя просто приравнять к низкой заработной плате или плохим условиям труда. Это понятие не охватывает также ситуации чистой *экономической необходимости*, когда работник считает, что он не может покинуть рабочее место из-за реального или мнимого отсутствия альтернативной занятости» (Глобальный альянс... 2005, с. 5).

Во всех странах и регионах трудящиеся-мигранты, особенно находящиеся на нелегальном положении, особо подвержены риску стать жертвой практики принудительной вербовки и занятости. Мигранты более уязвимы просто потому, что они и их семьи теряют много больше, чем приобретают, если власти узнают о такой социальной практике.

В России риски многократно возрастают из-за смычки недобросовестных работодателей с правоохранительными органами, коррупции. Как сформулировано в докладе МОТ, «Неэффективное правоприменение может быть обусловлено отсутствием механизмов защиты жертв, а также неосведомленностью правоохранительных и судебных органов в отношении случаев применения принудительного труда и торговли людьми. Власти могут опираться на противоположные толкования своих собственных законов, особенно в случае возникновения коллизии между применением иммиграционных законов (которые предусматривают немедленную депортацию нелегальных трудящихся-мигрантов) и законов в отношении защиты прав человека и трудовых прав, включая основные права жертв торговли людьми. Наконец, во многих странах основным препятствием на пути эффективного обеспечения применения законодательства является коррупция» (Глобальный альянс... 2005, с. 79).

В исследовании МОТ, проведенном в отношении 101 таджикского трудящегося-мигранта, занятых в российской строительной промышленности, все респонденты заявили о том, что они неоднократно подвергались давлению со стороны правоохранительных органов. Специалисты МОТ констатируют: «Работники без регистрации всегда подвергаются угрозе депортации» (Глобальный альянс... 2005, с. 65).

В российской действительности мигранты сталкиваются со всеми формами принудительного труда, включающие самые экзотические. Согласно одному из исследований, на вопрос «Известны ли Вам случаи содержания мигрантов в рабских условиях», 15% опрошенных экспертов ответили «Да, таких случаев много», а 66% — «Есть отдельные случаи» (Принудительный труд... 2004, с. 51).

**Таблица 4**  
**Идентификация принудительного труда**

<p>Отсутствие согласия на проводимую работу (ее недобровольный характер) («путь» к принудительному труду)</p> <p>Рождение/наследование в ситуации «рабства» или долговой кабалы;</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– физическое похищение человека;</li> <li>продажа человека в собственность другому человеку;</li> <li>– физическое удержание на месте производственной деятельности;</li> <li>– психологическое принуждение (приказание о выполнении работ, подкрепляемое угрозой наказания за непослушание);</li> <li>– вынужденная задолженность (за счет подделки счетов, завышения цен, снижения стоимости товаров или услуг, завышения процентных ставок и т.п.);</li> <li>– обман или лживые обещания относительно вида и условий труда;</li> <li>– задержка и невыплата заработной платы;</li> <li>– удержание удостоверений личности или иных личных ценностей.</li> </ul>	<p>Угроза наказания (средства удержания в ситуации принудительного труда)</p> <p>Фактическое наличие или явная угроза:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– физического насилия в отношении работника или его семьи или близких;</li> <li>– сексуального насилия;</li> <li>– чрезмерного возмездия;</li> <li>– заключения в тюрьму или иного физического ограничения свободы действий;</li> <li>– денежных штрафов;</li> <li>выдачи властям (полиции, службам иммиграции и т.п.) и депортации;</li> <li>– увольнения с нынешней работы;</li> <li>– недопущения к будущей работе;</li> <li>– исключения из общины и общественной жизни;</li> <li>– лишения прав и привилегий;</li> <li>– лишения пищи, крова или иных средств к существованию;</li> <li>– перевода на работу с еще худшими условиями;</li> <li>– потери социального статуса.</li> </ul>
--	--

**Источник:** Глобальный альянс против принудительного труда... с.6

Задержка и невыплата заработной платы, удержание удостоверений личности, или иных личных ценностей, угроза выдачи властям и депортации давно стали повседневными социальными практиками<sup>15</sup>.

<sup>15</sup> Трудовым Кодексом к принудительному труду отнесены: «выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе: в целях поддержания трудовой дисциплины; в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности. К принудительному труду относятся: нарушение установленных сроков выплаты заработной платы или выплата ее не в полном размере; требование работодателем исполнения трудовых обязанностей от работника, если работник не обеспечен средствами коллективной или индивидуальной защиты либо работа угрожает

Согласно обследованию Г.С. Витковской, принуждены работать сверх положенного времени 25% мигрантов, 20% — выполнять работу, не входящую в их обязанности, с недоплатами сталкиваются 28% респондентов, регулярными задержками зарплаты — 13% (Проблемы незаконной миграции... 2005, с. 131).

Согласно исследованию Е. Тюрюкановой, более чем в 20% случаев паспорт мигранта изымается работодателем, только 37% мигрантов отметили, что они могут свободно уйти от работодателя, 18% опрошенных мигрантов в Москве и 15% в Ставрополье заявили о наличии долга перед работодателем, причем размер долга, как правило, превышает месячный заработок мигранта, 31 % мигрантов в Москве были ограничены в свободе перемещений, содержались взаперти. Наиболее распространенные формы принуждения – к работе сверх положенного времени без дополнительной оплаты, к работе с повышенной интенсивностью, длительные задержки зарплаты, принуждение к работе, на которую не было дано согласия.

Согласно опросу 2003 г., 70% таджикских рабочих в России не выходили на улицу со своего места работы, где они и проживали (Трудовая миграция... 2005, с. 45). Среди мигрантов, опрошенных в Москве и Ставрополье не оказалось ни одного, не испытавшего никаких форм насилия и принуждения, в Омске таких было 27% (Принудительный труд... 2004, с. 66, 68). Эксперты полагают, что более половины (56%) мигрантов вовлечены в принудительный труд, причем треть экспертов считают, что все или почти все мигранты вовлечены, в той или иной степени, в принудительный труд (там же, с. 51).

Последняя оценка, вероятно, близка к истине и представляется существенно более достоверной, чем оценки МОТ, полагающей, что в странах с переходной экономикой насчитывается около 210 тысяч человек, занятых принудительным трудом (Глобальный альянс... 2005, с. 16)<sup>16</sup>. (Судя по косвенным данным, из этих 210 тысяч человек 70% заняты принудительным трудом в целях коммерческой сексуальной эксплуатации, тогда как только 30% подвергаются другим видам экономической эксплуатации<sup>17</sup>. Масштабы принудительного труда вне сферы секс-индустрии в России явно недооцениваются). По данным МОТ, среднегодовая прибыль, получаемая за счет эксплуатации работников, принуждаемых к труду в странах с переходной экономикой, оценивается в 3,4 млрд. долларов ежегодно, при этом прибыль на одного работника

---

жизни или здоровью работника». (Статья 4. Трудового Кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года N 197-ФЗ).

<sup>16</sup> Правда, МОТ оговаривает, что эти оценки «следует понимать как оценочное глобальное минимальное количество лиц, занятых в настоящее время принудительным трудом в смысле Конвенций 29 и 105». (Там же, с.13).

<sup>17</sup> Исходя из расчетного объема прибыли от принудительного труда (3,4 млрд. долларов), приводимой прибыли на одного работника, подвергаемого сексуальной эксплуатации в коммерческих целях (23500 долларов) и работника, подвергающегося другим видам экономической эксплуатации. (Глобальный альянс...2005 с.74).

составляет 2353 доллара в год, а на работника, подвергающегося эксплуатации в коммерческих целях — 23500 долларов (Глобальный альянс... 2005, с. 74).

Если считать, что принудительным трудом в России занято 70-80% незаконных мигрантов, постоянно присутствующих на российском рынке труда, в т.ч. 70–100 тысяч в сфере секс-индустрии, то прибыль от их эксплуатации составляла в 2004 г. 7,5 млрд. долларов. На этом фоне дискуссии о вывозимых ими средствах представляются, по меньшей мере, некорректными.

### **Факторы динамики численности трудовых мигрантов и трансфертов**

Динамика численности трудовых мигрантов, их территориального распределения по посылающим странам и регионам вселения, а также переводимых на родину трансфертов чрезвычайно подвижна и подвержена воздействию различных среднесрочных и конъюнктурных факторов.

К среднесрочным факторам относятся, с одной стороны, факторы дифференциации уровня и условий жизни посылающих стран и России, с другой — социально-экономические различия в развитии российских регионов. Первая группа факторов определяет структуру входящих потоков, другая – их распределение по территории России.

Определяющую роль в мотивации иммигрантов играют социально-экономические условия и уровень жизни в России: по уровню валового национального дохода на душу населения и индексу развития человеческого потенциала Россия опережает другие страны СНГ, особенно существенна пропасть между Россией и такими государствами, как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Молдова, Грузия, Азербайджан.

Для трудовых мигрантов особо значима дифференциация в оплате их труда на родине и в России: уровень оплаты труда в Таджикистане, например, в 2005 г. был в 11 раз меньше, чем в России, в Киргизии и Узбекистане — в 5 раз. Не меньшее значение играет высокая безработица в большинстве стран СНГ: в Армении на одну свободную вакансию претендуют 107 безработных, в Киргизии — 24 человека<sup>18</sup>. Еще выше безработица в других государствах Средней Азии, где она, в силу национальных традиций, неразвитости соответствующей инфраструктуры, носит латентный характер.

Россия, в которой безработица носит структурный характер и имеется множество рабочих мест, не привлекательных для местного населения, является центром притяжения для трудовых мигрантов всех стран СНГ. Однако столь благоприятная ситуация не вечна: конкуренция за рабочие руки нарастает. Если сегодня реальную конкуренцию России на постсоветском

---

<sup>18</sup> Январь 2006 г., Статкомитет СНГ.

пространстве составляет лишь Казахстан<sup>19</sup>, в ближайшие годы придется конкурировать с Украиной, Азербайджаном, потоки из которых должны снизиться.

Важное значение играет развитость «мигрантской» инфраструктуры: мигрантских сетей, «этнического» предпринимательства, чисто «мигрантских» сервисов, призванных облегчить адаптацию мигрантов к социальным реалиям, отличным от посылающих сообществ: питания, досуга, отправления культов, иных услуг. По понятным причинам, развитость «мигрантской» инфраструктуры зависит от продолжительности присутствия тех или иных этнических групп на российских рынках труда, а также производных факторов: возможностей привлечения инвестиций, совокупного спроса. Приток тех или иных мигрантских меньшинств становится фактором, определяющим возможности приема все большего числа представителей данной этнической группы. Существенно меняется в среднесрочном периоде и распределение трудовых мигрантов по территории России: для мигрантов, ориентированных на заработок, наиболее предпочтительными становятся регионы Центральной России, территории нефте- и газодобычи, другие регионы с высокими заработками в непромышленных отраслях (особенно в сфере информации и услуг).

Среди конъюнктурных факторов, особое значение играют динамика заработков в России и курса рубля, определяющие страновую привлекательность России и масштабы трансфертов, переправляемых мигрантами в страну происхождения.

За последние три года средняя заработная плата в России увеличилась более чем вдвое: с 5499 руб. в 2003 г. до 11070 руб. в сентябре 2006 г. Одновременно курс рубля укрепился на 12%, в т.ч. в январе–октябре 2006 г.—на 7,3%. В результате, если в 2003 г. средняя заработная плата составляла 179 долларов, то в сентябре 2006 г. — 415 долларов, что автоматически увеличило соответствующие заработки и мигрантов и размеры их трансфертов в долларовом эквиваленте. (Судя по всему, средние заработки трудовых мигрантов близки к средней номинальной заработной плате в России: согласно обследованию МОТ (Е. Тюрюканова), средняя заработная плата незаконных мигрантов составляла 5338 руб. в июне 2003 (около 176 долларов), при средней по стране 5591 руб. (184 доллара). По другому обследованию, 50% мигрантов считали, что их оплата труда такая же, как у местных работников (Проблемы незаконной миграции, 2005, с. 130). По данным обследований автора 2005 года, средняя месячная заработная плата опрошенных нелегальных мигрантов

---

<sup>19</sup> Трудовые мигранты из Казахстана практически в России отсутствуют в России. Размеры трансфертов из России в Казахстан почти вдвое меньше, чем из Казахстана в Россию (21,8 млн. долларов против 39,8 млн долларов за II квартал 2006).



практически совпадала со средними заработками россиян в обследуемых регионах<sup>20</sup>).

Таким образом, приведенные выше оценки (табл.3) нуждаются в корректировке. Во-первых, изменилась структура потоков незаконных мигрантов по государствам происхождения: часть выходцев из Азербайджана, как показывают исследования, продвинулись на пути интеграции в российское общество, получив гражданство, либо легализовав свой правовой статус (получив разрешение на пребывание / проживание и занятие трудовой деятельностью). Одновременно резко возросла численность выходцев из Узбекистана, соразмерная ныне с численностью граждан Таджикистана. (Косвенным свидетельством тому является то, что во II квартале 2006 г. Узбекистан вышел на первое место по масштабам денежных переводов физических лиц из России, опередив Украину и Таджикистан и на второе – по числу официально зарегистрированных трудящихся-мигрантов<sup>21</sup>).

Во-вторых, особую роль сыграли увеличение заработков мигрантов и укрепление курса рубля, сказавшиеся на величине трансфертов в долларовом эквиваленте. Согласно более поздним обследованиям, проведенным в 2005-2007 гг., средний размер перевода респондентов, пересылающих средства на родину, значительно возрос и составил 5130 руб., при этом средняя величина трансфертов нелегальных мигрантов, легальных трудящихся-мигрантов и среди уже получивших российское гражданство различается существенно<sup>22</sup>.

С учетом вышесказанного, в 2006 году, из-за роста стоимости труда и укрепления курса рубля к доллару, заработки мигрантов могут возрасти до 14–16 млрд. долларов, их трансферты — до 6–6,5 млрд. долларов.

\*\*\*

Использование труда иммигрантов, повышающее конкурентоспособность российской экономики, представляет собой форму «неоколониализма» (Вишневский, 2005, с. 249). Использование труда незаконных мигрантов выгодно вдвойне — бесправный нелегал особенно уязвим для неограниченной эксплуатации. Выгоды от труда иммигрантов, особенно временных трудовых мигрантов, ощущает каждый, кто сталкивается с иммигрантом как работодатель, арендодатель, потребитель услуг и т.п. Однако, в отличие от других социальных, экономических или

---

<sup>20</sup> Астрахань-2005, Самара-2005 и Москва-2005. Медианные значения, соответственно, |15 тысяч, 9 тысяч и 6,8 тысяч рублей. В 2006 г. заработки мигрантов в Самаре возросли с 9 до 11 тысяч рублей.

<sup>21</sup> [http://www.cbr.ru/statistics/credit\\_statistics/print.asp?file=Rem\\_Countries.htm](http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=Rem_Countries.htm)

<sup>22</sup> В 2005 г. медианные значения — 3225, 3800 и 4500 рублей, соответственно (средние — 4841 рублей, 5205 и 5514 рублей соответственно). В 2005–2006 гг. трансферты азербайджанских мигрантов в Самаре возросли с 3,0 до 4,8 тысяч рублей, таджикских мигрантов — с 3,5 до 3,9 тысяч рублей (медианные значения).

политических проблем, обсуждение трудовой миграции ограничено рамками, в которых дискуссии сводятся к обсуждению ее негативных последствий; крайне мало обсуждаются позитивные последствия и, тем более, процессы, имеющие двойственную или неясную природу (Более подробно см. Мукомель, 2005, с. 102–104).

Труд подавляющего большинства временных трудовых мигрантов и значительной части иммигрантов носит принудительный характер. Принудительный труд мигрантов, дефицит достойного труда становятся важными детерминантами их сепарации от принимающего сообщества. Распространенность неправовых практик использования принудительного труда, сопровождающаяся общественным невниманием к нарушениям общепризнанных прав и свобод человека, становится фактором эрозии общественной морали и ценностей, принятых в обществе. Использование принудительного труда не только подрывает общественные устои, но и оказывает негативное воздействие на базовые институты, определяющие тип современного общества — в первую очередь, институт прав человека и институт гражданского общества.

### Литература

48. Билсборроу Р.Е., Хьюго Грэм, Обераи А.С, Злотник Ханья . Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. МОТ. М.: «Академия».
49. Коваленко И. Экспорт рабочей силы — зло или благо? // «Экономическое обозрение», Кишинев, №18 (562) / 14 мая 2004 г.
50. Глобальный альянс против принудительного труда. Глобальный доклад, представленный в соответствии с механизмом реализации Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда Международная конференция труда, 93-я сессия 2005 год. Доклад I (B), Международное бюро труда, Женева, с.5, [www.ilo.org/declaration](http://www.ilo.org/declaration).
51. Вишневецкий А.Г. (2005) Избранные труды: в 2 т. / М.: Наука, Т.2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов.
52. Мошняга В., Руснак Г. (2005) Мы строим Европу. И не только... Молд. Гос. Ун-т. Центр "САРТЕС". Кишинев: CEP USM.
53. Мукомель В.И. (2005) Миграционная политика России: постсоветские контексты / Институт социологии РАН. М.
54. Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми / МОТ. М.: Права человека, 2004.
55. Проблемы незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования), МОМ, Бюро МОМ в России. М.: Гендальф, 2005.
56. Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Алматы: ЕК МОМ, 2005.

57. Enhancing the Efficiency of Overseas Workers Remittance. Market Study. Final Report. Asian Development Bank phi:4185, Volume II, July 2004.
58. IMF Country Report No. 05/54, February 2005  
<http://www.imf.org/external/country/MDA/index.htm>.
59. Labor Migration from Georgia. IOM. Tbilisi, 2003.
60. Mistiaen, Johan, Development Data Group, World Bank. Household survey data on remittances in sending countries. Sampling and questionnaire design: options and uses <http://www.worldbank.org/data/remittances.html>.
61. Mushtaq Hussain (2005) Measuring Migrant Remittances: From the Perspective of the European Commission. Paper for International Technical Meeting on Measuring Migrant Remittances. Washington: World Bank, January 24-25.
62. Round Table on Sustainable Development. Working Abroad – the benefits flowing from nationals working in other economies. Prepared by Anne Harrison assisted by Tolani Britton and Annika Swanson. OECD, General Secretariat, 2004.
63. Sending Money Home: Remittance to Latin America and Caribbean. Inter-American Development Bank, Multilateral Investment Fund, April 2003.

## **МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ В РЕСПУБЛИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ИЛИ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ?**

### **Международная трудовая миграция и денежные переводы мигрантов: глобальный контекст**

Согласно данным доклада Международной организации по миграции, за последние 30–40 лет численность трудовых мигрантов в мире увеличилась в 2,5 раза и на начало 2005 года, оценивалась в 185–192 млн. человек, или 2,9% от мирового населения (ИОМ, 2005, р. 13). Соответственно выросли объемы денежных переводов от трудовых мигрантов.

Денежные переводы мигрантов (*migrant remittances*), по определению Международной организации по миграции (МОМ), в широком смысле — это переводы наличных денежных средств, которые трудящийся-мигрант или иммигрант в стране достижения осуществляет родственникам в страну исхода. Переводы могут также включать инвестиции, депозиты или благотворительные взносы мигрантов в стране исхода, то есть, охватывать в целом финансовые потоки, связанные с миграцией.

По оценкам Всемирного банка, денежные переводы, посылаемые в развивающиеся страны по официальным каналам, в 2004 году составили \$126 млрд. долларов США. Объемы денежных переводов занимают второе место после прямых иностранных инвестиций в экономику развивающихся стран мира, которые составили в том же году \$165 млрд. и значительно превышали ежегодные объемы международной помощи для развития. Ведущими получателями денежных переводов мигрантов в мире являются Индия, Мексика и Филиппины. В Индию в 2004 г. отправлено \$23 млрд., Мексику — \$17 млрд., а в Филиппины — \$8 млрд. (ИОМ, 2005, р. 269).

В 2003 среди 20 основных стран мира—крупнейших получателей денежных переводов г. Российская Федерация (РФ) занимала 19 место, объем получаемых переводов — \$1,5 млрд. К числу крупнейших отправителей денежных переводов относились 10 стран, среди которых: США, Саудовская Аравия, Швейцария, Германия, Франция. Россия занимала 10 место среди основных стран-отправителей, объем переводов \$3,2 млрд. (<http://www.cbr.ru>).

Существует два основных типа переводов денег трудовыми мигрантами: *официальный* и *«неофициальный»*. В качестве официальных чаще всего используются *специализированные международные системы переводов и национальные системы переводов*. Наиболее распространенные специализированные международные системы переводов: Western Union, Money Gram, Travelex Worldwide money Ltd (TWML), VIP Money Transfer

(VMT) и некоторые другие, которые самостоятельно работают в глобальном масштабе уже многие десятилетия. В каждой стране имеются также национальные системы переводов — банки и другие финансовые организации, которые осуществляют денежные переводы из / в страну.

Помимо официальных каналов, используются «неофициальные» способы переправки денег, такие как самостоятельный привоз денег мигрантами, передача со знакомыми и родственниками, проводниками и курьерами, использование неформальных каналов, например «хавалы».

«Хавала» — это альтернативная система денежных переводов или система, действующая вне или параллельно с традиционными банковскими и финансовыми каналами. В настоящее время представляет крупнейшую систему перевода денег, которой пользуются во всем мире. «Хавала» характеризуется доверием и широким использованием семейных и региональных связей. Перевод денег осуществляется благодаря связям и коммуникациям между членами сети, или дилерами системы «хавала» (The hawala alternative..., 2000).

Согласно данным ООН, доля «неофициальных» переводов составляет более 40% от мирового объема переводов мигрантов. По оценке, в Пакистане до последнего времени только пятая или шестая часть всех переводов осуществлялась через официальные каналы, в других странах (Непал, Мексика, страны Африки) эта доля варьируется — от 1/10 до половины (Глущенко, 2004, С. 37). В Афганистане, Таджикистане, по некоторым данным в Узбекистане, многие мигранты передают заработанные деньги с помощью неформальной системы «хавала». «Неофициальные» системы переводов привлекли внимание мировой общественности после терактов 11 сентября 2001 года в США как канал переправки финансовых средств для подрывной и террористической деятельности.

По данным Центрального банка Российской Федерации (РФ), общие объемы официальных переводов физических лиц через банки России и системы переводов из РФ в 2003 г. составили: всего: \$ 3,233 млрд., из них денежные переводы работающих: \$1,306 млрд. (Независимая газета, 2005 г., 8 августа). В то же время, согласно заявлению министра финансов России, в 2003 г., из России «...было вывезено 12 млрд. долларов США, причем большую часть этой суммы составили денежные переводы рабочих-мигрантов, в основном в страны ближнего зарубежья... Сумма переводов из России в Грузию составляет 25% ВВП этой страны, а у Молдавии этот показатель еще выше — 30%» (Цит по: Глущенко, 2004, с. 37).

За рубежом все активнее проводятся исследования по денежным переводам и их роли в жизни мигрантских домохозяйств. Глобальные отчеты международных организаций (МОМ, МОТ, Всемирного банка) последних лет имеют разделы, посвященные денежным переводам, в которых

подчеркивается возрастающая роль мигрантских переводов в национальных экономиках.

Согласно исследованию, проведенному Всемирным банком, заработки трудовых мигрантов, их денежные переводы, определяемые как доля переводов в валовом национальном продукте развивающихся стран, играют большую, статистически значимую роль в сокращении бедности. В среднем, увеличение доли международных денежных переводов в ВВП на 10 % приводит к сокращению на 1,6% доли живущего в бедности населения. По заключению ученых, увеличение на 10% международных мигрантов, определяемых как доля населения страны, живущего за рубежом, приводит к 1,9% уменьшению доли населения, живущего в бедности (Adams and Page, 2003).

### **Трудовые миграции в региональном контексте: Казахстан как центр Центрально-Азиатской миграционной системы**

В Центральной Азии в 2000-е годы формируется региональная миграционная система, в которой Казахстан — страна, принимающая трудовых мигрантов, а другие страны региона — Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан — «посылающие» страны. Россия остается основной страной достижения для всех стран СНГ, центром постсоветской миграционной системы (Садовская, 2005а, 2005б).

Формирование региональной миграционной подсистемы в Центральной Азии (ЦАР) обусловлено неравномерностью экономического развития, дисбалансом на региональном рынке труда, разницей демографических потенциалов стран региона, либерализацией миграционных режимов, географической близостью, влиянием других факторов. Основными «притягивающими» факторами в Казахстане стало улучшение социально-экономической ситуации в республике, рост уровня оплаты труда, а также растущая потребность в рабочей силе. Эти факторы наряду с внешними «выталкивающими» факторами в республиках Центральной Азии: избыточными трудовыми ресурсами, низкой оплатой труда, безработицей, бедностью сделали РК региональным центром достижения трудовых мигрантов.

Поскольку у Казахстана — безвизовый режим со всеми странами СНГ (кроме Туркменистана), мигранты прибывают законно, но по прибытию трудоустраиваются не имея трудовых договоров, контрактов, то есть становятся незаконно занятыми, или по определению МОТ приобретают статус мигранта с «неурегулированным статусом» (irregular migrants) (МБТ, 2004, с. 11). Трудовая миграция в Казахстане (и Центральной Азии в целом) имеет в основном нерегулируемый характер.

Трудовая нерегулируемая иммиграция в РК в 2004–2005 гг. по различным экспертным оценкам составляла от 300–500 тысяч до 1 млн. человек ежегодно (Садовская, 2005б). Последняя оценка прозвучала в выступлении президента РК Н.А. Назарбаева в сентябре 2004 г., в котором

он отметил, что «ежегодно в Казахстан прибывает около миллиона нелегальных трудовых мигрантов из соседних стран» (Казахстанская правда, 2004 г., 8 сентября).

Численность трудовых мигрантов из Киргизстана оценивается кыргызскими экспертами в 400-700 тыс. человек до 1 млн. человек в 2004 – 2005 гг.<sup>1</sup>. Официальная оценка органов МВД Киргизстана: около 500 тыс. человек, из них: 350 тыс. — в России, 120 тыс. — в Казахстане (2004). В Узбекистане во внешние трудовые миграции вовлечено, по экспертным оценкам, от 600–700 тыс. до 1 млн. человек (2003–2005 гг.) (Максакова, 2003, с. 148; Садовская, 2005а). Оценка численности трудовых мигрантов в Таджикистане — от 500 тыс. до 1 млн. человек, примерно 85–90% из них направляются в Россию, остальные в Казахстан, незначительное число мигрантов — в другие страны СНГ (2004-2005 гг.) (Садовская, 2005б). Численность трудовых мигрантов составляет в Киргизстане и Таджикистане составляет 25–35% экономически активного населения этих стран (Садовская, 2005а; 2005б; Sadovskaya, 2005).

Одновременно с процессом регионализации, современные трудовые миграции в Центральной Азии все более подвержены влиянию глобальных тенденций: диверсифицируются по направлениям, активнее направляют вектор миграций в развитые западные страны, включаются в мировые рынки труда, формируют вторичные рынки труда в странах достижения, приобретают другие универсальные характеристики. Увеличение денежных переводов трудовых мигрантов в республики Центральной Азии, усиление их роли в повышении уровня жизни домохозяйств — одна из таких глобальных тенденций.

В различных странах СНГ в 2000–е годы исследовалась роль трудовых миграций и мигрантских заработков, но лишь в последние годы стали уделять внимание изучению собственно денежных переводов трудовых мигрантов. Репрезентативных сравнительных исследований по денежным переводам в домохозяйствах республик Центральной Азии пока не проводилось.

Как показывают отдельные исследования (Садовская, 2005а; 2005б; 2006а; 2006б; МОМ, 2003, 2005), денежные переводы используются в мигрантских домохозяйствах Центральной Азии первую очередь для приобретения потребительских товаров. Поскольку потоки трудовых миграций в регионе имеют тенденцию к увеличению, и объемы переводов возрастают, приобретает всю большую актуальность использование денежных переводов не только в целях потребления, но и развития. Для разработки программ использования переводов в целях развития в странах исхода и достижения необходимо всесторонне изучить эту проблему: объемы, способы переводов, роль в мигрантских домохозяйствах и национальных экономиках. Данная статья посвящена анализу этих проблем.

---

<sup>1</sup> Экспертные интервью по неформализованной анкете в Алматы и Бишкеке, 2004–2006 гг.

## **Системы денежных переводов и их правовое регулирование в республиках ЦАР**

В республиках Центральной Азии, как и в целом в СНГ, существует несколько видов систем переводов: специализированные международные системы переводов, системы переводов российских банков, национальные системы переводов.

Помимо специализированных международных систем переводов (Western Union, Money Gram, TWML, VMT и др.), услуги переводов оказывают российские системы денежных переводов: Анелик, Быстрая почта, Contact, Migom, PrivatMoney, Юнистрим и другие. Они сформированы на базе банковских и небанковских кредитных организаций РФ и в основном специализируются на переводах в страны СНГ. Некоторые российские системы переводов расширяют свою деятельность за пределами СНГ. Например, система Contact, учрежденная Русславбанком, в настоящее время делает переводы через банки, почту и местные системы переводов в 2000 городов России, СНГ и стран Балтии и 78 стран мира<sup>2</sup>.

Многие крупные банки РФ и их филиалы осуществляют трансграничные переводы, среди них: Банк Москвы, Внешторгбанк, Промсвязьбанк, Росбанк, Росбизнесбанк и другие. Так, например, в 2005 году Росбизнесбанк имел 740 сервисных пунктов в России, 166 — в Казахстане, 121 — в Киргизстане, 75 — в Таджикистане и осуществлял переводы с помощью системы переводов Contact, а также Migom. Альфа-Банк заключил договоры с Western Union и Анелик и имеет сеть сервисных пунктов: 65 — в Казахстане, 123 — в Киргизстане, 125 — в Таджикистане, других странах СНГ.

Благодаря развитию международных и российских систем переводов в Центральной Азии сложилась разветвленная и достаточно эффективная система переводов. В 2005 г. около 30 банков второго уровня в Казахстане предоставляли услуги банковских переводов, среди них: АТФБанк, Альфа-банк, Валют-транзит Банк, КазКоммерцбанк, Банк Каспийский, Банк Китая в Казахстане, Народный сберегательный банк Казахстана, Нефтебанк, Нурбанк, Техакабанк и другие. Банки второго уровня организуют системы денежных переводов сами, либо заключают договоры с международными системами переводов. По сообщениям СМИ, на территории РК оперирует около 870 пунктов Western Union.

В Киргизстане 16 коммерческих, а в Таджикистане 10 уполномоченных банков осуществляли трансграничные денежные переводы. Узбекские национальные банки Хамкорбанк, Узжилсбербанк, Народный банк, НБ ВЭД РУз, Трастбанк, Бизнесбанк и другие осуществляют переводы из/в Узбекистан. Банки сотрудничают с Western Union, MoneyGram, TWML, VMT, Анелик, Contact и другими системами переводов и банками.

---

<sup>2</sup> См. подробнее: <http://www.contact-sys.com>



Увеличение систем переводов повышает конкуренцию и способствует улучшению качества обслуживания и снижению тарифов на перевод. Среди специализированных международных систем переводов тарифы в целом унифицированы (в среднем 1,5–3% и выше, в зависимости от суммы перевода), время перевода — от 10–15 минут до 3–24 часов.

Деятельность банков, также как и деятельность международных систем переводов регулируется национальными нормативно-правовыми актами: законами о валютном регулировании и валютном контроле, о национальной банковской системе, постановлениями правительства, указаниями и инструкциями национальных банков.

Основные правовые акты в каждой стране устанавливают правила проведения валютных операций, в том числе порядок осуществления платежей и переводов денег, согласно которым запрещается производить по банковским счетам физических лиц (резидентами/нерезидентами) валютные операции, связанные с предпринимательской деятельностью, осуществлением инвестиций, либо приобретением прав на недвижимость. Физические лица-резиденты и нерезиденты могут осуществлять текущие валютные операции (платежи и/или переводы денег) с открытием и без открытия банковского счета в уполномоченных банках в виде разовых переводов.

Каждое государство самостоятельно регулирует максимальную сумму платежей и/или переводов денег физическими лицами-резидентами и нерезидентами. Например, в Казахстане, например, платежи и/или переводы денег физических лиц-резидентов и нерезидентов, в сумме не превышающей эквивалент \$10 тыс. могут проводиться через банковские счета и без открытия банковского счета. В Таджикистане эта сумма не должна превышать \$2 тыс. Наличная иностранная валюта может быть переведена в РТ в пользу физического лица-нерезидента без ограничений. В Киргизстане резиденты и нерезиденты могут проводить операции по перемещению иностранной валюты из-за и за границу без ограничения. Ввоз и вывоз валюты не подлежит никаким ограничениям при условии ее декларирования в пунктах таможенного контроля.

Международные соглашения являются важной составляющей правовой базы регулирования валютных переводов. Известно, что в рамках СНГ было подписано значительное количество многосторонних и двусторонних соглашений, но практически выполняемыми в первую очередь стали договоры в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Государства-участники Договора об учреждении ЕврАзЭС—Белорусская Республика, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан—подписали несколько важных многосторонних соглашений, которые укрепляют правовые основы межправительственного взаимодействия в области пересечения границ физическими лицами-гражданами государств и перемещения ими товаров и валюты.

Члены Евразийского экономического сообщества учредили Совет руководителей национальных банков государств–участников. На заседании в Душанбе 18 ноября 2004 г. обсуждался вопрос о совершенствовании правовой базы, регулирующей перевод денежных средств физическими лицами в рамках ЕврАзЭС. Совет рекомендовал центральным банкам оказывать информационную поддержку в реализации образовательных программ для трудовых мигрантов при осуществлении денежных переводов.

После терактов 11 сентября 2001 г. важным направлением правового регулирования валютных переводов стало обеспечение прозрачности финансовых систем для противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма. Для этого 6 октября 2004 г. была создана Евразийская группа (ЕАГ), государствами-членами ЕАГ которого стали Белоруссия, Казахстан, Китай, Киргизстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. ЕАГ призван сыграть важную роль в деле снижения угрозы терроризма и обеспечения прозрачности, надежности и безопасности финансовых систем государств региона, а также их вовлечения в международную систему противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (<http://www.euroasiangroup.org>).

Региональная структура ЕАГ создана по типу ФАТФ. ФАТФ (Financial Action Task Force) — это специальная международная финансовая группа для разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, которая была учреждена развитыми западными странами и Европейской комиссией в 1989 г. для борьбы с отмыванием капиталов, членами ФАТФ являются 31 государство и 2 международные организации. Члены Евразийской группы подали заявление в ФАТФ о получении нового статуса — Ассоциированного члена ФАТФ.

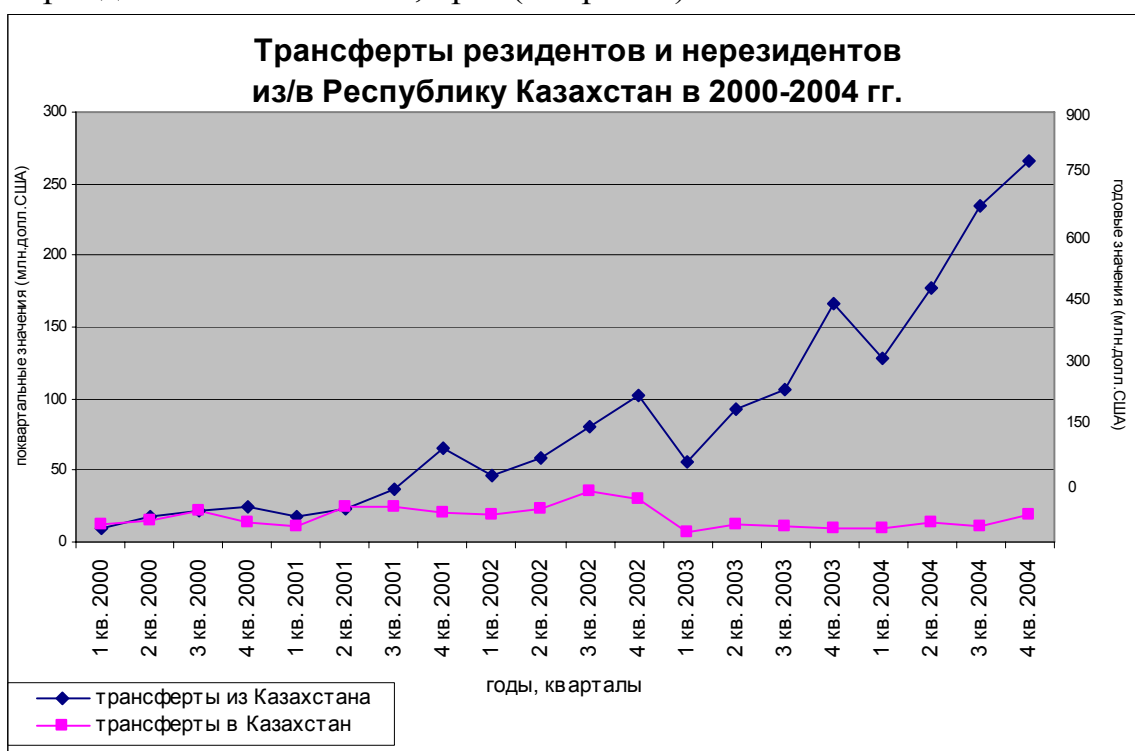
### **Динамика и объемы денежных переводов мигрантов в республиках Центральной Азии**

**Российская Федерация** остается основной страной достижения для трудовых мигрантов из всех Центрально–Азиатских республик и именно из нее поступают наибольшие объемы денежных переводов. По данным Центрального банка РФ, динамика изменений объемов переводов физических лиц в Российской Федерации с 1999 по 2004 гг. свидетельствует о том, что переводы из России увеличились почти в 4 раза. За этот период изменилось соотношение доли переводов из России: в 1999 г. 41% переводов был направлен в страны СНГ, а в 2004 г. — уже 64%, или \$3 532 млрд. было направлено в страны СНГ.

Объемы трансграничных переводов из/в России имеют тенденцию к дальнейшему росту: так, по данным Центрального банка РФ, за первое полугодие 2005 года в Россию поступило \$1 810 млрд., а переведено \$3 054 млрд. (<http://www.cbr.ru>).

Оценки объемов денежных переводов в Республике Казахстан проводятся с 2000–2001 гг. На графике 1 показана динамика объемов денежных переводов резидентов/нерезидентов в/из РК в 2000–2004 гг. Как видно из графика, поквартальная динамика объемов денежных переводов из-за рубежа в Казахстан менялась незначительно. По данным Национального Банка РК, в 2000 г. трансферты в РК составили \$ 63,9 млн., в 2004г. — \$ 53,5 млн. и кумулятивно за период 2000–2004 гг. составили \$ 344,5 млн. (<http://www.nationalbank.kz>).

По данным Национального банка Казахстана, объем денежных переводов резидентов/нерезидентов из РК в 2000 г. составил \$ 74,3 млн. и на протяжении пяти лет возрастал в 1,5–2 раза по сравнению с предыдущим годом. В 2004 г. объем переводов составил \$ 805,8 млн., то есть увеличился за период 2000-2004 гг. в 10,8 раз (см. рис. 1).



**Рис. 1. Динамика денежных переводов резидентов / нерезидентов из / в Республику Казахстан в 2000–2004 гг. (млн. долларов США)**

**Примечание:** данные на графике по левой оси выстроены по квартальным значениям, на правой оси — по годовым значениям.

Значительная часть переводов отправляется физическими лицами из Казахстана в Китай, Россию и Германию, на них приходится около 58% всех переводов. По мнению экспертов Национального банка, часть переводов в Китай, Германию может быть связана с отправкой средств для оплаты товаров ввозимых в РК по каналам неорганизованной торговли, хотя согласно законодательству РК, валютные операции, связанные с осуществлением инвестиций, предпринимательской деятельности и подобные цели запрещены.

Среди отправителей переводов граждане Казахстана — родители, которые отправляют деньги своим детям-студентам, обучающимся за рубежом, а также взрослые, которые помогают престарелым родителям, периодически высылая им деньги. Среди отправителей также казахстанские и иностранные граждане, временно проживающие в РК: бизнесмены и специалисты в командировках, туристы, осуществляющие переводы в своих частных целях и т.д. Россия занимает второе место среди стран, куда осуществляются денежные трансферты из РК, около \$ 500 тыс. отправляется в РФ для оплаты образовательных и медицинских услуг, по данным Национального банка РК.

В РК еще не проводилось репрезентативных республиканских исследований по оценке объемов денежных переводов иностранных рабочих и специалистов, приезжающих в Казахстан на заработки, но ежегодная динамика переводов по официальным каналам свидетельствует о том, что значительная часть трансфертов осуществляется именно ими.

Динамика денежных переводов в страны СНГ и вне СНГ демонстрирует сезонные колебания, повышаясь в третьем квартале и достигая максимума в четвертом квартале (в сентябре-ноябре), который обычно является сезоном завершения трудовой деятельности и выплаты заработной платы, и снижаясь в 1 квартале, после возвращения трудового мигранта в страну исхода (см. рис. 1)

По официальным данным Национального банка РК, в 2004 г. резиденты и нерезиденты отправили из Казахстана в Киргизстан — \$ 774 тыс. долларов США, Узбекистан — \$ 791 тыс., Таджикистан — \$ 312 тыс. Около \$ 3,875 млн. долларов было переведено в республики Закавказья (Азербайджан, Армению, Грузию), около \$ 3,3 млн. — в Украину. В то же время, только в США было переведено — \$ 78,2 млн. в Турцию — \$ 91,9 млн.

*Таблица 1. Как вы отправляете заработанные деньги?*

	Абс	%
самостоятельно везу	105	41,2
отправляю с друзьями	61	23,9
отправляю с родственниками	38	14,9
денежный перевод по Вестерн Юнион	24	9,4
денежный перевод по почте	21	8,2
Не отправляю	12	4,7
На деньги покупаю товары и везу их сам	4	1,6
Еще не отправлял, т.к. приехал в первый раз	4	1,6
Отправляю со специальным человеком	3	1,2
Затрудняюсь ответить / нет ответа	37	14,5
Выборка	255	100

**Примечание:** респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма ответов больше 100%.

Определение общих объемов денежных переводов трудовых мигрантов имеет некоторые трудности, связанные с новизной самого явления,

отсутствием учета, с не разработанностью методик, индикаторов. Необходимо также учитывать различные переменные, такие как: сфера занятости трудовых мигрантов, продолжительность трудовой деятельности, средняя заработная плата, периодичность переводов и средний размер денежного перевода в страну исхода, географическая близость / отдаленность страны исхода; наличие диаспор и «мигрантских сетей», через которые передаются заработанные деньги и т.д.

Рассмотрим только один из параметров—способы отправки денег трудовыми мигрантами в страну исхода. Согласно данных социологического исследования по трудовой миграции, проведенного автором в апреле-мае 2005 г. в южном регионе Казахстана\*, мигранты используют различные способы отправки денег домой (таблица 1).

Согласно данным исследования, значительная часть трудовых мигрантов — 41,2% привозят заработанные деньги сами, либо отправляют с друзьями (23,9%), или родственниками (14,9%). Лишь 17,6%, то есть менее одной пятой периодически или постоянно посылают деньги почтой. Это свидетельствует о большом потенциале системы денежных переводов в/из РК.

По данным Национального банка Казахстана в 2005 году из Казахстана физическими лицами — резидентами и нерезидентами переведено 1,158 млрд. долларов. Осторожная предварительная оценка объемов ежегодных переводов трудовых мигрантов из Казахстана в 2004–2005 гг. может быть сделана в пределах от 0,5 млрд. до 1,0 млрд. долларов США. Однако необходимо продолжать исследования по уточнению данных об объемах денежных переводов трудовых мигрантов из / в РК.

**В Кыргызской Республике** в последние годы начался учет денежных переводов, и уже первые оценки объемов переводов от граждан, работающих за рубежом составили более \$ 120 млн. в 2003 г. (Кыргызстан, 2004, с. 22).

Член киргизского парламента К. Исабеков, посетивший города России, где работает много граждан КР, считает, что киргизский рабочий посылает семье в Киргизстан в среднем около \$100 в месяц, а некоторые - больше. Это весьма значительные суммы, если учитывать, что среднемесячная зарплата в Киргизстане около \$50, а в сельской местности она еще меньше. Парламентарий полагает, что общая сумма переводов России, Казахстана и других стран может составлять \$ 384–420 млн. в год (<http://www.irinnews.org> ).

---

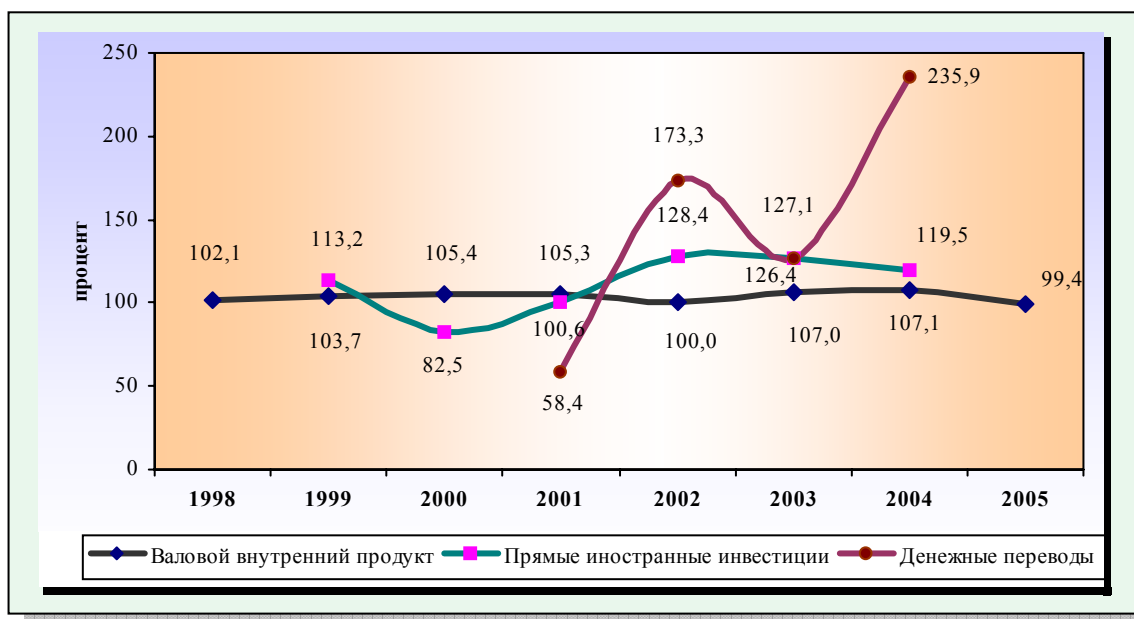
\* Опрос трудовых мигрантов проведен в апреле-мае 2005 г. Опрошено 255 респондентов методом личного стандартизированного интервью. Респонденты отобраны методом «снежного кома». Выборка — целевая, гомогенная. География исследования: г. Алма-Ата; г. Чилик и населенные пункты Чиликского района Алма-Атинской области; г. Чимкент и населенные пункты Джетысайского района Южно-Казахстанской области. Данный опрос проведен в рамках исследования по гранту Фонда Д. и К. МакАртуров N 04-81339-000-GSS в 2004–2005 гг.

По данным Национального банка РК, физические лица отправили из Казахстана в Киргизстан \$ 774 тыс. в 2004 г. Однако, по данным полевого исследования автора, даже малоквалифицированные рабочие из Киргизстана зарабатывают за сезон в табачных хозяйствах по \$ 0,8–1,5 тыс. и более. Как показывают исследования, большинство мигрантов передают заработанные деньги по «неофициальным» каналам, используя знакомых, родственников, проводников, привозя деньги самостоятельно.

В целом, используя данные о переводах по официальным каналам и делая оценку объемов переводов сделанных «неофициальным» путем, можно сделать предварительную оценку, что не менее \$ 500 млн. было отправлено мигрантами из России, Казахстана, других стран в Киргизстан в 2005 году. Для сравнения: ВВП страны составлял в 2004–2005 гг. около \$ 2,0 млрд. Таким образом, денежные переводы мигрантов могут составить около 25% ВВП Киргизстана. Динамика роста денежных переводов в республику в последние годы значительно превышала динамику ежегодных прямых иностранных инвестиций и официальной международной помощи для развития в КР. (график 2)

**График 2.**

**Динамика ВВП, прямых иностранных инвестиций и денежных переводов в Республике Киргизстан в 1999–2005 гг. (в % к предыдущему году)**



Объем переводов по данным Национального банка Республики Таджикистан в 2001 г. в Таджикистан составил—\$ 300 тыс. Снижение процентной ставки за перевод с 30% до 2–3% в 2003 году увеличило объём денежных переводов с \$ 78,3 млн. в 2002г. до \$ 256 млн. в 2003 г. В то же время, общие оценки поступлений от миграции в 2002 г. оценивались экспертами в \$ 200–230 млн., т.е., в 3 раза больше суммы официальных переводов, что включало денежные переводы, самостоятельный привоз валюты, привоз товаров: дорогостоящей бытовой техники, одежды

(МОН, 2005, с. 47; МОН, 2003, с. 86). По оценке автора, объем денежных переводов, присланных в РТ только по официальным каналам в 2003 г., составил 23,2% ВВП.

По мнению экспертов, в целом очень трудно оценить объемы денежных переводов в **Узбекистан**. Согласно оценке, объем доходов от миграции в 2003 г., включая переводы, самостоятельный привоз денег, ввоз товаров, составил не менее \$ 400 млн. (Узбекистан, 2004, с. 31).

### **Трудовые миграции и денежные переводы – стратегия выживания мигрантских домохозяйств ЦАР**

Результаты социологического исследования, проведенного автором в 2005 г., свидетельствуют о том, что миграции и денежные переводы («миградоллары») стали стратегией выживания мигрантских домохозяйств в республиках Центральной Азии.

Согласно данным опроса трудовых иммигрантов, «миградоллары» заработанные в Казахстане идут в основном на питание—55,7% и приобретение новой одежды—47,2% респондентов. 30,3% респондентов считают, что заработанные на выезде деньги позволяют им лишь обеспечивать себя самым необходимым. 22,5% респондентам мигрантские заработки позволяют оплачивать лечение, покупать лекарства. 25,5% респондентов помогают материально своим родителям и детям.

Использование денежных переводов имеет страновую специфику. Например, более бедные мигрантские хозяйства из Узбекистана и Киргизии тратят заработки в основном на первоочередные повседневные нужды: питание—56,7% и 63,3%, соответственно и покупку одежды—46,5% и 54,1%, соответственно. Мигранты из Таджикистана, которые уже много лет работают в РК (согласно исследованию, 71% опрошенных таджикских мигрантов выезжают на заработки более 5 лет), делают переводы для оказания материальной помощи родственникам (47,1%), оплаты лечения (35,3%) и более дорогостоящих покупок. Доля трудовых мигрантов из Таджикистана, материально помогающим своим родственникам на родине значительно выше, чем доля таковых из Узбекистана—14,2% респондентов и из Киргизии—15,3% респондентов.

Переводы помогают накопить деньги для проведения свадьбы. В сельской местности по традиции на свадьбу дарят дорогие подарки и приглашают всех родственников и соседей, и свадьба нередко обходится родителям в несколько годовых зарплат. В случае накопления более крупных сумм, переводы мигрантов используются для покупки дома, квартиры или ремонта, приобретения электробытовой техники, оплаты обучения в вузе, колледже, школе, однако, доля таких инвестиций очень мала.

В целом, трудовая миграция и денежные переводы в *Киргизстане* имеют многочисленные положительные экономические и социальные последствия. Благодаря эмиграции киргизских граждан КР частично решает

проблему избытка рабочей силы, смягчения безработицы, особенно на юге республики, откуда в основном выезжают мигранты. Мигрантские семьи получают денежные переводы, которые повышают уровень жизни домохозяйств; накапливают стартовый капитал для начала собственного бизнеса; повышают квалификацию и формируют новые навыки работы в рыночных условиях, которые могут быть использованы после возвращения в Киргизию.

По данным исследования, проведенного в Киргизстане, в 111 киргизских фирмах, собственники которых прежде были трудовыми мигрантами и накопили первоначальный капитал на выездных заработках, было создано свыше 3,7 тыс. рабочих мест, то есть в среднем по 33 на одну фирму<sup>4</sup>.

По данным исследования трудовой миграции в *Таджикистане* в 2002–2003 гг., доходы от выездной деятельности являлись основным источником существования для 81,7% опрошенных мигрантских домохозяйств Таджикистана. Значительная часть денежных переводов в РТ шла на помощь родственникам — им постоянно помогали 25,8% респондентов и периодически — 46,3%. Это коррелирует с данными авторского исследования по трудовой миграции в Казахстане в 2005 г., согласно которому 47,1% респондентов-мигрантов из РТ помогали своим родственникам. По мнению таджикских экспертов, семейный характер трудовой миграции вписывается в родовые и земляческие структуры таджикского общества: мигранты оказывают помощь нескольким родственным домохозяйствам. В свою очередь, мигрантские домохозяйства интенсифицируют трудовые усилия семьи на период сельскохозяйственных работ, и в случае необходимости нанимают в помощь родственников, либо объединяют усилия всей общины (например, для вспашки земли). Трудовые миграции стали «стратегией выживания» общества и сыграли стабилизирующую роль для всего Таджикистана. Как следствие долгого отсутствия мужчины — главы домохозяйства, увеличивается роль женщин в семейной экономике (МОМ, 2003, с. 93, 97).

Изменение гендерных ролей в процессе вовлечения женщин в трудовые миграции характерен и для *Узбекистана*. По данным исследования, в 1999 г. менее 2% женщин-трудовых мигрантов в Узбекистане считали себя главами семейств, а в 2004 г. 57,6% женщин говорили о том, что именно они «кормят своих родственников» и поэтому являются главными в семьях.

Трудовые миграции в Узбекистане играют положительную стабилизирующую роль, смягчая напряжение в местных рынках труда, однако, решение вопросов предупреждения массовой трудовой эмиграции

---

<sup>4</sup>Исследование Л.Максаковой и А. Элебаевой, Киргизский национальный институт макроэкономических и социальных исследований.



лежит в создании рабочих мест, развитии малого и среднего бизнеса в самом Узбекистане.

Трудовая миграция имеет и отрицательные последствия для страны приема и стран исхода. Например, работодателям в Казахстане «выгодно» использовать дешевую рабочую силу, не требующую социальных издержек, а трудовым мигрантам даже небольшие заработки позволяют поддерживать приемлемый уровень жизни в странах исхода. Однако, неуплата налогов в республиканский бюджет РК (если принять в расчет всю численность трудящихся-мигрантов, то это значительные отчисления), наносит экономический ущерб на макроуровне, происходит перетекание капиталов и рабочей силы в сферу теневой экономики. Происходят массовые нарушения прав трудящихся-мигрантов.

Сохраняется криминальная составляющая в трудовых миграциях: по экспертным оценкам, около 10% доходов от выездной деятельности в Таджикистане идет в наркобизнес (МОМ, 2003, с. 93).

Использование систем переводов для финансирования террористической деятельности и отмывания нелегальных доходов стало привлекать все больше внимания в последние годы.

Однако необходимо различать криминальную составляющую и перевод заработанных мигрантами денег из принимающей страны в страну происхождения мигранта, где переводы играют все возрастающую роль в национальных экономиках и нуждаются в специальном регулировании. ВВП Киргизии увеличивался незначительно в последние 5–7 лет, а в 2005 г. составил 99,4% по сравнению с 2004 г., в то же время цены на недвижимость в г. Бишкеке, по некоторым данным, выросли в последние годы в 1,5–2 раза, что отчасти обусловлено ростом денежных переводов в страну.

Из стран региона увеличивается выезд на заработки высококвалифицированных специалистов, который имеет тенденцию к превращению в безвозвратную интеллектуальную эмиграцию. «Утечка умов» всегда имеет негативные средне- и долгосрочные последствия для национальных экономик посылающих стран. Они же испытывают негативные демографические последствия в связи с тем, что мужчины-мигранты надолго покидают семьи в период выездных заработков.

### **Заключение.**

#### **Денежные переводы трудовых мигрантов: использование в целях развития**

В 2000-е годы в Центральной Азии усиливаются глобализационные тренды: с одной стороны, ускоряется проникновение капитала, технологий, услуг и товаров в самые отдаленные уголки региона. С другой стороны, увеличивается международная миграция рабочей силы из республик ЦАР. В таких странах как Киргизстан и Таджикистан во внешние трудовые миграции вовлечено от 25 до 35% экономически активного населения. Это,

в свою очередь стимулирует распространение системы коммуникаций, развитие международной электронной системы денежных переводов. Системы переводов позволяют членам мигрантских домохозяйств получать трансферты от мигрантов, работающих за границей.

В самых бедных домохозяйствах в различных регионах ЦАР «миградоллары» используются для удовлетворения повседневных нужд: покупки продуктов, одежды, лекарств, материальной помощи родителям или детям. В случае накопления более крупных сумм, переводы мигрантов используются для покупки дома, квартиры или ремонта, оплаты обучения в вузе, колледже, школе, однако доля таких инвестиций очень мала.

Исследование автора показало, что пока в республиках Центральной Азии трудовая миграция и денежные переводы – это преимущественно стратегия выживания, а не развития. «Миградоллары» пока редко используются развития мигрантских сообществ (для строительства или ремонта местных школ, дорог, мостов, коммуникационной инфраструктуры). Правительства ЦАР пока не разработали практических механизмов использования переводов в целях развития национальных экономик.

Денежные переводы – серьезный фактор снижения бедности в странах исхода, особенно в таких странах как Киргизстан и Таджикистан, где по данным ПРООН, они составляли в начале 2000–х гг., соответственно, 44,4% и 60% всего населения. Это играет положительную социально-политическую роль, влияя на стабильность в странах ЦАР и регионе в целом.

Общие объемы денежных переводов в некоторых республиках Центральной Азии таких как Киргизстан и Таджикистан, составляют значительную часть ВВП (25% и выше), и по некоторым оценкам, в последние годы превышали ежегодные объемы официальной международной помощи для развития и иностранные инвестиции в страны ЦАР.

Поскольку переводы составляют значительную долю ВВП, правительства стран исхода должны регулировать трудовые миграции, разрабатывая систему эффективного использования денежных переводов мигрантов в целях развития не только отдельных домохозяйств, но и мигрантских сообществ и национальной экономики в целом. Одной из мер стимулирования инвестиций для целей развития могла быть организация перевода не наличными деньгами, а на банковский счет мигранта и поощрение взносов на медицинское страхование, образование, ипотеку, проекты местного сообщества (ИОМ, 2005b, с. 273). Необходимо поощрять инвестиции в местный бизнес, выдавать кредиты на развитие производства, предоставлять более низкие проценты для осуществления социальных и экономических проектов в местных сообществах.

Разработка нормативно-правовой базы и практических механизмов, направленных на поощрение использования денежных переводов мигрантов в целях развития – новое и важное направление деятельности законодательных и исполнительных органов в республиках Центральной Азии.

### Литература

1. Глущенко Г. И. (2004) Денежные переводы - фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // Вопросы статистики. – 2004, № 8.
2. Кыргызстан: проблемы в сфере трудовой миграции и возможные подходы к формированию политики. Бишкек, 2004.
3. Максакова Л.П. (2003) Экспорт рабочей силы из Узбекистана // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.
4. МБТ (2004) За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Международная конференция труда, 92 сессия, МБТ, Женева.
5. МОМ (2005) Садовская Е., Олимова С., Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Европейская Комиссия, МОМ. – Алматы.
6. МОМ (2003) Олимова С., Боск И., Трудовая миграция из Таджикистана. МОМ, Научно-исследовательский центр «Шарк». Душанбе.
7. Садовская Е.Ю. (2005а) Трудовые миграции в Казахстане в 2000-е годы: новейшие тенденции. Алматы.
8. Садовская Е.Ю. (2005б) Трудовые миграции в Центральной Азии: формирование региональной миграционной системы или процесс глобализации? М.
9. Садовская Е.Ю. (2006а) Денежные переводы трудовых мигрантов в Республике Казахстан // Труд в Казахстане.- 2006. -№ 4.
10. Садовская Е.Ю. (2006б) Денежные переводы трудовых мигрантов и их роль в мигрантских домохозяйствах в республиках Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, № 2.
11. Узбекистан: проблемы трудовой миграции и возможные подходы к формированию политики. Аналитический документ. Ташкент, 2004.
12. Adams, R.H. (2003a) «Remittances Investment and Rural Asset accumulation in Pakistan», Economic Development and Cultural Change, University of Chicago Press, Chicago, pp. 155-173.
13. Adams, R.H. (2003b) «International Migration, remittances and the brain drain: A study of the 24 labour-exporting countries», World Bank Policy research Working Paper 3069, World Bank, Washington D.C.

14. Adams, R H. , John Jr. and Page. (2003) International Migration, Remittances, and Poverty in Developing Countries. World bank Working Paper No.: 3179 , December 19.
15. Center for Human Resources Development (2004) Uzbekistan: problems of labor migration and possible approaches to policy-making. Analytical paper. Tashkent.
16. The hawala alternative remittance system and its role in money laundering. Interpol General Secretariat, Lyon, January 2000. <http://www.interpol.int/Public/FinancialCrime/MoneyLaundering/hawala/>
17. IOM (2003a) Labor migration from Georgia. International Organization on Migration and Association for Economic Education, Tbilisi <http://www.iom.ge>
18. IOM (2005b) World Migration 2005. Costs and Benefits of International Migration. IOM, Geneva, Vol.3. IOM World Migration Report Series
19. Massey Douglas S., Arango Joaquin, Hugo Graeme, Kouaouci Ali, Pellegrino Adela, and Taylor J. Edward (1998) Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium / Oxford: Clarendon Press.
20. Newland, K. (2004) «Beyond Remittances: The Role of Diaspora in Poverty Reduction in their Countries of Origin, a study for the UK Department for International Development (DFID)». MPI, Washington.
21. Ratha, D. (2003) «Workers' Remittances: An Important and Stable Source of External Development Finance» // In: Global development Finance World Bank
22. Ratha, D. and Riedberg J. (2004) «How to lower remittance costs: conversations with remittance service providers», World Bank, Washington, D.C.
23. Roberts, B and Banaian K. (2004) Remittances in Armenia: Size, Impacts, and Measures to enhance their Contribution to Development”, special study for USAID / Armenia, Bearing Point, October.
24. Sadovskaya, Yelena (2005) Labor Migration and Its Impact on Social Stability in Central Asia in Towards Social Stability and Democratic Governance in Central Eurasia. Challenges to Regional Security / Ed. By Morozova I. NATO Science Series. IIAS, Leiden, the Netherlands, pp. 206-228.

## МИГРАЦИЯ И БЕДНОСТЬ <sup>1</sup>

### Миграция и бедность: противоречивая взаимосвязь

Миграция может быть как причиной бедности, так и ее последствием. Аналогично бедность может уменьшиться или возрасти в результате миграционного движения населения. В этом вопросе невозможно делать универсальные обобщения, однако ясно, что относительное воздействие миграции на бедность, как и бедности на миграцию, зависит от уровня экономического развития той страны или региона, о которых идет речь. В некоторых регионах и при определенных обстоятельствах бедность может выступать коренной причиной миграции, в то время как в других регионах, при иных обстоятельствах, бедняки будут проявлять наименьшую склонность к миграции. Точно так же в одних регионах посредством миграции люди смогут выбраться из бедности, а в других миграция усугубит бедность. Поскольку большинство наиболее бедных стран мира расположены в Тропической Африке, можно предположить, что отношения между миграцией и бедностью там отличаются от их взаимоотношений в более динамично развивающихся странах Восточной Азии. В качестве рабочей гипотезы положим, что бедность является главной причиной миграции скорее в Тропической Африке, где она чаще всего выступает как средство выживания, а не в Восточной Азии, где миграция — это преимущественно способ улучшить экономическое положение. Однако здесь есть опять опасность чрезмерного обобщения, поскольку в столь крупных и многообразных регионах как Тропическая Африка или Восточная Азия есть множество стран с различными экономическими условиями. Существующие различия между КНДР и Тайванем, или между ЮАР и Конго делают процесс обобщения крайне затруднительным. Настоящая статья основывается в основном на ситуации в Азии и Тихоокеанском регионе.

Анализ затрудняется тем, что оба термина — и *миграция*, и *бедность* — не имеют четких определений: интуитивно понятно, о чем идет речь, однако, на практике определить и точно измерить их трудно. В настоящей статье под *миграцией* понимаются все формы миграционных передвижений людей (хотя, быть может, термин *мобильность населения* был бы более подходящим), т.е. внутренние и международные миграции, а также краткосрочные циркулярные миграции, равно как и постоянные. В отношении *бедности* мы будем проводить различие между хронической,

---

<sup>1</sup> Настоящая статья представляет собой несколько измененный вариант статьи, опубликованной в журнале [Asia-Pacific Population Journal, Vol. 17 \(4\), 2002](#), стр. 67-82 в качестве доклада, подготовленного к Пятой Конференции ООН по народонаселению в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Бангкок, 11—17 декабря 2002 г.

абсолютной бедностью, с одной стороны, и относительной бедностью, т.е. «жизнью, наполненной лишениями», с другой.

В странах Азии и Тихоокеанского региона в течение 1990–х гг. бедность сокращалась в Бангладеш, Индии, Китае, Филиппинах и Таиланде, но возрастала в Пакистане, Шри-Ланке и новых государствах Центральной Азии (таблица 1). В Индонезии и Непале в это время происходили незначительные изменения в уровне бедности. Однако к данным по Китаю, например, следует относиться с большим сомнением. Известно, что преобразования в экономике имели своим результатом сокращение значительного числа рабочих мест в государственном секторе, причем эта тенденция может только усилиться после вступления страны в ВТО. Например, около 26 миллионов работников были уволены с предприятий госсектора после 1998 г., а уровень безработицы в 2002 г. в ряде отраслей превышал 20%<sup>2</sup>.

В определении уровня безработицы есть известная доля неточности, однако на несопоставима с трудностями изменения миграции. Имеющиеся данные по международной миграции подтверждают, что во всех рассматриваемых странах масштаб миграционных передвижений возрос (таблица 2). Во многих случаях приведенные оценки не учитывают или недоучитывают незаконных мигрантов. Любые оценки числа незаконных мигрантов в известной степени недостоверны просто в силу особенностей самого явления. Они могут основываться на количестве задержаний при попытке въезда или арестов за незаконное пребывание. В ряде стран число незаконных мигрантов весьма значительно. Так, в Малайзии в 1992–2000 гг. были задержаны около 2,1 млн. незаконных мигрантов (Hugo, 2002, p.14), а численность незаконных мигрантов в стране накануне финансового кризиса 1997 г. оценивалось в 1,43 млн. (ILO, 1998). Подавляющее большинство этих мигрантов прибыли из соседней Индонезии.

Еще более сложным является определение численности внутренних мигрантов. Оценки по Таиланду, где уровень бедности заметно понизился в течение 1990–х гг., даже принимая во внимание роль финансового кризиса 1997 г., выявляют снижение масштабов внутренней миграции в 1990–е гг. Данные переписи 2000 г. свидетельствуют, что число жителей, сменивших место своего жительства в течение 5 лет до переписи, было ниже, чем в 1990 г. (13,9% в 2000 г. и 16,8% в 1990 г.) (Thailand 2002). Однако связать снижение относительной мобильности населения с сокращением уровня бедности было бы слишком прямолинейно, если не сказать ошибочно. Во-первых, хорошо известно, что перепись населения фиксирует миграционные передвижения лишь частично, не отражая большую часть циркулярной и краткосрочной миграции. Исследования по Таиланду после переписи 1990 г. показали, что изменение временного критерия,

---

<sup>2</sup> По данным *Migration News*, May and July issues, 2002.

применяемого в определении миграции, с трех месяцев до одного месяца, как это было сделано в Национальном миграционном обследовании Таиланда, увеличило численность мигрантов более чем на 20% (Chamrathirong et al., 1995). Во-вторых, что более важно, количество бедняков в Таиланде возросло с 6,8 млн. в начале 1997 г. до 7,9 млн. в конце 1998 г. Соответственно доля бедняков в общей численности населения увеличилась с 11,4% до 12,9% (UNDP, 1999, p. 129). Тем не менее, было бы неверно утверждать, что рост уровня бедности в результате финансового кризиса мог стать причиной зафиксированного сокращения миграции в пятилетний период. Более разумно было бы предположить, что кризис привел к росту таких типов мобильности, которые практически не отражаются переписями и обследованиями населения, например, краткосрочных миграций, нацеленных на поиск альтернативных источников заработка. В эти годы мобильность скорее возросла, чем сократилась, и была в большей мере стратегией выживания, нежели дорогой к лучшим жизненным возможностям.

Таким образом, любые попытки установить четкую взаимосвязь между масштабом и структурой миграции, с одной стороны, и бедностью, с другой стороны, исходя из имеющихся данных, являются проблематичными. Настоящая статья ставит своей целью лишь поставить вопрос о множественности сценариев, выявляющих взаимосвязь между миграцией и бедностью. Многие идеи, которые будут высказаны ниже, следует считать гипотезами, которые требуют скрупулезной проверки. Имеющиеся эмпирические данные и противоречивая природа взаимосвязей между миграцией и бедностью пока не позволяют сделать анализ более точным.

### **Бедность как коренная причина миграции**

Миграцию часто рассматривают просто как бегство от бедности: поскольку в одном месте возможности жизни крайне ограничены, люди переезжают в другое место, чтобы выжить. Бегство от массового голода является классическим примером такого рода взаимосвязи, что было подтверждено многочисленными картинками в средствах массовой информации, изображающими истощенных людей, которые преодолевают огромные расстояния, чтобы добраться до организованных международными и благотворительными организациями пунктов питания. Совершенно ясно, что такие случаи имеют место, но обычно они происходят в беднейших странах мира, главным образом в Тропической Африке. Что касается Азии, там такие ситуации, хоть и случаются в отдельных местностях, но они стали исключением по мере экономического роста, имевшего место во второй половине 20 века. В памяти еще живущих сохранился «Великий голод» в Китае в 1959–1960 гг., когда миллионы людей были приведены в движение отчаянными попытками найти пропитание, несмотря на наложенные властями ограничения на миграцию. Действительное значение, которое оказал этот последний голод в Китае на

миграцию населения, еще предстоит изучить, хотя некоторые общие соображения уже высказаны в работе Бекера (Becker, 1996) и Бенистера (Banister, 1987). Другие примеры массового голода, менее масштабные, но более недавние по времени, дает Южная Индия, штат Орисса, в 2001 г.

Миграция самого бедного населения с целью выживания, как правило, это явление локального характера, чаще всего происходящее в рамках одной страны. Большинство исследований сходятся в том, что, если речь не идет о чрезвычайных обстоятельствах, в миграции участвуют не самые бедные, а те, кто имеет доступ к каким-либо ресурсам, пусть весьма ограниченным. Миграция требует определенных расходов на переезд и отказа от той минимальной собственности, которая имеется у будущего мигранта. Беднейшие из бедных не могут позволить себе риск потерять нажитое и продолжают вести полуголодное существование. Даже во времена Великого голода в Ирландии в 1845–1850 гг. наиболее бедные крайне редко решались на переезд в Северную Америку. Только наиболее крепкие из них могли пережить путешествие, а большинство погибали. Эмиграция из наиболее пострадавших стран была, как правило, значительно меньше, чем из тех, которых экономические бедствия затронули в меньшей степени (см. Miller, 1985).

Пример из другого континента и другого времени: большинство тех, кто мигрировал из Китая в Гонконг после победы коммунистического режима в 1949 г., по-видимому, имели «обоснованные опасения подвергнуться гонениям» (по определению беженца), но более половины из них заявили, что они уехали «по экономическим причинам» (Hambro, 1955). Они не были из числа наиболее бедного населения Китая в то время. Наша цель состоит не в том, чтобы опровергнуть, что бедность является серьезным фактором миграции, но в том, чтобы подчеркнуть, что существуют также другие факторы. Как правило, за исключением определенных регионов и определенных обстоятельств, важным фактором, заставляющим людей мигрировать, является не их абсолютная бедность, а то, что они воспринимают себя бедняками.

### **Миграция как результат бедности**

Может показаться, что *бедность как коренная причина миграции* и *миграция как результат бедности* — это одно и то же. Но это не так. Миграция как результат бедности смещает фокус проблемы в область восприятия бедности, т.е. относительной, а не абсолютной. Миграция, будь то приезд мигрантов в данное сообщество или отъезд членов сообщества, подразумевает установление определенных связей между местами выбытия и прибытия. Благодаря этим связям появляется информация об условиях жизни в других местах, что может изменить представления членов сообщества об уровне их жизни, и то, что казалось «обеспеченным существованием» (Sahlins 1974), превращается «обделенность», хотя никаких реальных изменений в их жизни не произошло. В



действительности изменения происходят лишь в *представлении* о качестве жизни, и в результате возрастает число потенциальных мигрантов, которые начинают воспринимать условия своей жизни в сравнении с жизнью в других местах – районах или странах. Таким образом, миграция создает такие условия, при которых люди начинают ощущать себя бедными, и это, в свою очередь, ведет к дальнейшему развитию миграции, в которой они пытаются удовлетворить свои вновь возникшие желания. По-видимому, этот процесс лежит в основе большинства миграций, создавая впечатление, что бедность является их движущей силой. Однако на самом деле миграции являются не столько результатом абсолютной бедности, сколько следствием желания улучшить свое положение в соответствии с новыми стандартами. Таким образом, миграция выступает как фактором, так и следствием бедности.

Большинство тех людей, которые откликаются на информацию, поступающую извне, — это наиболее передовые, наиболее продвинутые, наиболее образованные люди, как бы относительно ни были эти характеристики. В изолированной от мира деревне, например, наиболее образованными могут быть те, кто получил хоть какое-то начальное образование по сравнению с теми, кто вообще неграмотны. Мигрантам не всегда, но часто приходится откликаться на информацию, приходящую в деревню извне: их, например, могут отобрать рекрутеры, набирающие рабочих, или представители других городских служб. Опять же, рекрутеры вряд ли остановят свой выбор на наиболее слабых и бедных. Мигранты становятся отобранной или «само-отобранной» группой в любом населении. Вывод заключается в том, что мигранты, особенно мигранты-пионеры, — это наиболее продвинутые и динамичные члены любого сообщества (см. Skeldon, 1990). В следующем разделе мы проанализируем, насколько отъезд этих людей способствует возникновению бедности.

### **Миграция как причина бедности**

Есть ситуации, когда миграция напрямую ведет к увеличению числа абсолютных бедняков. Это часто происходит в случае насильственных переселений без адекватной подготовки и помощи переселенцам. Зачастую насильственные переселения практикуются в тех случаях, когда в результате строительства дамб образуются обширные искусственные водоемы, или при прокладке дорог, или при расширении городов. Есть оценки, что в течение последнего десятилетия 20 века от 90 до 100 миллионов человек по всему миру были насильственно переселены в результате осуществления инфраструктурных проектов (Cernea and McDowell, 2000, p. 2). В одной лишь Индии около 20 миллионов человек были переселены в течение 40 лет; при этом большинство из них обеднели (Cernea, 2000, p. 12). В Китае за тот же период переселениям подверглись 30 миллионов (Meikle and Zhu, 2000, p. 128). В результате осуществляемого в

настоящее время крупного гидростроительного проекта на реке Янцзы, как предполагается, будут переселены более одного миллиона человек.

По-видимому, основное отличие насильственного переселения, связанного с осуществлением экономических проектов, от всех других типов миграции заключается в том, что количество переселяемых и время переселения известны заранее. Таким образом, если бедность возникает в результате таких переселений, это является виной непродуманного планирования, а не самой миграции. Нет причин, по которым миграция в обязательном порядке приводит к расширению бедности, хотя так часто случается. Непростительно, когда это становится результатом ошибок в планировании. О таких случаях можно говорить, что особые взаимоотношения между миграцией и бедностью непосредственно связаны с эффективностью экономической политики.

Еще одним аспектом проблемы «миграция как причина бедности» является потеря сообществом исхода наиболее продвинутых и образованных его членов: в сущности, речь идет об «утечке умов», будь то на общенациональном уровне или на уровне отдельной деревни. Очень трудно эмпирически доказать на национальном уровне, как утечка умов сказывается на падении экономических макро-показателей. Точно так же трудно показать количественное снижение объема сельскохозяйственной продукции или продуктивности в результате миграции из села в город. Трудности связаны в первую очередь с тем, что значительная часть миграций может быть циркулярной по своей природе. Идет ли речь о миграции образованных на национальном уровне или о работниках, уезжающих из села в город, проблема в том, что они могут либо вернуться спустя некоторое время, либо будут и дальше оставаться мигрантами с тем, чтобы расширить свою «ресурсную базу».

Феномен «утечки умов» и его отрицательных последствий не получает своего подтверждения в Восточной Азии. Десятки тысяч студентов из Японии, Южной Кореи, Тайваня и Гонконга уехали на учебу в более развитые страны в 1960-х гг. и в последующие годы. Однако именно в это время начался быстрый подъем экономики этих стран (Skeldon, 1997 г., р. 108–115). Трудно представить себе, что эти страны развивались бы еще быстрее, если бы студенты не уехали. Спустя время все больше прежде уехавших стали возвращаться, и это было несомненным «приобретением умов» (brain gain). Однако такой сценарий не универсален. Потеря немногочисленных специалистов отсталыми странами, например, Тропической Африки, несомненно замедляет темпы их развития. Например, Гана потеряла 60% врачей, подготовленных в 1980-х гг. Всего более 600 тыс. высококвалифицированных специалистов эмигрировали из Африканских стран во второй половине 180-х гг. (Harris, 2002, с. 87). В странах Центральной Азии отъезд значительного числа русских специалистов можно считать важным фактором растущей там бедности. Влияние отъезда высокообразованных мигрантов должно оцениваться для

каждого конкретного региона; особенно важным в этом контексте является возвратность/невозвратность этой миграции. Там, где миграция высокообразованных приобретает невозвратный характер, имеет место утечка умов, там же где экономика стран выезда динамично развивается, такая миграция оборачивается «приобретением умов».

На локальном уровне оценить воздействие оттока жителей на производство продукции также непросто, хотя в ряде исследований делается вывод об отрицательном воздействии на производство сельскохозяйственной продукции (Simmons, 1984, p. 171). Исследование по Китаю показало, что потеря трудовых ресурсов оказала отрицательное влияние на доход от производства, но никак не сказалась на урожайности (de Brauw, Taylor and Rozelle, 2001). Ясно, что если миграция в отсталых регионах принимает значительные масштабы, производство сельскохозяйственной продукции в деревнях разрушается, что ведет к старению населения и сокращению его численности. Но и в наиболее развитых странах могут возникать аналогичные ситуации. Например, в Японии существуют районы с катастрофической депопуляцией (*kasō*), что требует обеспечения необходимых услуг, ориентированных на пожилое население. В середине 1990-х гг. доход от сельского хозяйства в этих районах составлял примерно 70% от среднего по стране; на них приходилось примерно половина территории Японии, но там проживали лишь 6,3% населения (Skeldon, 2001, p. 46). В более бедных странах те, кто остается, когда большинство уехали, чаще всего становятся «хроническими бедняками» (Kothari, 2002), и бедность в таком случае является следствием миграции.

Еще один вопрос, который следует поднять в рамках этого раздела, заключается в том, вызывает ли миграция концентрацию бедности в странах/районах назначения, особенно в наиболее крупных городах в развивающихся странах. Даже при том что в миграции участвуют не самые бедные жители деревень, в городе они часто оказываются беднейшими и их концентрация тормозит развитие. Однако едва ли можно найти данные, однозначно подтверждающие это утверждение. Нет достоверных данных о том, что мигранты в развивающихся странах составляют подавляющее большинство городской бедноты, при том что уровень экономической активности среди мигрантов выше, чем среди коренных горожан. Это, конечно, не означает, что условия жизни всех мигрантов в городах удовлетворительны или что они не встречаются среди городских бедняков. Многие рабочие места заняты мигрантами, и очень часто это наименее оплачиваемые, наименее безопасные работы с ужасными условиями труда, особенно занятые необразованными женщинами-мигрантами. Однако, принимая во внимание, что не миграция является основным фактором роста городов в развивающихся странах (естественный прирост городского населения более важен в этом контексте), и то, что уровень занятости среди

мигрантов выше, чем среди коренных горожан, приходится искать основные причины городской бедности в самих городах, а не в миграции.

### **Сокращение бедности вследствие миграции**

До сих пор рассуждения о взаимосвязи между миграцией и бедностью основывались на предположении, что этой взаимосвязи присущ в той или иной степени негативный оттенок. Это касалось и миграции как следствия бедности, и миграции как причины обеднения в определенных районах. Однако, эти утверждения достаточно сложно доказать эмпирически. Если же мы обратимся к фактам, то вывод окажется совсем иным, а именно, что миграция населения может быть важным фактором преодоления бедности. Причина заключается в самой природе миграции. Мигранты редко просто перемещаются из пункта А в пункт Б; их перемещение является сложной системой циркуляции между двумя (а чаще между несколькими) пунктами. Кроме того, мигранты крайне редко являются индивидуумами, существующими в социальном вакууме; они вовлечены в семейные и прочие социальные связи. Мигранты, в отличие от не-мигрантов, нацеленных на максимизацию доходов, действуют в рамках объединенной стратегии, нацеленной на минимизацию рисков. Такова интерпретация миграции с позиций теории «новой экономики» (см., например, Massey et al., 1993; Stark, 1991).

В таком контексте миграцию можно рассматривать как систему, связывающую страны / районы происхождения и назначения мигрантов, причем в этой системе перемещаются не только потоки людей, но также потоки товаров и капиталов. Посредством миграции расширяется ресурсная база домохозяйства, позволяя обеспечить более оптимальную занятость членам семьи, т.к. в менее напряженные периоды сельскохозяйственного цикла они могут найти работу на плантации или в городе. В этой ситуации важны гендерные различия. В тех регионах, где большая часть сельскохозяйственных работ ложится на мужчин, как в Латинской Америке, например, женщины из деревенских семей могут найти работу в городах. И наоборот: там, где в сельском хозяйстве используется преимущественно женский труд, как в Африке, мигрантами становятся мужчины. Диверсификация ресурсной базы, применение разных моделей занятости, использование гендерного фактора — все это используется для сокращения бедности с помощью миграции. Однако в этой стратегии всегда существует опасность эксплуатации мигрантов в странах/районах назначения, а также социальных издержек, связанных с разлучением членов семьи. Эти негативные последствия должны быть сбалансированы возможным повышением статуса мигрантов, которые могут повысить свою квалификацию или получить образование в стране/районе назначения. Здесь в особенной степени проявляется гендерный аспект, поскольку женщины благодаря миграции, даже временной, которая вырывает их из патриархальных отношений, приобретают новый жизненный статус

(see Hondagneu-Sotelo, 1994). Временное отсутствие мужчин, которые перепоручают остающимся женщинам ответственность за хозяйство, также меняет статус женщин и — прямо или косвенно — снижает бедность.

Там, где миграция носит временный, циркулярный характер, она является дополнительным источником экономической поддержки для тех деревень/районов/стран, откуда мигранты выезжают. Однако если мигранты начинают проводить более продолжительное время вне дома, миграция может подрывать демографическую и экономическую ситуацию на их родине. В этой ситуации необязательно возрастет бедность, т.к. могут, например, получить развитие более капиталоемкие формы производства. Даже в тех случаях, когда мигранты проводят более продолжительное время в отъезде, они редко прекращают всякие отношения с родиной: они регулярно приезжают домой, отправляют родственникам подарки и деньги. Вопрос мигрантских денежных переводов имеет важнейшее значение.

Денежные переводы мигрантов, как и многие другие взаимосвязи между миграцией и бедностью, трудно измерить с достаточной точностью. Если не проводятся специальные исследования, оценить масштаб денежных переводов внутренних мигрантов в рамках одной страны практически невозможно. Проводятся оценки объемов международных мигрантских переводов, однако, всем ясно, что через официальные каналы, которые поддаются учету, переводится лишь часть денег, значительные суммы пересылаются неофициальными каналами, через родственников или привозятся по возвращении. Что не подвергается сомнению, так это то, что значение этих переводов огромно. В 1990 г. общая сумма денежных переводов мигрантов по миру составила 71,1 млрд. долл., что ставило их на второе место после доходов от нефти в структуре международной торговли (Russell, 1992). Если рассматривать только денежные потоки из развитых стран в развивающиеся, то их объем за десятилетие удвоился: с 30 млрд. долл. США в 1980-х гг. до 60 млрд. в 1990-х гг. (Martin and Widgren, 2002).

Филиппины являются одной из крупнейших в Азии стран-экспортеров рабочей силы: 7 миллионов филиппинцев живут и работают за рубежом (при общей численности населения страны 78,7 миллионов). В одном лишь 2000 г. более 800 тысяч филиппинских работников были наняты в других странах, а более 6 млрд. \$ поступили в страну в качестве денежных переводов мигрантов (Go, 2002). Денежные переводы мигрантов являются важным источником поступлений и для многих других азиатских стран, экспортирующих трудовые ресурсы, таких как Бангладеш, Индия, Пакистан, Шри-Ланка. В Пакистане они были «важным фактором, позволявшим поддерживать самые высокие темпы экономического роста в Южной Азии в 1970-е–1980-е гг.» (Addleton, 1992, p. 123). В штате Керала в 1990-х гг. переводы составляли 21% дохода штата (Kannan and Hari, 2002, p. 200). Даже во Вьетнаме, который относительно недавно включился в региональный и мировой рынок труда, в 2000 г. около 200 тыс. рабочих

были трудоустроены за рубежом и их денежные переводы составляли примерно \$1,25 млрд. ежегодно (Nguyen, 2002).

К сожалению, статистика по денежным переводам внутренних мигрантов практически недоступна, но они также важны для тех мест, откуда мигранты уехали. Данные Национального миграционного обследования Таиланда показывают, что более четверти уехавших отправляли деньги или товары домой в течение 12 месяцев, предшествовавших обследованию (Osaki, 2002). Обследование также показало, что со временем доля отправляющих деньги домой возрастает и треть тех, кто находился вне дома более 10 лет, все еще осуществляли денежные переводы. Понятно, что число внутренних мигрантов в любой стране больше, чем число уезжающих за рубеж, поэтому можно предположить, что объем пересылаемых ими денег из городов в развивающихся странах весьма значителен, хотя размер перевода в расчете на одного мигранта и меньше просто потому, что за рубежом зарабатывают больше. Исследования по Китаю показали, что в домохозяйствах, в составе которых есть хотя бы один внутренний мигрант, доход «на душу» среди тех, кто остался, возрастает на 14–30 процентов (de Brauw, Taylor and Rozelle 2001, p. 20).

Еще более важным, чем объемы переводов, является то, как они используются и соответственно, какое влияние они оказывают на страны и районы происхождения мигрантов. То, насколько переводы могут способствовать снижению бедности, как раз и является сущностью проблемы «миграция — бедность». Наиболее распространенная точка зрения утверждает, что переводы используются скорее на нужды потребления, чем на инвестирование: на строительство дома, организацию свадьбы и т.п., а не на такие вложения, которые могут реально привести к повышению сельскохозяйственной продуктивности. Кроме того, переводы часто используются для оплаты образования следующего поколения, а в этом уже несомненно проявляется инвестиционная стратегия.

Однако подчас трудно провести четкое разграничение между инвестированием и потреблением. Например, расходы на строительство дома могут послужить стимулом развития местного строительного предприятия, которое увеличит число рабочих мест и увеличит объемы торговли строительными материалами. Даже столь очевидно потребительское вложение переводов, как организация свадьбы, повысит спрос на продукты питания, даст работу местным музыкантам и т.д. Трата денег на свадьбу по сути является одной из важнейших форм инвестиций, поскольку в конечном счете она способствует росту деревни (community), ее продолжению и сохранению за счет следующих поколений. Особенно это важно для отдаленных изолированных районов, куда «не доходят руки» у государства. Таким образом, существуют важные косвенные последствия переводов денег для районов происхождения мигрантов. Наиболее общий вывод исследований использования мигрантских переводов заключается в

том, что семьи мигрантов стремятся использовать полученные деньги с умом и суммарные выгоды существенно превосходят издержки (см., например, Gunatilleke, 1986).

Более трудной задачей является оценить воздействие переводов на неравенство. Мы уже определили, что мигранты, как правило, это выходцы из более состоятельных семей, так что по логике переводы должны еще более усиливать существующее неравенство. Бедность можно измерить долей богатства, контролируемого определенной долей населения, и если наиболее богатые 20% увеличивают свою долю в результате миграции, а наиболее бедные уменьшают свою долю, можно утверждать, что миграция способствует усилению неравенства в обществе. Однако и в этом случае свидетельства противоречивы. В Пакистане, например, несмотря на то, что неравенство между мигрантскими и немигрантскими семьями возросло, эффект от переводов коснулся гораздо большего числа домохозяйств, чем те, которые непосредственно участвовали в миграции (Addleton, 1992). Миграционные потоки, как правило, генерируются определенными районами. И именно эти микро-районы получают в результате больше выгод, чем те, из которых выехали лишь отдельные люди; в результате возрастает региональное и социальное неравенство (Seddon, Adhikari and Gungung, 2002). Однако данные по Таиланду говорят о том, что хотя размер переводов «на душу» семьи в более богатых домохозяйствах больше, чем в более бедных, тем не менее их значение для смягчения бедности может быть гораздо существеннее для последних (Osaki, 2002). Миграция может как смягчать абсолютную бедность среди одних, так и увеличивать ощущение собственной бедности среди других. В конце концов, люди могут лучше питаться благодаря миграции, но одновременно испытывать негодование от того, что соседи живут все лучше. Миграция является важным компонентом в развитии некоторых общественных и революционных движений; эта тема остается крайне мало изученной (Skeldon, 1987). В прошлом в результате таких движений возникали кардинальные перестройки общества, которые приводили к распространению бедности в массовом масштабе.

Заключительным соображением по поводу того, каким образом миграция может смягчать бедность, и возвращающим нас на макро-уровень анализа, является следующее. Уже было отмечено, что мигранты представляют собой наиболее предприимчивую и хорошо образованную группу населения стран / районов выезда. Небольшая часть мигрантов являются торговцами и предпринимателями, которые переносят в свою страну экономический опыт, создавая не только богатство для себя, но также рабочие места для местных жителей, как в странах выезда, так и в странах назначения. Предпринимательство, часто ассоциируемое с определенными этническими группами, например, китайцами или евреями, быть может, является скорее результатом их миграционной подвижности, а

не особых черт, присущих именно этому этносу. Предприниматели являются меньшинством среди мигрантов, «сущностными аутсайдерами» (“essential outsiders”), по выражению Широ и Рейда (Chirot and Reid, 1997), которые создают условия для накопления капитала. Таким образом, миграция, как внутренняя, так и международная, является составной частью общего процесса экономического развития, который ведет в конечном счете к сокращению бедности.

### **Заключение: дилеммы политики**

Эта статья выявила комплекс взаимосвязей между миграцией и бедностью. В большинстве случаев миграция приводит к появлению новых возможностей выживания и сокращения бедности. В то же время передвижения населения часто сопровождаются эксплуатацией и разрывом традиционных связей. Помимо того, что результат миграции далеко не всегда предсказуем, можно высказать некоторые соображения в отношении миграционной политики. Во-первых, необходимо уделять постоянное внимание защите мигрантов, как мужчин так и женщин. Во-вторых, миграция это не новое явление, хотя сейчас и проявляются некоторые новые тенденции. Она присутствовала во все времена и во всех странах. Миграция никогда не прекратится. Правительствам следует понимать, что все попытки контролировать миграцию внутри страны бесперспективны, они могут иметь лишь краткосрочный эффект. Попытки контролировать потоки людей через государственные границы имеют больший успех, но связаны с огромными затратами—финансовыми, социальными и политическими. Вопрос о пограничном контроле вне темы настоящей статьи, но люди, строящие политику, должны четко понимать, отвечает ли ограничение миграции интересам их собственного населения и населения стран происхождения.

Исследования показывают, что мобильность населения усиливает экономический рост и улучшает положение большинства, хотя и не всего населения. Обычно страны с «малоподвижным» населением стагнируют экономически. В докладе, представленном Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Всемирному Саммиту 2002 г., утверждалось, что если страны ЕС, Канада, Япония и США позволили бы мигрантам составить хотя бы 4% своей рабочей силы, переводы в страны происхождения составляли бы от 160 до 200 млрд. долл., сумма большая, чем любое возможное списание долгов (*The Guardian*, 26 August 2002). Быть может, миграция и не может преодолеть все типы бедности, а какие-то даже усиливает, но попытки ограничить или запретить миграцию еще более непродуктивны. Джон Гелбрейт так описал сущность этого: «Миграция является старейшим орудием против бедности. Она отбирает тех, кто активно хочет помочь себе сам. Она хороша для тех стран, куда едут мигранты, но она улучшает состояние с бедностью и в тех странах, откуда



они уехали. Почему люди так отчаянно сопротивляются тому, что объективно хорошо?» (цит. по: Harris 2002, p. 119).

Важно, однако, признать, что миграция связана как с издержками, экономическими и социальными, так и с выгодами. Люди, ответственные за миграционную политику, должны делать все для того, чтобы облегчить условия тех видов миграции, которые в конечном счете ведут к сокращению бедности, и защищать мигрантов от унижений и эксплуатации. Целью настоящей статьи было привлечь внимание к многообразию возможных последствий. Ясно, что взаимоотношения между миграцией и бедностью в динамично развивающихся странах Восточной Азии могут быть иными, чем, скажем, в более застойных странах Тропической Африки. Различия неизбежны даже между государствами одного региона. Не может быть универсальных рекомендаций разработки миграционной политики, как нет универсального взаимоотношения «миграция – бедность», применимого к любой стране и общности. Понимая многообразие возможных последствий, автор повторяет свой вывод, сделанный ранее: «Политика, которая поддерживает большую мобильность населения, и есть политика, нацеленная на улучшение благосостояния людей» (Skeldon 1997 г., p. 3). Более поздние работы других авторов отстаивают ту же точку зрения (см., например, de Naan, 2002; Kothari, 2002), хотя включение признания потенциально позитивной роли миграции в программы сокращения бедности все еще остается на повестке дня.

### Литература

1. Addleton, J. S. (1992) *Undermining the Centre: the Gulf Migration and Pakistan*. Karachi: Oxford University Press.
2. Banister, J. (1987) *China's Changing Population*. Stanford: Stanford University Press.
3. Becker, J. (1996) *Hungry Ghosts: China's Secret Famine*. London: John Murray.
4. Cernea, M. M. (2000) Risks, safeguards, and reconstruction: a model for population displacement and resettlement // In: Cernea M.M. and McDowell C. (eds.) // *Risks and Reconstruction: Experiences of Resettlers and Refugees*. Washington: The World Bank, pp. 11–55.
5. Cernea M.M. and McDowell, C. (2002) Reconstructing resettlers' and refugees' livelihoods // In *Risks and Reconstruction: Experiences of Resettlers and Refugees* // Ed. M.M. Cernea and C. McDowell. Washington: The World Bank. pp. 1–8.
6. Chamrathirong, A, et al. (1995) // *National Migration Survey of Thailand*, Salaya, Institute for Population and Social Research, Mahidol University.
7. Chirot, D. and Reid A. (eds.) (1997) // *Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe*, Seattle, University of Washington Press.

8. De Brauw, A., J. E. Taylor and Rozelle S. (2001) Migration and incomes in source communities: a new economics of migration perspective from China // A paper produced in the Department of Agriculture and Resource Economics, University of California, Davis.
9. De Haan, A. (2002) Migrants, livelihoods, and rights: the relevance of migration in development policies // London, Department for International Development, Social Development Department, Social Development Working Paper No. 4.
10. Go, S. P. (2002) Recent trends in migration movements and policies: the movement of Filipino professionals and managers // Paper presented at the Workshop on International Migration and Labour Market in Asia, Tokyo, Japan Institute of Labor and OECD, 4–5 February.
11. Gunatilleke, G. (ed.) (1986) Migration of Asian Workers to the Arab World. Tokyo: United Nations University.
12. Hambro, E. (1955) The Problem of Chinese Refugees in Hong Kong, Leiden, Sijthoff A. W.
13. Harris, N. (2002) Thinking the Unthinkable: the Immigration Myth Exposed. London: Tauris I. B.
14. Hodagneu-Sotelo, P. (1994) Gendered Transitions: Mexican Experiences of Immigration. Berkeley: University of California Press.
15. Hugo, G. (2002) Introduction // In: Migration and the Labour Market in Asia: Recent Trends and Policies, Paris, OECD, pp. 7-16.
16. ILO (1998) The Social Impact of the Asian Financial Crisis, Bangkok, Regional Office for Asia and the Pacific of the International Labour Organization.
17. Kannan, K. P. and Hari K. S. (2002) Kerala's Gulf connection: remittances and their macroeconomic impact // In: Zachariah K. C., Kannan K. P. and Irudaya Rajan S. (eds.), Kerala's Gulf Connection: CDS Studies on International Migration from Kerala State in India, Thiruvananthapuram, Centre for Development Studies, pp. 199-230.
18. Kothari, U. (2002) Migration and chronic poverty // Chronic Poverty Research Centre, Institute for Development Policy and Management, University of Manchester, Working Paper No. 16.
19. Martin, P. L. and Widgren J. (2002) International migration: facing the challenge // Population Bulletin, vol. 57 (1).
20. Massey, D. S. et al. (1993) Theories of international migration: review and appraisal // Population and Development Review, vol. 19(3), pp. 431-466.
21. Meikle, S. and Youxuan Zhu (2000) Employment for displaces in the socialist market economy of China // In: Cernea M. M. and McDowell C. (eds.), Risks and Reconstruction: Experiences of Resettlers and Refugees. Washington: The World Bank, pp. 127-143.
22. Miller, K. A. (1985) Emigrants and Exiles: Ireland and the Irish Exodus to North America, New York, Oxford University Press.

23. Nguyen, N. X. (2002) International migration of highly skilled workers in Vietnam // Paper presented at the Workshop on International Migration and Labour Market in Asia, Tokyo, Japan Institute of Labor and OECD, 4–5 February.
24. Osaki, K. (2002) Internal migration and remittances in Thailand: economic necessity or social institution? // Paper presented at the IUSSP Regional Population Conference, Bangkok, Thailand, 11-12 June.
25. Russell, S. (1992) Migrant remittances and development // International Migration, vol. 30(3/4), pp. 267–287.
26. Sahlins, M. (1974) Stone Age Economics, London, Tavistock.
27. Seddon, D., Adhikari J. and Gurung G. (2002) Foreign labor migration and the remittance economy // Critical Asian Studies, vol. 34(1), pp. 19-40.
28. Simmons, A. B. (1984) Migration and rural development: conceptual approaches, research findings and policy issues // In: Population Distribution, Migration and Development, New York, United Nations, Department of International Economic and Social Affairs, ST/ESA/SER.A/89, pp. 156–192.
29. Skeldon, R. (1987) Protest, peasants and the proletariat // In: Ghose R. (ed.), Protest Movements in South and South-East Asia, Centre for Asian Studies, University of Hong Kong, pp. 3-18.
30. Skeldon, R. (1990) Population Mobility in Developing Countries: A Reinterpretation, London, Belhaven.
31. Skeldon, R. (1997) Migration and Development: A Global Perspective. London: Longman.
32. Skeldon, R. (1997) Rural-to-urban migration and its implications for poverty alleviation // Asia-Pacific Population Journal vol. 12(1), pp. 3-16.
33. Skeldon, R. (2001) Ageing of rural populations in South-East and East Asia // In: The World Ageing Situation: Exploring a Society for All Ages, New York, United Nations, Department of Economic and Social Affairs, ST/ESA/271, pp. 38-54.
34. Stark, O. (1991) The Migration of Labor. Oxford: Blackwell.
35. Thailand (2002) Advance results from the Population and Housing Census 2000 // at: [www.nso.go.th/pop2000/report/adv\\_e.htm](http://www.nso.go.th/pop2000/report/adv_e.htm)
36. UNDP (1999) Human Development Report of Thailand 1999, Bangkok, United Nations Development Programme.

## Приложение

*Таблица 1. Оценки бедности в отдельных странах  
Азиатско-тихоокеанского региона, 1990–2000 гг.*

Страна	год	удельный вес, %	год	удельный вес, %
<b>Южная и Юго-западная Азия</b>				
Бангладеш	1989	47,8	2000	34,0
Индия	1988	38,9	1999	26,1
Непал	1985	41,4	1996	42,0

Пакистан	1991	22,1	1999	32,6
Шри-Ланка	1991	33,0	1996	39,4
<b>Юго-восточная Азия</b>				
Индонезия	1990	15,1	1999	18,2
Филиппины	1991	45,3	2000	39,4
Таиланд	1990	27,2	1999	15,9
<b>Восточная и Северо-восточная Азия</b>				
Китай	1990	9,4	1999	3,7
Монголия	1992	17,0	1998	35,6
<b>Северная и Центральная Азия</b>				
Армения	1988	18,0	1999	55,0
Грузия	1988	16,0	1999	60,0
Кыргызстан	1988	37,0	1999	55,0
Таджикистан	1988	59,0	1999	83,0

**Источники:** [ESCAP/UNDP Initiative for the Achievement of Millennium Development Goals in Asia and the Pacific, Bangkok, 2002](#); [Growth with Equity: Policy Lessons from the Experiences of Selected Asian Countries, Bangkok, ESCAP, 2002](#); [Poverty Reduction, Growth and Debt Sustainability in Low-income CIS Countries, Washington, World Bank.](#)

**Таблица 2. Официальные оценки количества иностранных работников в некоторых странах Азии, 1996-2001**

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Тайвань		245,697	255,606	278,000	326,515	
Гонконг <sup>1</sup>	164,300	171,000	180,600	193,700	216,790	
Япония <sup>2</sup>	610,000	630,000	660,000	670,000	710,000	
Корея <sup>2</sup>	210,494	245,399	157,689	217,384	285,506	330,194
Сингапур				530,000	612,233	
Индонезия <sup>3</sup>	24,868	24,359	21,307	14,863	16,836	
Малайзия <sup>2</sup>	745,239	1,471,645	1,127,652	818,677	799,685	804,984
Филиппины <sup>3</sup>	4,333	6,055	5,335	5,956		
Таиланд <sup>2</sup>	1,033,863	1,125,780	1,103,546	1,089,656	1,102,612	
Китай <sup>3</sup>	80,000	82,000	83,000	85,000		60,000
Вьетнам <sup>3</sup>					30,000	

**Примечания:** <sup>1</sup> Включает только численность иностранных рабочих, нанимаемых для работы по жому; данные по квалифицированным иностранным работникам отсутствуют.

<sup>2</sup> Включает оценки нелегальных работников. <sup>3</sup> Включает только оценку численности иностранных специалистов, высококвалифицированных работников и учителей.

**Источники:** Country papers presented at the *Workshop on International Migration and Labour Market in Asia*, Tokyo, Japan Institute of Labor and OECD, 4-5 February 2002.

## **МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И СЫРЬЕВАЯ БЕЗРАБОТИЦА (на примере Мурманской области)**

В России на протяжении многих лет проводилась активная миграционная политика по освоению ее северных и восточных территорий. В итоге всех усилий по переселению населения внутри страны была создана мощная сырьевая экономика, способная поставлять на внешние рынки в больших количествах сырье и сырые материалы.

Мировой опыт управления миграционными потоками свидетельствует, что с появлением постоянной армии безработных многие промышленно развитые страны — начиная с 30-х годов XX века — вводят ограничительные законодательные меры по въезду граждан из других стран. Развиваемая высокими темпами в этих странах обрабатывающая промышленность и создаваемые новые отрасли производства требовали все больше квалифицированных работников, способных на практике обеспечить производство новой, вбирающей в себя результаты научных открытий, конкурентоспособной продукции. Первыми начали проводить качественный отбор высококвалифицированных специалистов для своих нужд США, где принятый в 1965 г. новый иммиграционный закон возвел политику привлечения «чужих умов» в ранг государственной политики. Чуть позже подобную политику начинают проводить другие развитые страны, а в последние годы и ряд других государств.

После развала Советского Союза значительная часть советских ученых и специалистов устремились на Запад для реализации своих потенциальных профессиональных возможностей и улучшения материального положения. В результате только финансовые ежегодные потери (включая потенциальные) России, как отмечают российские и зарубежные эксперты, составили около 50 млрд. долл. (см., например, Ушкалов, Малаха, 1999; Ионцев, 2001). Причин тому множество. Отметим только те, которые связаны с темой статьи. В результате проведенной приватизации почти все добывающие предприятия перешли в частные руки и получаемая природная рента оказалась в распоряжении акционеров. Для подобных собственников стало выгоднее получаемое сырье направлять, в основном, на экспорт, а не на отечественные перерабатывающие предприятия. За короткий промежуток времени на этих предприятиях произошло массовое высвобождение специалистов высокой квалификации. Сокращение объемов производства обрабатывающими предприятиями объективно повлияло также на уменьшение проводимых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в этой сфере. Научные работники стали терять работу, и часть из них начала мигрировать за рубеж. Как бы мы ни относились к этому явлению, все же наши ученые получают там работу и лучшие условия для своей научной деятельности, чем у себя на Родине.

Стабильно низкая оплата труда научных работников и жалкое пенсионное обеспечение в будущем толкают наших ученых и специалистов на эмиграцию в другие страны, в том числе и в страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, демонстрирующие в последнее время высокие темпы экономического развития.

Многие высококвалифицированные исследователи экономических проблем Российской Федерации приходят к одному существенному выводу. Имея монопольное право на созданную на протяжении многих лет природную ренту, Советскому Союзу удалось создать передовую фундаментальную науку и мощный интеллектуальный потенциал, а также реализовать миграционную программу по заселению и освоению отдаленных и труднодоступных регионов страны. Но реализовать этот научный и технический потенциал для обеспечения высоких темпов качественного экономического роста страны власти так и не смогли.

Поспешная приватизация сильно повлияла на экономическую и демографическую ситуацию в районах Крайнего Севера. Теряя работу, люди были вынуждены покидать северные регионы, где нет возможности использовать, например, приусадебные участки для пропитания и выживания, как это имеет место в средней полосе России и ее южных регионах. В этих условиях возросла актуальность исследования вопросов появления сырьевой безработицы как результата переориентации сырьевых потоков с внутреннего рынка на внешние. При этом необходимо изучить «вынужденную» миграцию высококвалифицированных специалистов из районов Крайнего Севера, связанную с сырьевой безработицей. Так, на первоначальном этапе рыночных преобразований резко сократилась загруженность мощностей перерабатывающих предприятий в Мурманской области. В результате новой политики многие работники перерабатывающих предприятий потеряли работу и пополнили армию безработных. Население в трудоспособном возрасте начало в массовом порядке покидать Кольский край, переезжая в более благополучные регионы страны или за ее пределы (Более подробно см.: Чернов, 2006).

Необходимо осознать и обратную сторону создавшейся ситуации. Если мы не станем развивать современную высокотехнологичную перерабатывающую промышленность и новые наукоемкие отрасли, то потребность в поддержке государством качественного образования и фундаментальной науки отпадет сама по себе.

Поставляя сырье другим странам, мы тем самым создаем условия для бурного экономического развития отдаленных регионов этих стран и создания там дополнительных рабочих мест. Так, российские поставки необработанной трески в Норвегию стали мощным толчком развития перерабатывающей промышленности на севере этой страны, притоку трудовых мигрантов из Швеции, Финляндии и других стран, в том числе и из России, что привело к заметному повышению качества жизни людей, проживающих в этом регионе. В 1998 году в эту страну было поставлено 114

600 тонн трески, 11 000 тонн пикши, 2 788 тонн окуня, 1 199 тонн палтуса, 3 930 тонн зубатки. В последующие годы поставки рыбы, выловленной в российских водах, еще более возросли. Для переработки такого количества поставляемого российского сырья в Северной Норвегии было построено свыше двадцати трех новых рыбоперерабатывающих фабрик, на которых работало свыше тысячи человек из Швеции, Финляндии и других стран ЕС, в том числе и самой Норвегии.

В то же время из-за снижения поставок рыбы-сырца на перерабатывающие предприятия Мурманской области произошло сокращение рабочих мест в этих организациях. Только за последние годы в службу занятости по Мурманской области обратилось несколько сотен рыбообработчиков. Они не могли найти работу по специальности, что в конечном итоге повлияло на увеличение численности безработных и социальную напряженность в регионе. Это и есть сырьевая безработица, и возникает она не в результате нехватки сырья, а в результате вывоза его за рубеж. При этом создаются объективные условия для привлечения безработных российских специалистов на перерабатывающие предприятия соседних государств. Другими словами, происходит отток высококвалифицированных специалистов из России за рубеж.

Сказанное касается не только отрасли рыбодобычи и рыбопереработки. Аналогичная ситуация складывается в ряде других добывающих отраслей. Непродуманное реформирование российской экономики и бесконтрольная деятельность «новых бизнесменов» порождает массу проблем, решение которых в будущем потребует значительных сил и времени. В результате увеличения вывоза сырья за границу и сокращения его поставок на внутренний рынок возникает сырьевая безработица в лесоперерабатывающей промышленности и в других отраслях, связанных с переработкой сырья и сырых материалов. При этом экспорт их не только не снижается, а наоборот, увеличивается. Страна трудно выходит из затянувшегося системного кризиса. В этих условиях намерение властей провести мероприятия по экономии государственных средств, резко сокращая финансирование по поддержанию жизнедеятельности в Северных регионах, лишь усугубляет отток специалистов из районов Крайнего Севера и Арктики.

В настоящее время Россия формирует экономику рыночного типа, для которой характерной должна быть высокая мобильность трудовых ресурсов. С этой точки зрения заслуживает внимания теория сегментированного рынка труда. Суть этой теории в следующем. На постиндустриальных этапах экономического развития в странах с рыночной экономикой происходит деление рынков рабочей силы на две части. Рабочие места в первом секторе обеспечивают стабильную работу и высокую оплату труда и обладают определенной привлекательностью для национальной рабочей силы (адвокаты, управленцы, бизнесмены, хирурги, банковские работники, юристы, экономисты в крупных компаниях и т.д.).



Вторичный сектор предлагает рабочие места с низкой оплатой труда, недостаточной стабильностью, непрестижностью и тем самым отталкивает национальную рабочую силу, порождая структурный спрос на рабочих-мигрантов. Для такого мегаполиса, например, как Москва, где происходит концентрация финансовых, управленческих, административных и технических функций, важным моментом является возникающий в результате экономического развития мощный производственный спрос на водителей общественного транспорта, работников строительства и коммунального хозяйства, рабочих предприятий материального производства. На эти рабочие места москвичи не стремятся попасть, предпочитая работать в банковской сфере, государственном управлении и других престижных местах. Будучи не в состоянии привлечь местную рабочую силу, работодатели приглашают мигрантов, используя для этих целей легальные и нелегальные схемы трудоустройства.

По всей видимости, будет меняться, при практической реализации, разработанная Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, одобренная Правительством РФ от 1 марта 2003 г. №256. Во-первых, утверждение о том, что рыночный механизм предопределяет необходимость осуществления государственного управления миграционными процессами на основе обеспечения прав граждан на свободу передвижения, столкнется с простой проблемой: отсутствием в стране свободного и нормально функционирующего рынка жилья. Во-вторых, для успешной реализации предлагаемой Концепции необходимо было четко обозначить источники и объемы финансирования разрабатываемых программ по миграции населения. Важным представляется и анализ государственной политики по регулированию трудовой миграции, особенно с учетом того, что международная трудовая миграция в последние годы имеет все возрастающие масштабы и создает перед многими государствами комплекс сложных, трудноразрешимых и многоплановых проблем. Многие экономически развитые и привлекательные для мигрантов страны не в состоянии надлежащим образом контролировать увеличивающийся поток прибывающих людей на заработки и постоянное место жительства. Борьба с нелегальными мигрантами с помощью запретительных мер не дает желаемого результата и требует значительных финансовых средств на их выявление и депортацию. Неспособность миграционных властей решить проблему нелегальной миграции в свою страну ограничительными и регулирующими методами ставит на повестку дня выработку новых подходов и новых инструментов миграционной политики.

Важным фактором по привлечению иностранной рабочей силы является ее количественное квотирование. Такой механизм отбора мигрантов положительно апробирован во многих развитых странах и в настоящее время используется в России с целью регулирования миграционных потоков. Квоты на количество въезжающих могут вводиться как для всей экономики страны с последующим распределением их по

регионам страны в соответствии с поданными заявками, так и в виде ограничения на общее количество иммигрантов, прибывающих в страну в течение одного года. Количественное квотирование, используемое для привлечения иностранной рабочей силы, является эффективным механизмом управления миграцией и обычно подкрепляется соответствующими законами.

Что касается сырьевой безработицы, еще раз подчеркнем, что она появляется в результате переориентации потоков сырья и сырьевых материалов с внутреннего потребления на внешние рынки. Увеличение поставок сырья на экспорт происходит за счет недопоставок его на перерабатывающие предприятия внутри страны. Из-за нехватки сырья происходит сокращение объемов производства перерабатывающих предприятий и высвобождение квалифицированных работников, которые пополняют армию безработных. Если брать районы Крайнего Севера, то сокращение работников на предприятиях в этих регионах в результате спада производства объективно порождает миграционный отток населения. Люди, потерявшие работу, стараются при малейшей возможности мигрировать в более благополучные регионы страны. Ситуация усложняется тем, что уезжает с Севера в основном население в трудоспособном возрасте. Пенсионеры такой возможности зачастую не имеют и продолжают жить в районах Крайнего Севера, создавая, таким образом, социальную напряженность в регионах. Данная проблема недостаточно изучена в российской экономической науке и требует дополнительного внимания. Нами предлагается формула для определения численности безработных, потерявших работу в результате спада производства в перерабатывающих отраслях, в связи с сокращением поставок сырья. Она имеет следующий вид:

$$Ч_{\text{СкБк}} = \frac{\sum_{j=1}^l \sum_{i=1}^n q_{ijk} \cdot t_{ijk}}{\Phi_{\text{р.в.к}}},$$

где  $Ч_{\text{СкБк}}$  — численность работников занятых переработкой сырья, чел.;  $q_{ijk}$  — количество обработанной продукции  $i$ -го вида в  $j$ -ой отрасли в  $k$ -ом году;  $t_{ijk}$  — затраты труда на производство единицы продукции  $i$ -го вида в  $j$ -ой отрасли в  $k$ -ом году, чел.-часов;  $\Phi_{\text{р.в.к}}$  — годовое рабочее время при 36-часовой рабочей неделе, час.

Проведенные нами расчеты показывают, что за время с 1992 года по 2003 год число работников, потерявших работу в результате сокращения объемов перерабатываемого сырья в рыбной отрасли Мурманской области, составило около трех тысяч. В число безработных входит и некоторая часть управленческих работников и служащих, высвобождаемых в результате направления сырья и сырьевых материалов не на перерабатывающие предприятия страны, а на внешние рынки. Мощности добывающих

предприятий за время реформ изменились незначительно. Но в то же время на перерабатывающих предприятиях произошел резкий спад производства. Это обусловило, как мы уже отмечали, миграцию из России.

С точки зрения использования трудовых ресурсов в Северном регионе важно определить крупные инвестиционные строительные и промышленные проекты будущего, которые потребуют много рабочей силы. При подготовке к осуществлению таких крупных проектов становится очевидным потребность в разработке новых договоренностей между службами занятости стран Баренц–региона<sup>1</sup> по свободному перемещению квалифицированной рабочей силы между странами, входящими в Баренцев Евро-Арктический регион. Такие подходы повлияют на снижение уровня безработицы, в том числе и сырьевой, и создадут условия для обеспечения в будущем специалистами организаций, занимающихся освоением месторождений на Арктическом шельфе.

Необходимо отметить наметившийся спад в добыче основных минеральных ресурсов страны. Сокращение объемов добычи природного газа на месторождениях Западной Сибири возможно компенсировать, осваивая уже разведанные месторождения на шельфе арктических морей, из которых четыре газоконденсатных месторождения (Штокмановское, Ледовое, Русановское и Ленинградское) относятся к категории уникальных с оцениваемыми запасами каждого более чем в 500 млрд.м<sup>3</sup>. Впервые о возможном освоении Штокмановского месторождения и поставках полученного сжиженного природного газа на экспорт, в частности, в США, заявила осенью 2002 года транснациональная российская компания «Газпром». Разработанный компанией проект имеет долгосрочный характер и при успешной реализации существенно повлияет на миграционные потоки. Потребуется квалифицированные специалисты. И решить вопрос обеспечения кадрами объекты строительства возможно только в том случае, если наряду с местной рабочей силой будут привлечены работники необходимых специальностей из других регионов страны, а также из-за рубежа. Важным фактором в реализации столь крупного инвестиционного проекта может сыграть наметившийся положительный опыт сотрудничества по реализации совместных проектов в энергетической сфере между Россией и США. По итогам саммита президентов Путина и Буша было подготовлено заявление о планах совместного освоения компаниями двух стран Штокмановского газоконденсатного месторождения. Начало работ намечено на 2008 год с тем, чтобы в 2010—2012 г. организовать широкомасштабные поставки сжиженного природного газа на североамериканский рынок. Для обеспечения таких поставок планируется построить в Мурманской области завод по производству сжиженного газа. По оценкам специалистов, стоимость реализации проекта по освоению Штокмановского месторождения составит

---

<sup>1</sup> Баренц-регион, или Баренцев Евро–Арктический регион — это регион, который, помимо России, включает в себя Норвегию, Швецию, Финляндию и Исландию.

более 10 млрд. долларов. Реализация таких крупных объектов несомненно окажет влияние на трудовую миграцию и сократит отток населения с Крайнего Севера.

Все более очевидно проявляется необходимость разработки государственной региональной программы по оказанию содействия в трудоустройстве специалистов и работников, которые будут прибывать в Мурманскую область в связи с реализацией намеченных и отобранных инвестиционных проектов.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Сырьевой потенциал страны создавался на протяжении длительного периода времени и огромными усилиями с помощью привлечения трудовых ресурсов из других регионов страны. Строительство гигантов тяжелой индустрии и предприятий по производству сырья для других отраслей потребовало огромных капитальных вложений. В Заполярье были построены такие крупные градообразующие предприятия, как горно-металлургический комбинат «Печенганикель» (г. Заполярный), комбинат «Североникель» (г. Мончегорск), Ковдорский горно-обогатительный комбинат (г. Ковдор), производственное объединение «Апатит» (г. Апатиты). Это были крупные государственные инвестиционные проекты своего времени. Реализованы они были за счет привлечения специалистов из других регионов страны и использования валютной выручки от экспорта сырья. Только за 1925/26 – 1927/28 гг. экспорт позволил получить более 7,7 млрд. рублей. Таким образом, за счет промышленной колонизации государство решало стратегические задачи своего присутствия в северных регионах.
2. Для привлечения людей в районы Крайнего Севера и закрепления их на этих территориях для постоянного проживания была создана система государственных льгот и гарантий, которая себя полностью оправдала в то время и, по нашему мнению, должна быть сохранена в рыночных условиях.
3. За счет централизации финансовых ресурсов в рыбной отрасли государству удалось в короткий срок создать мощный океанический рыболовный флот и инфраструктуру по обслуживанию добывающих предприятий. В настоящее время основные производственные фонды имеют износ 60 процентов и выше. Для обновления флота и строительства новых судов государству необходимо законодательным путем выработать механизм, побуждающий мелких судовладельцев объединяться в крупные компании, с целью строительства судов стоимостью 20 млн. долларов и выше для ведения промысла в открытых районах Мирового океана.
4. Государству необходимо выработать долгосрочную программу по сокращению вывоза сырья и сырых материалов на внешние рынки и предусмотреть в ней возможность стимулирования экспорта готовой

продукции, используя для этого рыночные инструменты. На первых порах следует ограничить поставки в другие страны, например, круглого леса и рыбы-сырца. Это объективно повлияет на становление и развитие деревообрабатывающей и рыбоперерабатывающей промышленности, что в конечном итоге скажется на снижении уровня сырьевой безработицы. Учитывая тот факт, что предприятия такого профиля в основном расположены в районах Крайнего Севера, в Сибири и на Дальнем Востоке, это будет способствовать сокращению оттока населения из этих регионов.

5. Для эффективного регулирования миграции российских ученых их следует приравнять по статусу к государственным гражданским служащим, что укрепит их авторитет и материальное положение. Такой подход к решению проблемы «утечки умов» позволит России выступать не только в качестве поставщика научных кадров в другие страны, но и привлекать опытных зарубежных научных специалистов для участия их в реализации крупных инвестиционных проектов на территории страны.

### Литература

1. Ионцев В.А. (2001) Международная миграция. Приложение к журналу «Миграция населения». М.
2. Каменский А.Н. (1999) Проблемы международного трудового обмена и России. М.: Московский научный общественный фонд.
3. Красинец Е.С. (1997) Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М.: Наука.
4. Мир в зеркале международной миграции. Сборник статей. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс, 2002.
5. Трудовая миграция. Вопросы управления и защиты прав трудящихся-мигрантов в России: Сборник статей. Научная Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 14. Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: ТЕИС, 2005.
6. Ушкалов И., Малаха И. Утечка умов: масштаба, причины, последствия. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
7. Чернов А.С. (2006) Миграция населения и сырьевая безработица. Апатиты.

## **ПОСЛЕ ИСХОДА: ПОСТСОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ<sup>1</sup>**

Только за 1970–2003 гг. с территории бывшего Советского Союза за его пределы выехало около 1,85 млн. евреев и членов их семей. Большинство из них (свыше 1,1 млн., т.е. 60%) первоначально направились в Израиль. Однако не все обосновались там. Так, по данным официальной израильской статистики к 2003 г., число тех из них, кто прибыли начиная с 1990 г., а затем покинули Израиль на срок более одного года и не вернулись, составило 58,4 тыс. человек (около 6%) (Tolts, 2003a, с. 89).

Понятно, что в этот значительный миграционный поток входили часто те, кто прежде не идентифицировали себя как евреи в советских переписях населения и не относились властями в бывшем СССР к лицам данной национальности. Потому нахождение числа евреев во всем современном мире, имеющих корни в бывшем Советском Союзе, и определение их расселения по странам совсем не простая задача.

### **Исходная база расчета**

Данные советских переписей населения основывались целиком на самоидентификации респондентов и считаются «хорошим примером эмпирически измеренного “ядра” еврейского населения в рамках диаспоры» (Schmeltz 1995, p. 481). Переписчики не требовали никаких документальных свидетельств, подтверждающих ответы на любые вопросы переписи. Более того, относительно определения этнической принадлежности (национальности), в переписных инструкциях специально отмечалось, что записывается та национальность, которую указывает сам опрашиваемый<sup>2</sup>. Однако большинство специалистов разделяют мнение, что данные советских переписей о численности взрослого еврейского населения отражают ответы, которые в основном соответствовали «официальной» национальности, записанной во внутренних паспортах (См., например: Altshuler 1987, с. 21–24; Gitelman 1994, с. 40).

«Ядро» еврейского населения — это совокупность тех, кто в ответ на вопрос об их этнической принадлежности идентифицируют себя как евреи, а в случае детей, определены как евреи их родителями. «Ядро» не включает лиц еврейского происхождения, которые называют иную национальность в ходе переписи. В демографии евреев используется также более широкая категория – «расширенное» еврейское население; она включает всех членов

---

<sup>1</sup> Подготовлено на основе переработанного и расширенного раздела публикации автора на англ. языке, посвященного рассматриваемой проблеме: Tolts 2004.

<sup>2</sup> Национальность детей определялась их родителями. Подробно об учете национальности в советских переписях см., например: Silver 1986. с. 70–97; Bondarskaya 1993, с. 333–361.

домохозяйств, в которых хотя бы одно лицо входит в «ядро» еврейского населения (см.: DellaPergola 2002, с. 807–808). В современной России «расширенное» еврейское население значительно больше «ядра» еврейского населения. В конце 1970-х гг. соотношение между «расширенным» еврейским населением и его «ядром» было 1,5: 1; в конце 1980-х гг. оно возросло до 1,6 : 1, а по данным российской микро-переписи 1994 г. уже достигло 1,8 : 1 (Tolts 2001, с. 112)<sup>3</sup>. Однако круг лиц, имеющих право получить разрешение на иммиграцию в Израиль (алия) в соответствии с израильским Законом о возвращении еще шире; право на репатриацию по этому закону имеют евреи, их дети и внуки – все со своими законными супругами<sup>4</sup>.

Согласно подходу, утвердившемуся в демографии евреев, те, кто приняли другую религию и таким образом отказались от национальной религии — иудаизма, «выпадают» из «ядра» еврейского населения. Однако в подавляющем большинстве постсоветских стран нет достоверной статистической информации об этом.<sup>5</sup> В то же время известно, что определенное число случаев такого рода отмечалось специальными монографическими исследованиями (См, например Deutsch 2004). Более того, в России и Украине опросы еврейского населения выявили, что свыше 10% считают христианство наиболее привлекательной религией (Gitelman, 2003, с. 51). Следует также отметить, что специальное исследование в Санкт–Петербурге показало, что все те, у кого оба родителя евреи, даже приняв христианство, продолжают идентифицировать себя как евреи (Винер, 2004, с. 196). Таким образом, очевидно, что оценки «ядра» еврейского населения, основанные на данных постсоветских переписей, из-за тех, кто входит в эту специфическую категорию, оказываются несколько завышенными.

По данным переписи населения 1970 г., дата проведения которой близка к началу массовой эмиграции советских евреев, в СССР проживали примерно 2,15 миллионов человек, которых можно отнести к «ядру» еврейского населения. Естественно принять это число в качестве исходной цифры нашего расчета.

---

<sup>3</sup> Согласно оценке, основанной на российской микро-переписи 1994 г., включающей в «расширенное» еврейское население детей от смешанных браков, которые не идентифицировали себя как евреи и проживали отдельно от родителей-евреев, соотношение между «расширенным» еврейским населением и его «ядром» было ненамного больше – 1,94: 1 (Andreev 2002, с. 148).

<sup>4</sup> Подробнее об израильском Законе о возвращении и его демографических аспектах см.: Tolts 1999, с. 6–10.

<sup>5</sup> Даже, если такие данные имеются, они относятся к меньшинству еврейского населения страны. Так, среди всех лиц, учтенных эстонской переписью 2000 г. как евреи в возрасте 15 лет и старше, только 19,8% назвали себя последователями определенной веры, но из них лишь 11,0% указали иудаизм, а 7,5% – отметили христианство как свою религию (Statistics Estonia. 2000).

## Два основных фактора динамики

Для того чтобы определить дальнейшую динамику, мы должны оценить превышение числа смертей над количеством рождений для рассматриваемого населения, а также масштаб «присоединения» лиц этнически смешанного происхождения к его «ядру» в связи с миграцией. Ясно, что второй из этих основных факторов динамики частично компенсировал отрицательное действие первого. Все другие факторы, включая изменение этнической самоидентификации лиц смешанного происхождения, остающихся в странах бывшего СССР, не могут идти в сравнение с упомянутыми двумя основными факторами по их значимости. Пожалуй, лишь только одна значительная группа лиц смешанного происхождения была склонна к смене этнической принадлежности — это те, кто решил мигрировать, прежде всего, в Израиль. Однако они в период массовой эмиграции покидали бывший Советский Союз очень быстро и стали частью «ядра» еврейского населения за рубежом, в основном в Израиле.

Таким образом, для нахождения современной численности «ядра» еврейского населения всего мира, имеющего свои корни в бывшем Советском Союзе, следует подробно рассмотреть оба названных основных фактора его динамики. В качестве первого шага мы должны оценить сокращение численности этого населения за счет превышения числа смертей над количеством рождений. Согласно данным переписей между 1970 и 1989 гг. численность евреев в СССР снизилась на примерно на 700 тыс. чел. За этот период около 291 тыс. евреев и членов их семей эмигрировали из Советского Союза<sup>6</sup>. Разница между приведенными двумя цифрами дает нам, как первое приближение, оценку в примерно 409 тыс. чел. для естественной убыли рассматриваемого еврейского населения. Однако, конечно, не все эти эмигранты относились к его «ядру». Если мы допустим, что хотя бы 10% из них не принадлежали к «ядру» еврейского населения, тогда оценка отрицательного баланса рождений и смертей окажется еще выше — 438 тыс. чел.

Для подавляющей части последующего 15-летнего периода ранее нами были уже подготовлены прямые оценки для двух крупнейших постсоветских государств: отрицательный баланс числа рождений и смертей определен для Украины в 1989–2001 гг. в 86 тыс., для России в 1989–2002 гг. в 134 тыс. (Tolts 2005, с. 23, 25). Продолжая расчеты, мы приходим к оценке естественной убыли «ядра» еврейского населения этих двух стран в 1989–2003 гг. в 233 тыс. В остальных постсоветских государствах в течение всего 15-летнего периода баланс естественного движения «ядра» еврейского населения был также отрицательным. (Двумя

---

<sup>6</sup> Включая все страны, куда мигранты выезжали по израильской визе. См.: Altshuler 1987, с. 62; Florsheim 1989, с. 30. Данные об эмиграции с территории бывшего Советского Союза евреев и членов их семей за весь период до 2005 даны в Приложении 1.



исключениями являются Узбекистан, где число смертей среди евреев превысило количество детей, рожденных еврейками, в 1990 г., и Таджикистан, где это произошло лишь в 1992 г.) (Tolts, 2003b, с. 192). Исходя из всего приведенного, за весь период 1970–2003 гг. снижение численности «ядра» еврейского населения за счет превышения числа смертей над количеством рождений может быть приблизительно оценено в 0,7 млн. (см. табл. 1).

*Таблица 1. Динамика численности «ядра» еврейского населения, имеющего корни в бывшем СССР, 1970–2004 гг., млн. чел.*

Динамика	Число
«Ядро» еврейского населения в СССР, 1970 г.	2,15
Снижение численности «ядра» за счет превышения числа смертей над количеством рождений, 1970–2003 гг.*	-0,7
«Включение» лиц этнически смешанного происхождения в «ядро» еврейского населения в связи с миграцией**	+0,15
«Ядро» еврейского населения, имеющего свои корни в бывшем СССР, 2004	1,6

**Примечание:** \* Число «эффективных еврейских» рождений минус число смертей среди еврейского населения. Мы понимаем под «эффективными еврейскими» рождениями те, в которых новорожденные идентифицированы как евреи; \*\* Преимущественно при миграции в Израиль. Оценка на основе расхождений в ежегодных данных о доле евреев среди мигрантов в эту страну, возникающих вследствие различных критериев, применяемых в Израиле и в бывшем СССР. См таблицу 2.

**Источники:** данные переписи населения СССР 1970 г.; оценки автора.

Среди иммигрировавших в Израиль бывших советских граждан баланс между числом рождений и смертей является положительным, однако не все въехавшие — евреи. Как следствие этого, например, в 2002 г. среди 10.596 рождений, зарегистрированных у женщин, иммигрировавших после 1990 г. из стран бывшего СССР, только 7603 приходилось на матерей-евреек. Общее же число смертей среди этих иммигрантов в том же году составило немногим более 7 тыс. (Israel CBS 2003, таблицы 3.13 и 3.14; Sicron 2003, таблица 4). В то же время для иммигрантов из бывшего Советского Союза в США и Германии характерен отрицательный естественный прирост, численный размер которого, впрочем, неизвестен. Поскольку эти факторы частично компенсируют друг друга и несомненно составляют гораздо меньшую величину по сравнению с негативным балансом числа рождений и смертей среди евреев в государствах бывшего Советского Союза, мы можем абстрагироваться от них в наших расчетах.

В качестве следующего шага мы должны оценить также вклад второго основного фактора динамики. Ведь, как уже отмечалось, естественная убыль частично компенсировалась «включением» лиц этнически смешанного происхождения в «ядро» еврейского населения в связи с миграцией. Это «включение» вследствие изменения их этнического статуса

может быть оценено исходя из расхождений в данных о доле евреев среди мигрантов в Израиль, возникающих вследствие различных критериев, применяемых в бывшем СССР и в Израиле.

Израильская статистика исходит из религиозного определения (Галахи), согласно которому евреями считаются все те среди иммигрантов, кто имели мать еврейку или приняли иудаизм. Наследование по материнской линии принадлежности к еврейству существенно расширяет круг лиц, регистрируемых в качестве евреев. Для того, чтобы официально считаться евреем, в Израиле достаточно иметь бабушку еврейку по линии матери, впрочем, и прабабушки может быть достаточно. При той дефиниции этнической / религиозной принадлежности, как в израильском Законе о возвращении, только переход в другую религию может оборвать наследование еврейства.

*Таблица 2. Доля евреев среди мигрантов в Израиль из Российской Федерации и из всех государств бывшего СССР по данным двух различных статистических источников, 1990–2002 гг., %*

Год	Из Российской Федерации		Из всех государств бывшего СССР
	По данным Росстата *	По данным ЦСБ Израиля **	По данным ЦСБ Израиля **
1990	...	94	96
1991	...	87	91
1992	64***	82	84
1993	60	82	83
1994	58	77	77
1995	53	73	72
1996	49	67	68
1997	36	60	60
1998	31	55	54
1999	31	51	50
2000	27	47	47
2001	25	45	44
2002	23,5	43	43

**Примечание:** \* От общего числа эмигрантов в Израиль, чья этническая принадлежность была известна; \*\* От общего числа иммигрантов, въехавших в Израиль в соответствии с Законом о возвращении, чья этническая / религиозная принадлежность была официально установлена; \*\*\* Данные за вторую половину года.

**Источники:** данные Росстата и ЦСБ Израиля.

В то же время евреи в определении статистики в бывшем СССР – это только те эмигранты, национальность которых именно так была зафиксирована в их внутренних паспортах в возрасте 16 лет. Этническая принадлежность детей, у которых нет паспортов, определялась по национальности их родителей. Если родители принадлежали к разным этническим группам, предпочтение в миграционной статистике отдавалось национальности матери, хотя даже после распада Советского Союза

наблюдалось очевидное предпочтение нееврейской этничности для детей от смешанных браков (Волков, 1989; Tolts, 1996, с. 15).

Одним из последствий демографического кризиса среди еврейского населения на постсоветском пространстве и растущего числа смешанных браков является значительное сокращение доли евреев среди иммигрантов в Израиль из государств бывшего СССР в соответствии с официальными данными израильской статистики: с 96% в 1990 г. до 72% в 1995 г., 47% в 2000 г. и, наконец, до 43% в 2002 г. Примерно такое же снижение отмечалось в отношении иммигрантов из Российской Федерации<sup>7</sup>. Одновременно, согласно данным официальной российской статистики, доля евреев среди эмигрантов в Израиль упала с 64% во второй половине 1992 г. до 53% в 1995 г., 27% в 2000 г. и 23,5% в 2002 г. (см. табл. 2). Понятно, что отмеченные различия в критериях определения этнической принадлежности, принятые в Израиле и государствах бывшего СССР, и вызывают столь большие расхождения в приведенных данных<sup>8</sup>.

Очевидно, что некоторые из иммигрантов, которые считались евреями в соответствии с их прежними советскими паспортами (а также по данным переписей населения), если это дети отца-еврея и матери-нееврейки, не попадают как евреи в израильскую статистику, которая определяет еврея как рожденного матерью-еврейкой. Тем не менее, гораздо большее число иммигрантов в Израиле официально сменили этнический статус в противоположном направлении. Это все те, лица смешанного происхождения у кого мать-еврейка, притом, что многие из них никогда прежде не идентифицировали себя как евреи и не относились властями в бывшем СССР к лицам данной национальности. Исходя из вышеприведенных данных, можно предположить, что число таких иммигрантов составляет примерно 0,15 млн. чел. или даже более.<sup>9</sup> Этот фактор этнической динамики замедлил сокращение численности «ядра» постсоветского еврейского населения в мире и еще более увеличил его величину в Израиле.

Суммируя наши оценки, берущие в качестве исходной точки данные советской переписи 1970 г. (см. таблицу 1), мы приходим к результату, согласно которому в начале 2004 г. численность «ядра» еврейского населения, имеющего свои корни в бывшем Советском Союзе составляла во всем мире примерно 1,6 млн. человек.

---

<sup>7</sup> Те же тенденции отмечены в отношении иммигрантов из других постсоветских государств. См., например: Рисс и Клопшток 2002. с. 348–350.

<sup>8</sup> Подробно об отличиях в учете миграции из Российской Федерации в Израиль, характерных для статистики этих двух стран, см.: Тольц 2002, с. 196-210.

<sup>9</sup> В то же время количество официальных переходов в иудаизм в Израиле незначительно. Так, в 2002 г. лишь 890 иммигрантов-неевреев из постсоветских стран стали иудаистами и официально получили статус еврея, а в следующем 2003 г. таких случаев было немногим больше – 918 [Гаарец (Тель-Авив). 22 ноября 2004 г. с. 1А].

### Распределение по странам мира

Согласно нашим оценкам, в начале 2004 г. примерно половина «ядра» постсоветского еврейского населения проживала в Израиле, менее четверти оставались в государствах бывшего СССР, а остальные обосновались преимущественно в США и Германии (таблица 3).

*Таблица 3. Распределение «ядра» постсоветского еврейского населения по странам мира, 2004 г., млн. чел.*

Страна	Численность
Израиль	0,8
бывший СССР	менее 0,4
США	0,3
Германия	менее 0,1
Всего	1,6*

**Примечание:** \* включая все другие неперечисленные страны; о Канаде – см. текст.

**Источники:** Таблица 1 настоящей статьи; оценки автора.

Для США приведенная цифра в 0,3 млн. представляет собой лишь незначительную часть от общей численности «ядра» еврейского населения этой страны, которая достигает 5,3 млн. (Ср.: DellaPergola 2004, с. 502). Наша оценка вполне соответствует количеству взрослых иммигрантов-евреев (252 тыс.), проживавших в США, которые въехали из Советского Союза и постсоветских стран после 1970 г. по данным Национального обследования еврейского населения [National Jewish Population Survey (NJPS)] 2000–2001 гг.<sup>10</sup> После 11 сентября 2001 г. роль США как страны назначения в постсоветской еврейской эмиграции резко упала: в 2002 г. и в 2003 г. лишь около 2,5 тыс. и 1,6 тыс. новых мигрантов соответственно были зафиксированы как получившие поддержку со стороны Общества помощи еврейским иммигрантам [Hebrew Immigrant Aid Society (HIAS)]<sup>11</sup>. В то же время недавние мигранты из пост-советских стран в Германии (89,8 тыс.) составили примерно 88% от общего числа зарегистрированных членов еврейских общин этой страны<sup>12</sup>.

В начале 2004 г. численность «ядра» еврейского населения во всех бывших советских республиках насчитывала менее 0,4 млн. чел., из

<sup>10</sup> NJPS 2000-2001. Jews from the Former Soviet Union (FSU): Reconciling Estimates from NJPS and the Hebrew Immigrant Aid Society (HIAS). Available: [http://www.ujc.org/content\\_display.html?ArticleID=84102](http://www.ujc.org/content_display.html?ArticleID=84102); характеристики взрослого еврейского населения, иммигрировавшего США из бывшего СССР, приведены в материалах этого обследования – см.: Ament 2004.

<sup>11</sup> HIAS. Arrival Statistics. Available: <http://hias.org/news/Statistics/arrival.php>. В последующем их число сократилось еще более: в 2004 г. – до 1,1 тыс; в 2005 г. – до 0,9 тыс.

<sup>12</sup> Zentralwohlfartsstelle. Статистические данные на конец 2003 г.

которых 243 тыс. проживали в Российской Федерации<sup>13</sup> и около 90 тыс. на Украине. Таким образом, количество евреев, остающихся в России, меньше, чем выходцев их бывшего Советского Союза в США, а на Украине их было примерно столько же, как постсоветских евреев в Германии.

Среди западных стран после США и Германии наибольшее число евреев из бывшего СССР проживает в Канаде. Согласно оценке, основанной на данных канадской переписи населения, в 1996 г. около 20 тыс. мигрантов из бывшего СССР идентифицировали себя как евреи, не считая отдельные, крайне малочисленные группы в наименее населенных районах страны (Brym 2001, с. 35). Эта оценка включает всех евреев, иммигрировавших из бывшего Советского Союза, вне зависимости от даты их въезда в Канаду (примерно 3 тыс. из них иммигрировали до 1970 г.). Принимая во внимание отмеченное, можно сделать вывод, что примерно 25 тыс. человек, относящихся к «ядру» еврейского населения, которые родились в бывшем СССР и иммигрировали в Канаду после 1970 г., проживали там в 2004 г. Эта цифра включает также детей, которые родились после эмиграции.<sup>14</sup> Однако в нее входит некоторое количество лиц, которые заявили о принадлежности к евреям, одновременно указав и другую этническую группу. Так что приведенная оценка представляется максимальной. Во всех других странах за пределами бывшего СССР советские (с 1970 г.) и постсоветские еврей-иммигранты и их потомки еще меньше по численности.

В Израиле в начале 2004 г. из общей численности еврейского населения в 5,165 млн. было примерно 0,8 млн. евреев, которые въехали из стран бывшего СССР после 1970 г., а также их потомков. Согласно официальным израильским данным, в стране проживали 671,8 тыс. евреев, которые иммигрировали из бывшего СССР между 1990 и 2003 гг. (эта цифра включает детей, которые родились уже в Израиле) (Israel CBS. 2004, таблица 2.25). В течение предшествующих 20 лет (с 1970 по 1989 гг.) в Израиль въехали из Советского Союза около 178 тыс. иммигрантов, включая как евреев, так и незначительное в этот период количество членов их семей (Israel CBS. 2002, таблица 2). Хотя некоторые из них впоследствии эмигрировали и/или умерли, это сокращение компенсировалось естественным приростом выходцев из СССР в Израиле.

---

<sup>13</sup> Оценка включает евреев горских, грузинских, средне-азиатских (бухарских) и крымчаков, а также тех евреев (возможно, около 20 тыс.), которые были учтены при переписи 2002 года как лица, не указавшие национальность в переписном листе. Подробный анализ данных этой переписи о еврейском населении Российской Федерации см.: Tolts 2004, с. 37-52.

<sup>14</sup> Данные известного канадского социолога Роберта Брима (Robert J. Brym, The University of Toronto), из электронной переписки с Марком Тольцем, 19 и 21 ноября 2004 г. Отметим, что близкие результаты получены и др. специалистами на основе канадской переписи 2001 г.: 27,8 тыс. евреев, родившихся на территории бывшего СССР, включая въехавших до 1970 г. (см.: Csillag 2005).

В 1970 г. в «ядро» еврейского населения мира насчитывало около 12,6 млн. чел. К 2004 г. оно достигло примерно 13 млн. чел. (DellaPergola 2004, с. 500). За этот период численность «ядра» еврейского населения, имеющего свои корни в бывшем СССР, сократилась почти на полмиллиона, несмотря на значительное по численности «включение» в него лиц этнически смешанного происхождения в связи с их миграцией. В 1970 г. доля советских евреев в общей численности «ядра» мирового еврейского населения составляла 17%. К 2004 г. доля уроженцев бывших советских республик и их детей в общей численности «ядра» еврейского населения мира, несмотря на низкую рождаемость и вымирание тех, кто не мигрировал в Израиль, согласно нашим расчетам, оставалась весьма заметной — 12%.

\*\*\*

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что в соответствии с оценками, берущими в качестве исходной точки данные советской переписи населения 1970 г., к началу 2004 г. численность «ядра» еврейского населения, имеющего свои корни в бывшем Советском Союзе, насчитывала во всем мире примерно 1,6 млн. человек; их десятая часть — это лица этнически смешанного происхождения, которые «вошли» в «ядро» еврейского населения только в связи с миграцией. После 1970 г. большинство евреев, родившихся на территории бывшего СССР, сменили страну своего проживания. Сейчас не менее половины тех из них, кто входит в «ядро» еврейского населения мира, сконцентрированы в Израиле. В 2004 г. в этой стране проживало около 0,8 млн. евреев из бывшего Советского Союза, мигрировавших после 1970 г. и их детей, которые официально имеют данный этнический/религиозный статус. По всей видимости, примерно пятая часть из них прежде не идентифицировала себя как еврей в советских переписях населения и не относилась властями в бывшем СССР к лицам данной национальности.

*Авторизованный перевод с английского – И.В.Ивахнюк*

### Литература

1. Винер Б. (2004) Конструирование современной этноконфессиональной идентичности: от безверия к вере чужого народа // Диаспоры. 2004. № 1.
2. Волков А. (1989) Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав (часть 2) // Вестник статистики. No: 8.
3. Тольц М. (2002) Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России // Мир в зеркале международной миграции / Под ред. В.А. Ионцева. М.
4. Altshuler M. (1987) Soviet Jewry since the Second World War: Population and Social Structure. New York.
5. Ament J. (2004) Jewish Immigrants in the United States (October 2004). Available: [http://www.ujc.org/content\\_display.html?ArticleID=118670](http://www.ujc.org/content_display.html?ArticleID=118670).

6. Andreev E. (2001) Jews in Russia's Households [Based on the 1994 Micro-census] // Papers in Jewish Demography 1997 / Eds. S. DellaPergola and J. Even. Jerusalem.
7. Bondarskaya G.A. (1993) Nationality in the Population Statistics in the U.S.S.R. // Challenges of Measuring an Ethnic World: Proceedings of the Joint Canada-United States Conference on the Measurement of Ethnicity / Statistics Canada and US Bureau of the Census. Ottawa and Washington, D.C.
8. Brym R.J. (2001) Jewish Immigrants from the Former Soviet Union in Canada // East European Jewish Affairs. Vol. 31. No. 2.
9. Csillag R. (2005) Immigration Key to Growth of Jewish Community // Canadian Jewish News. June 29, 2005. Available: <http://www.cjnews.com/viewarticle.asp?id=6742>.
10. DellaPergola S. (2002) Demography // The Oxford Handbook of Jewish Studies / Ed. M. Goodman. Oxford
11. DellaPergola S. (2004) World Jewish Population, 2004 // American Jewish Year Book. Vol. 104.
12. Deutsch Kornblatt J. (2004) Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church. Madison, Wis.
13. Florsheim Y. (1989) Emigration of Jews from the Soviet Union in 1988 // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe. No. 2 (9).
14. Gitelman Z. (1994) The Reconstruction of Community and Jewish Identity in Russia // East European Jewish Affairs. Vol. 24. No. 2.
15. Gitelman Z. (2003) Thinking about Being Jewish in Russia and Ukraine // Jewish Life after the USSR / Eds. Gitelman Z., with Glants M. and Goldman M.I. Bloomington, Ind.
16. Israel CBS (2002) Immigration to Israel 1999. Jerusalem.
17. Israel CBS (2003) Statistical Abstract of Israel 2003. Jerusalem.
18. Israel CBS (2004) Statistical Abstract of Israel 2004. Jerusalem.
19. Riss I. and Klopshtock Y. (2002) Immigrants from Ukraine According to the Registry of the Interior Ministry, 1996–1999 // The Jews of the Former Soviet Union in Israel and in the Diaspora / Ed. L. Dymerskaya-Tsigelman. No. 20–21.
20. Schmelz U.O. and DellaPergola S. (1995) World Jewish Population, 1993 // American Jewish Year Book. 1995. Vol. 95.
21. Sicron M. (2003) Immigrants from the Former Soviet Union (FSU) in the Israeli Population and Labor Force / Paper presented at the International Conference in Honor of Professor Mordechai Altshuler on Soviet and Post-Soviet Jewry. Jerusalem, December 28–30, 2003.

22. Silver B.D. (1986) The Ethnic and Language Dimensions in Russian and Soviet Censuses // Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Ed. R.S. Clem. Ithaca, New York.
23. Statistics Estonia. Statistical database: The 2000 population and housing census. Available: <http://www.stat.ee/>.
24. Tolts M. (1996) The Jewish Population of Russia, 1989-1995 // Jews in Eastern Europe. No. 3 (31).
25. Tolts M. (1999) Jews in the Russian Federation: A Decade of Demographic Decline // Jews in Eastern Europe. No. 3 (40).
26. Tolts M. (2001) Jewish Demography of the Former Soviet Union // Papers in Jewish Demography 1997 / Eds. S. DellaPergola and J. Even. Jerusalem
27. Tolts M. (2003a) Mass Aliyah and Jewish Emigration from Russia: Dynamics and Factors // East European Jewish Affairs. Vol. 33. No. 2.
28. Tolts M. (2003b) Demography of the Jews in the Former Soviet Union: Yesterday and Today // Jewish Life after the USSR / Eds. Z. Gitelman, with M. Glants and M.I. Goldman. Bloomington, Ind.
29. Tolts M. (2004) The Post-Soviet Jewish Population in Russia and the World // Jews in Russia and Eastern Europe. No. 1 (52).
30. Tolts M. (2005) Demographische Trends unter den Juden der ehemaligen Sowjetunion // Menora 2004 (Berlin/Wien). Band 15.



**Приложение 1**  
**Эмиграция евреев и членов их семей из бывшего СССР,**  
**1970–2005 гг., тыс. чел**

год	всего	В том числе			Доля Израиля
		Израиль	США *	Германия	
1970-1978	174	132	42	...	76
1979-1988	117	33	84	...	28
1970-1988	291	165	126	...	57
1989	72	12,9	56**	0,6	18
1990	205	185,2	6,5**	8,5	90
1991	195	147,8	35,2	8,0	76
1992	123	65,1	45,9	4,0	53
1993	127	66,1	35,9	16,6	52
1994	116	68,1	32,9	8,8	59
1995	114	64,8	21,7	15,2	57
1996	106	59,0	19,5	16,0	56
1997	99	54,6	14,5	19,4	55
1998	83	46,0	7,4	17,8	55
1999	99	66,8	6,3	18,2	67
2000	79	50,8	5,9	16,5	64
2001	60	33,6	4,1	16,7	56
2002	44	18,5	2,5	19,3	42
2003	32	12,4	1,6	15,4	39
1989-2003	1.554	952	320***	201	61
1970-2003	1.845	1.117	...	...	60
2004	25	10,1	1,1	11,2	40
2005	18	9,4	0,9	6,0	52

**Примечание:** Данные за 1970-1988 гг. включают мигрантов, выбывших по израильской визе во все страны, кроме Израиля; данные за 1991-2005 гг. относятся только к тем, кто получил поддержку со стороны Общества помощи еврейским иммигрантам [Hebrew Immigrant Aid Society (HIAS)]. \*\* Выбытия. \*\*\* Включая мигрантов, которые не получали помощь со стороны HIAS.

**Источники:** Tolts 2003b, с.177; Tolts 2005, с.26-27 [с уточнениями].

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

---

**Цунео Акаха** — профессор политологии, директор Центра восточноазиатских исследований Монтерейского института международных исследований (США)

**Иван Алешковский** — магистр экономики, ассистент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

**Владимир Ионцев** — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

**Владимир Мукомель** — Директор Центра этно-политических и региональных исследований (Россия)

**Елена Садовская** — президент Конфликтологического центра (Казахстан); эксперт Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии при ИНП РАН (Россия)

**Рональд Скелдон** — профессор Университета Сассекс (Великобритания); почетный профессор Университета Гонконга

**Марк Тольц** — доцент-исследователь Отдела демографии и статистики Института современного еврейства, Иерусалимский Университет (Израиль)

**Александр Чернов** — доцент экономического факультета Мурманского государственного технологического университета (Россия)

## ИНФОРМАЦИЯ О СЕРИИ

---

Научная серия «**Международная миграция населения: Россия и современный мир**» была основана в 1998 г. на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Идея создания серии была связана с резко возросшим масштабом и значением международной миграции в современной России, активизацией теоретических и прикладных исследований российских демографов и экономистов в этой области, в то время как в стране не существовало ни одного научного периодического издания по международной миграции. Главный редактор серии — В.А. Ионцев, профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ. Ответственный секретарь — заместитель заведующего кафедрой народонаселения, доцент, к.э.н. И.В. Ивахнюк.

Выпуски серии выходят два раза в год; они представляют собой как сборники статей, так и индивидуальные монографии. Фактически на страницах серии происходит активный обмен мнениями российских и зарубежных ученых по различным теоретическим и прикладным аспектам участия России в международной миграции населения, его причин и последствий.

**Первый выпуск** (1998 г.) был составлен преимущественно на основе докладов, представленных российскими учеными на Генеральной Конференции IUSSP в Пекине, Китай, в октябре 1997 г. (Подробная информация о Конференции представлена в данном выпуске.) Это статья *В.А. Ионцева и А.Н. Каменского — Россия и международная миграция населения*, раскрывающая проблемы, связанные с участием России в мировых миграционных процессах на новом этапе своего развития. Статья *А. Островского — Миграция рабочей силы из Китая на российский Дальний Восток: возможности иммиграции сегодня и в будущем*, касается превращения трудовой миграции в постоянную иммиграцию в конкретном российском регионе.

Другие статьи первого выпуска посвящены исключительно актуальному для России аспекту международной миграции — «утечке умов»: *И.Г. Ушкалов — Интеллектуальная эмиграция из России: факторы, масштабы, последствия, возможности регулирования*; *И.А. Малаха — «Утечка умов» в странах Центральной и Восточной Европы: состояние, политика регулирования*. Кроме того, первый выпуск серии включает рецензию на знаменитую книгу Джулиана Саймона «Экономические последствия иммиграции». Рецензии на заметные публикации российских и иностранных специалистов по международной миграции являются обязательным разделом каждого из выпусков серии.

**Второй выпуск** (1999 г.) представлен широким диапазоном тем, связанных с международной миграцией населения в России и в мире:

*В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова — «Внешняя» миграция между Россией и странами ближнего зарубежья (Исторический обзор); И.В. Ивахнюк — Опыт государственного регулирования международной трудовой миграции (на примере Турции); А.Н. Каменский — Экспорт рабочей силы и влияние переводов трудящихся мигрантов на платежные балансы стран выезда; И.Г. Ушкалов — Эмиграция и иммиграция: российский феномен.* Помимо статей российских ученых, в сборник включена работа профессора *Янеша Малачича* (Университет Любляны, Словения) — *Ситуация на рынке труда и в сфере международной миграции в центрально-европейских странах с переходной экономикой.* Начиная с этого выпуска, приглашение зарубежных коллег, работы которых нечасто можно прочесть на русском языке, стало традицией серии: каждый выпуск серии включает, по крайней мере, одну статью иностранного ученого, специализирующегося по проблемам международной миграции.

**Третий выпуск** (1999 г.) представлен монографией *В.А. Ионцева — Международная миграция населения: теория и история изучения.* В книге рассмотрены современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения, дана классификация основных научных подходов в ее изучении. Работа содержит подробный анализ участия России в международных миграционных потоках, начиная с XVIII века до современного этапа развития, а также прогноз развития миграционной ситуации в стране и регионе. Монография дополнена кратким терминологическим словарем по миграции. Заслуживает внимания также обширная библиография, включающая более 1200 названий работ российских и зарубежных авторов по миграционной тематике.

**Четвертый выпуск** (2000 г.) включает статьи российских и зарубежных ученых, отображающих как современные глобальные тенденции в международной миграции населения, так и специфику миграционных потоков в Россию и из нее. Статья профессора *Семы Эрдер* (Университет Мармара, Турция) — *Новые тенденции международной миграции и опыт Турции* представляет точку зрения автора на миграционную картину в современной Европе и меняющееся место в ней Турции. Появление нового миграционного пространства в Восточной Европе привело к появлению качественно новых миграционных потоков в регионе. Это стало объектом двух других статей выпуска: *И.В. Ивахнюк — Взаимодействие России и Турции в области международной трудовой миграции; Е.С. Красинец, Е.В. Тюрюканова — Миграция Россия — Италия как модель этнонейтральной экономической миграции.* Этнический аспект международной миграции представлен в статье израильского демографа *Марка Тольца* (Иерусалимский Университет) — *Миграция российских евреев в 90-е гг.*

Среди рецензий, помещенных в четвертом выпуске, одна заслуживает особого внимания. Это последняя книга *И.Г. Ушкалова и И.А. Малахи —*

*«Утечка умов»: масштаб, причины, последствия.* Это не просто хорошая книга, но последняя прижизненная публикация Игоря Георгиевича Ушкалова, безвременно ушедшего из жизни в ноябре 1999 г. Он, безусловно, был одним из лучших специалистов по международной интеллектуальной миграции.

**Пятый выпуск** (2000 г.) объединен одной общей темой — влияние международной миграции населения на демографическое развитие. Ситуация в трех бывших республиках СССР — России, Украине и Армении — анализируется в статьях демографов из соответствующих стран: *В.А. Ионцев — Международная миграция населения и демографическое развитие России; А.У. Хомра — Международная миграция и демографическое развитие Украины; Р.С. Еганян — Демографические реалии и перспективы Республики Армения на пороге XXI века.* Показательно сравнение опыта этих трех стран, в которых международная миграция играет прямо противоположную роль на протяжении последнего десятилетия. Статья *М.Б. Денисенко — Замещающая миграция* представляет собой анализ Отчета по Научному проекту ООН по замещающей миграции, участником которого был автор. В статье делается попытка дать ответ на вопрос, может ли замещающая миграция решить проблему старения и сокращения населения в развитых странах. Статья профессора Лувэнского католического университета (Бельгия) *Мишеля Пулэна — Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы* является серьезным вкладом в разработку единой методологии исследований международной миграции населения.

**Шестой выпуск** (2001 г.) полностью посвящен вынужденной миграции населения и приурочен к 50-летию юбилею деятельности Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и принятия Конвенции 1951 г., касающейся статуса беженцев. Региональное представительство УВКБ ООН в РФ поддержало издание этого выпуска, и обзорная информация о его деятельности в России за последние пять лет представлена на страницах книги. Естественно, все статьи шестого выпуска посвящены вынужденной миграции населения: *В.И. Мукомель — Вынужденная миграция в контексте миграционных процессов и миграционной политики стран СНГ: этапы развития; Марек Окольски (Польша) — Миграционное давление на Европу; С.В. Рязанцев — Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления; Филипп Ваннер (Швейцария) — Ищущие убежища в Швейцарии: социально-демографические характеристики; М.Н. Куница — Вынужденная миграция населения в региональном развитии: особенности и проблемы в Брянской области; С.А. Ганнушкина — Право и политика России в области миграции; Я. Нисанов — Тоталитарные традиции и свободное предпринимательство в России: коллизии права, вынуждающие мигрировать.*

**Седьмой выпуск** (2002 г.) несколько нарушил хронологию серии, поскольку приурочен к юбилею Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в структуру которого входит кафедра народонаселения. Он представляет собой аннотированную библиографию трудов по миграции сотрудников Центра за все годы его существования и называется *Миграция населения: 35 лет исследований в Центре по изучению проблем народонаселения (1967–2002 гг.)* (Составитель — *И.В. Ивахнюк*). Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших хорошую теоретическую основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России

**Восьмой выпуск** (2001 г.) посвящен вопросам статистики и учета международной миграции населения, имеющих своеобразные национальные особенности и значительные различия, что зачастую затрудняет глубокий сравнительный анализ мировых миграционных потоков. Статья *О.С. Чудиновских* — *Состояние и перспективы текущего учета миграции в России* анализирует недостатки существующей в настоящее время в России системы первичной регистрации мигрантов, которые выступают препятствием для получения достоверных статистических данных по миграции и научного исследования миграционных процессов в стране. Статья *М.Б. Денисенко* — *Эмиграция из России по данным зарубежной статистики* представляет национальную иммиграционную статистику иностранных государств как альтернативный, более точный источник оценки эмиграционных потоков из России. Небольшая статья *Жоржа Тапиноса* — *Международная миграция населения как фактор экономического развития* содержит некоторые ценные методологические замечания и ориентиры, весьма актуальные для нынешней миграционной ситуации в России и других государствах бывшего СССР. Статья *А.Е. Слуки* — *Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы* продолжает важную для нас тему — о роли международной миграции в демографическом развитии, — заявленную в третьем и пятом выпусках.

**Девятый выпуск** (2002 г.) также имеет единую тему, исключительно актуальную и для России, и для многих других стран мира, — нелегальная, незаконная миграция. Анализ незаконной миграции представлен в широком географическом и тематическом разрезе. В ряде статей рассмотрена ситуация с незаконной миграцией в России: *Г.С. Витковская* — *Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия*; *Е.С. Красинец* — *Незаконная иммиграция и латентная занятость в приграничных территориях Российской Федерации*; *Т.И. Куценко* — *Нелегальная миграция и незаконная занятость иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ*. Другие статьи посвящены анализу аналогичных проблем в других странах СНГ: *Е.Ю. Садовская* — *Предупреждение*

*незаконной миграции в Республике Казахстан; Л.П. Шахотько (Беларусь) — Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения.* Специфика геополитического положения государств бывшего СССР и относительная «прозрачность» границ между нами привела к формированию особого евроазиатского миграционного пространства, используемого как транзитный коридор для переправки нелегальных мигрантов из Азии в Европу. Авторы указывают на неразрывность проблем нелегальной миграции и незаконной занятости и на значимость мер государственного контроля за незаконным использованием иностранной рабочей силы в контексте борьбы с незаконной международной миграцией.

**Десятый, юбилейный выпуск** (2002 г.) составлен из статей признанных специалистов в области международной миграции из разных стран мира. В них представлены как теоретические аспекты изучения миграции населения, так и анализ тенденций развития миграционной ситуации в отдельных странах и регионах. В статье *Дугласа Массея* (США) *Синтетическая теория международной миграции* делается попытка сформулировать универсальную, обобщающую теорию миграции на основе существующих концепций. *Дирк ван де Каа* (Нидерланды) в статье *О международной миграции и концепции второго демографического перехода* убедительно доказывает важность включения миграции населения в анализ демографического развития, делая значительный теоретический шаг в понимании классической теории демографического перехода. По-разному, но одинаково интересно предлагают взглянуть на проблемы миграции высококвалифицированных кадров в современном мире *Реджинальд Эпплеярд* (Австралия) — *Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире* и *Ирина Малаха* (Россия) — *К вопросу об «утечке умов» в России во второй половине 1990-х гг.* Новый теоретический подход к пониманию современных тенденций международных миграционных потоков предлагает *Мэри Критц* (США) в статье *Международная миграция: развитые страны как «экспортеры» населения.* Особого интереса заслуживает статья *Марека Окольского* (Польша) — *Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии,* где автор показывает роль демографических процессов и, прежде всего, миграции в смене человеческих цивилизаций, в частности, в грядущей смене европейской цивилизации (при условии сохранения современных демографических тенденций в Европе) азиатской цивилизацией, что, по существу, уже происходит в результате китайской иммиграции. Статья *Вили Гельбраса* (Россия) *Китайская миграция и китайские землячества в России* удачно развивает и конкретизирует эту тему. Изменения в миграционных тенденциях в странах восточноевропейского региона и бывшего СССР находятся в центре внимания целого ряда статей: *Янеш Малачич* (Словения) *Тенденции международной миграции в Центральной и Восточной Европе в конце 1990-х гг. и начале XXI века;* *Марк Тольц* (Израиль) —

*Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России; Андрей Каменский (Россия) — Современное участие России в международной трудовой миграции; Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк (Россия) — Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.).*

**Одиннадцатый выпуск** (2003 г.) озаглавлен «Миграция и национальная безопасность», что отражает активизировавшуюся в российском обществе, в научных и правительственных кругах, а также в средствах массовой информации полемику относительно именно тех аспектов международной миграции, которые имеют непосредственное отношение к вопросам обеспечения национальной безопасности. Статья *Л. Рыбаковского — Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция*, — оценивает роль международной миграции и целенаправленной миграционной политики в преодолении демографического кризиса в России, который сам по себе представляет угрозу национальной безопасности и суверенитету России. Этой же теме, но с точки зрения иностранных исследователей, посвящена статья *Грэма Херда и Росарио Пуглиси (Великобритания) — Национальная безопасность и миграционная политика времен В.Путина: взгляд извне*. Анализ роли миграции в противодействии депопуляционным тенденциям актуален как для России (статья *Д. Эдиева — Международная миграция как фактор преодоления депопуляции России*), так и для Украины (статья *А. Хомры — Миграция населения Украины в 1989–2001 гг.: вклад в изменение численности и этнической структуры населения*). Статья *И. Ивахнюк и Р. Даурова — Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски*, — обращает внимание на «многослойность» проблемы, выделяя политический, экономический, криминальный, социальный аспекты. В контексте угроз экономической и этнокультурной безопасности написана статья *С. Соболевой и О. Чудаевой — Иностранцы мигранты на российском рынке труда*, основанная на результатах обследования миграции в восточных регионах России.

**Двенадцатый выпуск** (2004 г.) посвящен 10-летию Всемирной конференции ООН по народонаселению и развитию в Каире и предварительным итогам осуществления принятой там 20-летней Программы действий в той ее части, которая касается международной миграции. Выпуск специально приурочен к Всероссийскому Национальному Форуму «Настоящее и будущее народонаселения России». Статья *Владимира. Ионцева и Андрея Каменского (Россия) — Международная миграция населения в России: уроки Каира* основывается не только на анализе Программы действий Каирской конференции, но и на личных впечатлениях авторов, принимавших участие в работе этой конференции. Статья *Дэвида Коулмана (Великобритания) — Европа на перекрестке дорог: должны ли население Европы и ее рабочая сила зависеть от новой иммиграции?* не только подвергает критике возможность



достижения отдельных целей, поставленных на Каирской конференции в области миграции, но и затрагивает важную проблему долгосрочных последствий (не всегда положительных) массовой миграции в развитые страны Европы. Статья *Ирины Прибытковой* (Украина) — *Современные миграционные исследования: в поисках новых теорий и концепций* представляет собой попытку обобщить некоторые теоретические положения и методологические принципы изучения миграции, в том числе на пути междисциплинарных исследований. В статье *Сергея Рязанцева* (Россия) — *Вынужденная миграция в России: 10 лет после Каира* рассматривается наиболее актуальная для России в 1990-е гг. форма миграции. Статьи *Людмилы Пократовой* (Россия) — *Международная миграция населения на Дальнем Востоке России: трансформация потоков и основные тенденции* и *Светланы Грибовой* (Россия) — *Миграция как элемент механизма интеграции восточных регионов России с экономикой КНР* — касаются актуальных для России вопросов взаимовыгодных отношений с Китаем в области привлечения китайских мигрантов. Статья *Елены Тюрюкановой* (Россия) — *Трудовая миграция из стран СНГ и новые практики эксплуатации труда*, — основанная на конкретных исследованиях, затрагивает очень болезненную тему прав трудящихся-мигрантов, которая занимает заметное положение в Программе действий Каирской конференции.

**Тринадцатый выпуск** (2005 г.) «Международная миграция: молодежный выпуск» полностью состоит из статей студентов, аспирантов и молодых научных сотрудников из России и государств СНГ, специализирующихся на изучении проблем международной миграции.

В **четырнадцатый выпуск** (2005 г.) включены доклады, которые были представлены на двух семинарах, организованных совместно Департаментом по миграции Совета Европы и кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: “Экономическая миграция в России — правовая защита мигрантов” (Москва, 18-19 декабря 2003 г.) и “Перспективы трудовой миграции в России и ее регионах: права мигрантов в контексте экономического и демографического развития” (Санкт-Петербург, 1–2 июля 2004 г.). В более чем 20 статьях анализируются наиболее актуальные проблемы трудовой миграции в России с позиции представителей государственных структур, занимающихся осуществлением миграционной политики, и ученых с разных точек зрения: политический, экономической, юридической, социальной, региональной, этнической. Доклады экспертов из европейских стран делятся опытом своих государств с управлением процессами международной трудовой миграции, в частности, какие преимущества несет в себе присоединение к Европейской Конвенции о правовом статусе трудовых мигрантов 1977 г.

**Пятнадцатый выпуск** (2005 г.) представляет собой сборник докладов, представленных на секцию по международной миграции XXV Конференции по народонаселению, организованной Международным

Союзом по научному изучению народонаселения (IUSSP) 18–23 июля 2005 г. в г. Туре (Франция). В докладах отображены наиболее типичные современные закономерности международной миграции, такие как глобализация миграционных потоков, возрастающая роль международной миграции в демографическом развитии принимающих стран, качественные сдвиги в мировых миграционных потоках, растущие масштабы и значение трудовой миграции, распространение незаконных форм миграции, феминизация миграционных потоков, двойственная роль миграционной политики. Книга опубликована на английском языке и распространялась среди участников конференции.

**Шестнадцатый выпуск** (2006 г.) представляет собой русскоязычную версию 15-того выпуска.

**Семнадцатый выпуск** (2006 г.) представлен монографией *Аминат Магомедовой «Экономико-демографические аспекты внешней миграции в России»*, Воздействие международной миграции на экономическое и демографическое развитие России рассматривается в книге как в историческом плане, так и с точки зрения современной теории миграции.

\*\*\*

Более подробную информацию о научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир», о тематике планируемых выпусков, об условиях участия в выпусках серии, а также об их приобретении можно узнать по адресу:

**Москва, 119992, Ленинские горы, ГСП-2, Экономический факультет МГУ, кафедра народонаселения, к. 442 и 458.**

**Тел: (7 495) 939 29 28. Факс: (7 495) 939 08 77.**

**E-mail: [iontsev@econ.msu.ru](mailto:iontsev@econ.msu.ru), [ivakhniouk@econ.msu.ru](mailto:ivakhniouk@econ.msu.ru).**

\*\*\*

Учитывая, что выпуски серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» выходят небольшими тиражами и редакция не может удовлетворить спрос всех желающих в их приобретении, выпуски серии размещаются на сайте кафедры народонаселения [www.demostudy.ru](http://www.demostudy.ru) и доступны для ознакомления.